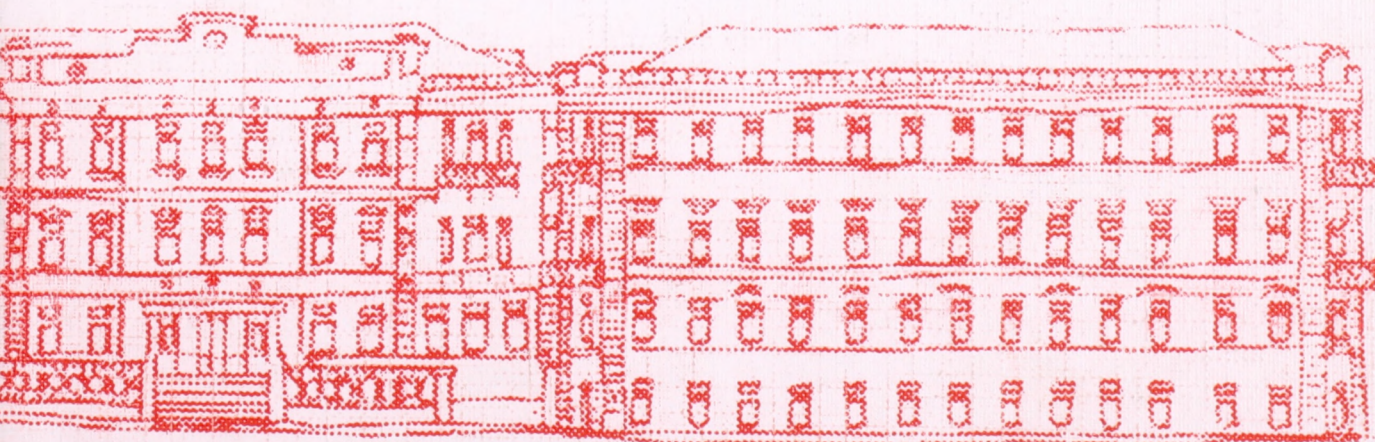

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДОВ**

**БЮЛЛЕТЕНЬ
(NEWSLETTER)**

6

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДОВ**

**БЮЛЛЕТЕНЬ
(NEWSLETTER)**

6

**Материалы
II Всероссийского съезда востоковедов
Казань, 18 – 22 октября 1999 г.**

**Москва
ИВ РАН
2002**

ББК 78.37

Б98

Редакционная коллегия: Л.Б. Алаев, Д.Д. Васильев, Е.И. Кычанов
Р.Б. Рыбаков (председатель),
И.М. Стеблин-Каменский,
А.А. Столяров (секретарь),

Б98 Бюллетень Общества востоковедов. — Вып. 6: Материалы II
Всероссийского съезда востоковедов (Казань, 18-22 октября 1999
г.) — М.: Институт востоковедения РАН. 2002. — 176 с.

ISBN 5-89282-198-6

В этом выпуске “Бюллетеня” Общества востоковедов РАН продолжается публикация докладов и выступлений, прозвучавших на заседаниях II Всероссийского съезда востоковедов, который проходил в Казани с 18 по 22 октября 1999 г.

В отдельный раздел “Бюллетеня” вошли материалы специального заседания, посвященного 60-летию юбилею Института языка, литературы и искусства им. Г.И. Ибрагимова Академии наук Татарстана.

ББК 78.37

Б98

ISBN 5-89282-198-6

© Институт востоковедения РАН, 2002

© Общество востоковедов РАН, 2002

Содержание

Д.Д. Васильев, Т.В. Носенко, А.А. Столяров Второй Всероссийский съезд востоковедов в Казани	7
Выступление О.Ф. Акимушкина	13
Выступление С.М. Аникеевой	15
Выступление С.А. Арутюнова	17
Выступление Б.В. Базарова	22
Выступление А.А. Бокщанина	24
Выступление В.Я. Бутанаева	26
Выступление Р.М. Валеева	28
Выступление А.М. Васильева	31
Выступление М.А. Дандамаева	35
Выступление Г.Г. Гамзатова	37
Выступление Г.В. Длужневской	40
Выступление Ч.М. Доржу	42
Выступление С.Б. Дружиловского	44
Выступление Н.Н. Дьякова	47

Выступление Н.Л. Жуковской	49
Выступление С.С. Заяц	52
Выступление Д.М. Исхакова	56
С.Г. Кляшторный Россия и Центральноазиатский мир	59
Г.Г. Косач Проблемы ислама в России	64
Выступление А.И. Кравцевича	67
Выступление Е.И. Кычанова	69
Выступление А.И. Османова	73
Н.О. Османов Проблема перевода Корана на русский язык	76
Выступление И.Ф. Поповой	81
Выступление Е.Я. Сатановского	84
Выступление В.М. Солнцева	87
Выступление Н.В. Солнцевой	89
Выступление И.М. Стеблина-Каменского	92
Востоковедческие исследования в Хакасском государственном университете им. Н.Ф. Катанова	97
Выступление Н.М. Хрящевой	99
Выступление Т.В. Царевской	101

Выступление Ю.В. Чудодеева	104
Выступление Ф.А. Шакуровой	108
Выступление А.Р. Шихсаидова	110

**Материалы заседания, посвященного 60-летию
Института языка, литературы и искусства им. Г.И. Ибрагимова
Академии наук Татарстана**

Р.У. Амирханов Дореволюционная татарская историография: востоковедческо-тюркологические аспекты	119
Г.М. Арсланов Условность и достоверность в режиссерском искусстве татарского театра	124
Ф.А. Ганиев Проблемы современной татарской лингвистики	129
А.Х. Махмудова Феномен Мухлисы Буби	135
С.В. Прожогина Некоторые проблемы литературы мусульманской диаспоры в Европе	138
В.М. Солнцев Основные задачи современной лингвистики	144
Ф.И. Урманчиев Современные проблемы татарской фольклористики	148
И.Ш. Хисамов Востоковедческие основы татарского литературоведения	153

Ф. Хузин	157
Волжская Булгария в системе связей Запад – Восток	
З.М. Шаляпина	162
Основные направления исследований Отдела языков народов Азии Института востоковедения РАН	
А.Н. Юзеев	172
Основные тенденции развития татарской религиозной мысли конца XVIII - XIX вв.	

**Д.Д. Васильев,
Т.В. Носенко,
А.А. Столяров**

Второй Всероссийский съезд востоковедов в Казани

В настоящем, шестом выпуске Бюллетеня Общества востоковедов завершается публикация материалов Второго Всероссийского съезда востоковедов, начатая в четвертом выпуске.

Проходивший в Казани с 19 по 22 октября 1999 г., съезд был посвящен обсуждению задач, стоящих перед отраслью в двадцать первом столетии. Его организаторы - Общество востоковедов при Российской Академии наук, Институт востоковедения РАН, Казанский государственный университет и Академия наук Татарстана не стремились сделать из него очередное парадное мероприятие. На съезд собрались ученые-востоковеды, представители востоковедческих факультетов и кафедр высших учебных заведений, сотрудники музеев, архивисты и библиотечные работники, связанные с востоковедческой тематикой. Организаторам удалось обеспечить представительство на съезде четырнадцати городов и регионов России. Помимо Москвы, Санкт-Петербурга и Казани, российское востоковедение продолжает развиваться в Новосибирске и Кемерово, Барнауле и Владивостоке, на Алтае и в Бурятии, в Туве и Дагестане, а также во многих других востоковедческих центрах.

Торжественную атмосферу в работу съезда внес приезд лидеров блока ОВР: бывшего премьер-министра Е.М. Прима-

кова и президента Татарстана М.Ш. Шаймиева. Академик Е.М. Примаков, несколько лет возглавлявший московский Институт востоковедения и до сих пор являющийся почетным председателем Общества востоковедов, которое воссоздавалось в 1979 г. при его деятельном участии, конечно, не мог не встретиться со своими давними коллегами и друзьями по востоковедческому цеху.

Уже в первых выступлениях - и во вступительном слове Е.М. Примакова и в докладе директора Института востоковедения РАН Р.Б. Рыбакова – было прямо заявлено о том, что востоковедение не просто выстояло в самый трудный период, – оно переживает период подъема, и перед ним стоят, пожалуй, даже более весомые практические задачи, чем когда-либо в прежние времена.

Традиционно востоковедческая наука вносила свой вклад в формирование внешнеполитического курса нашего государства, что было особо подчеркнуто в приветствии министра иностранных дел И.С. Иванова, поступившем в адрес съезда. И сегодня одним из приоритетных исследовательских направлений является долгосрочная комплексная программа Россия - Индия - Китай, которая будет выполняться Институтом востоковедения РАН совместно с индийским и китайским научными центрами.

В последние годы действительность внесла коррективы в сугубо научно-теоретический спор о том, принадлежит ли Россия Востоку или Западу. Запретный в советские времена термин «евразийская держава» теперь отчетливо характеризует политико-географическое положение нашей страны. Восточные проблемы стали неотъемлемой частью российской общественной и государственной жизни. Появилась потребность в осмыслении взаимоотношений России с новыми государственными образованиями в Средней Азии и Закавказье, в углубленном изучении происходящих в них социально-политических и культурных процессов. Только два примера говорят о том, как быстро востоковедческие центры откликну-

лись на новую политическую реальность: в Институте востоковедения РАН был создан отдел по изучению стран СНГ, на восточном факультете Санкт-Петербургского университета возникла кафедра Центральной Азии и Кавказа.

На пороге XXI века российское общество испытало шок от столкновения с таким уже известным всему миру феноменом, как терроризм, питательной средой для которого являются экстремистские группировки в исламском мире. В России, где, по последним оценкам, мусульманское население составляет 16-18 млн., вопрос о мирном межконфессиональном, межнациональном сосуществовании становится в практическую повестку дня. На съезде в Казани российскому исламоведению и гражданской ответственности ученых-востоковедов в подходе к изучению ислама было уделено, пожалуй, столько внимания, как никакому другому вопросу. Красной нитью в ряде выступлений проходила мысль о том, что ученые-специалисты призваны помочь избежать иррационального противостояния в обществе между мусульманами и немусульманами, противодействовать уже формирующемуся образу врага не только по национальному признаку (пресловутые "лица кавказской национальности"), но и по принадлежности к исламскому вероисповеданию.

Востоковедов волнует и вопрос о популяризации результатов своих исследований. Сегодня "чистая" наука не только не продуктивна с общественных позиций, но и не прибыльна с коммерческой точки зрения. С другой стороны, повышенный общественный спрос на востоковедческие знания в наше время зачастую удовлетворяется весьма низкосортной продукцией, изобилующей псевдонаучными посылами и выводами. Поэтому потребность в контроле за качеством выходящих печатных изданий как никогда высока.

Просветительской, публицистической деятельности востоковедов было уделено немалое внимание на съезде. Она тесно сопряжена с проблемой подготовки молодых кадров. Ведь недаром не менее трети его участников являлись представите-

лями высших учебных заведений России. В их выступлениях вполне понятные горькие сетования на то, что современная прагматичная молодежь не хочет заниматься таким малоодходным делом, как наука, переплетались с нескрываемой гордостью за то, что выпускники восточных факультетов и отделений находят себе применение в средствах массовой информации и бизнесе, в Министерстве иностранных дел и других государственных учреждениях.

Давняя практика переплетения академической науки с преподавательской деятельностью в наши дни обогащается новыми формами. При московском Институте востоковедения с 1994 г. функционирует Восточный университет, в котором обучается более 200 студентов. Студенты с первых шагов обучения получают возможность ощутить традиционную для востоковедения уважительную, демократическую атмосферу общения с самыми известными отечественными ориенталистами, чьи имена имеют мировое звучание. Многие из них могут поделиться со своими учениками не только теоретическими знаниями, но и личными впечатлениями от жизни и работы в изучаемых странах.

Кадровая проблема, омоложение науки является в настоящее время одной из главных тревожных тем востоковедения. Ведь сейчас его костяк составляют те, кто пришли в науку в 50-60-е годы, когда эта сфера деятельности считалась особенно престижной в нашей стране. Без притока свежих сил возникает опасность снижения уровня требований в любой науке. Поэтому на казанском форуме очень уместно прозвучал призыв ректора Института стран Азии и Африки при МГУ М.С. Мейера ко всем востоковедным высшим учебным заведениям страны заключить договор о сотрудничестве, который позволял бы выработать единые стандарты в подготовке студентов, особенно преподавательских кадров для востоковедения.

Одной из главных тем, вынесенной в название Второго Всероссийского съезда востоковедов, являлось создание еди-

ного информационного пространства в этой отрасли науки. Нет необходимости доказывать, что современные средства электронной связи наилучшим образом обеспечивают преодоление разобщенности между научными центрами, доступ к международной информации и возможность использовать различные отечественные базы данных. Поэтому еще на Первом съезде востоковедов в Элисте в 1997 г. была поставлена задача создания единой информационной сети на базе Общества востоковедов РАН.

Результаты проделанной за два года работы были продемонстрированы во время электронного сеанса связи с Москвой, Санкт-Петербургом и Улан-Удэ, организованного при поддержке и помощи Научно-исследовательского института математики и механики Казанского университета. Это было одно из самых интересных заседаний съезда, которое вызвало всеобщий интерес. Ведь созданный в Институте востоковедения в Москве Евразийский Востоковедческий сервер (EAOS) уже сегодня содержит немало полезной, постоянно обновляемой информации о востоковедческих организациях и коллективах, о крупных совместных проектах общероссийского и международного уровней. Среди его информационных ресурсов – электронные публикации, каталоги и базы данных по востоковедческой тематике, он также обеспечивает выход на востоковедческие сайты Интернета. Теперь дело за главным: оснастить все российские востоковедческие центры необходимыми техническими средствами, позволяющими использовать широкие возможности, предоставляемые Евразийским сервером.

Еще одно заседание съезда было связано с 60-летним юбилеем Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Татарстана, которое отмечалось в дни работы съезда. На торжественном заседании в Большом концертном зале Республики Татарстан присутствовал президент М.Ш. Шаймиев. Такое внимание политического лидера республики к науке и культуре говорит о многом и вселяет надеж-

ду, что традиционная школа востоковедения в России не исчезнет, но будет пополняться новыми направлениями.

Заключительное заседание съезда было посвящено организационным вопросам, связанным с деятельностью Общества востоковедов. Его новым президентом избран на следующий срок директор Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН Е.И. Кычанов. Но своим успехом, оптимистичным взглядом востоковедов в будущее нынешний съезд в значительной мере обязан той атмосфере гостеприимства и заинтересованности, которая была создана казанскими хозяевами – правительством Татарстана, Горсоветом, Национальной Академией наук.

* * *

За небольшим исключением, практически все материалы Второго Всероссийского съезда востоковедов опубликована в двух выпусках Бюллетеня Общества востоковедов: четвертом и настоящем, шестом. Этот выпуск Бюллетеня составили текущие выступления участников съезда, содержащие, в основном, обсуждение проблем, затронутых в докладе Р.Б. Рыбакова и в Отчетном докладе Общества востоковедов, опубликованных в четвертом выпуске, а также сообщения о научной жизни своих коллективов. Завершается настоящий выпуск Бюллетеня публикацией докладов и сообщений, зачитанных на юбилейном заседании, проведенном в стенах Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Татарстана по случаю его 60-летия.

Следует отметить, что значительная часть выступлений, опубликованных в настоящем выпуске, не была представлена их авторами в письменном виде, а является расшифровкой магнитофонных записей, сделанных на съезде. Поэтому в их тексте могут быть найдены некоторые погрешности – в виде неверных написаний некоторых собственных имен, фамилий, инициалов, терминов. Редколлегия выпуска просит простить эти погрешности и надеется исправить их при последующих переизданиях материалов съезда.

Выступление О.Ф. Акимушкина

Уважаемые коллеги!

Я представляю здесь Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения Российской Академии наук, который продолжает традиции школы Петербургского востоковедения в определенных направлениях. Эти направления, прежде всего, связаны с историей изучения древнего и средневекового Востока, Среднего Востока, Востока от Магриба до Кореи. Тематические направления касаются литературных тенденций, языковых и культурных изменений и т.д. Этим всем мы и занимаемся. Именно эти направления были официально утверждены в 1967 г. постановлением Президиума нашей Академии. Мы уже слышали доклад уважаемого Ростислава Борисовича, где он говорил о том, что нам надо входить в XXI век с началом серьезных исследований по исламу, а также по изучению истории, традиций, современному положению в странах СНГ, т.е. в Средней Азии и Закавказье. В общем, нам не нужно перестраиваться, у нас нет проблем с выбором исследований в этих двух областях, поскольку мы в Петербурге всегда этим занимались. Мне кажется, что в отношении ислама, мы сделали не только выбор, но и достаточно важный шаг, опубликовав в прошлом году первый выпуск «Ислам на территории бывшей Российской империи». При этом мы привлекли к работе исследователей из Башкирии, Татарстана, Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, Закавказья. И это очень хорошо, потому что местные специалисты лучше нас знают положение дел в современном исламе, знают, какие существуют традиции при посещении тех или иных святых мест, лучше знают персоналии, которые, возможно, мы даже не всегда себе представляем. Вышел в свет первый выпуск этого словаря.

Второй выпуск мы сдали в этом году, в следующем году он выйдет в свет. Затем мы делаем третий выпуск под объединенным названием «Ислам на территории бывшей Российской империи». Потом все это объединяется в один том и заново издается, вместе с выпуском энциклопедического словаря. Так что мы свой первый шаг в этом направлении уже сделали. Что же касается изучения истории, культуры, литературы Западной и Центральной Азии – это очень давняя традиция в Академии наук. Она берет свое начало с 30-х годов XX века. И я хочу вам напомнить великолепно сделанные выпуски документов по истории Туркмении, Киргизии, Казахстана и т.д. Более того, у нас есть блестящее рукописное собрание, и, опираясь на него, мы пытаемся заниматься теми исследованиями, которые ставит перед нами сегодняшний день.

Выступление С.М. Аникеевой

Уважаемые коллеги!

Издательством "Восточная литература" с благодарностью было принято приглашение принять участие в этом съезде. Это значит, что мы нужны друг другу. Издательство всем известное, оно было создано 40 лет назад. За это время было выпущено около восьми тысяч наименования книг по всем отраслям востоковедения.

Что происходит сегодня? В связи со всем известными проблемами финансирования, естественно, выпуск издания сократился. Сейчас он составляет около 60 названий книг в год. Тем не менее, мы сохранили уровень научного книгоиздания и видим в этом свою главную задачу. Наши приоритеты - это академические работы, как правило, прошедшие Ученый совет в академических институтах, возможно имеющие гранты РГНФ. Мы являемся одним из базовых издательств РГНФ, и поэтому я обращаюсь к присутствующим здесь представителям востоковедных центров. Пожалуйста, если у вас проекты исследований переходят в издательские гранты, имейте в виду, что мы готовы с вами сотрудничать. У нас есть своя система работы с издательскими грантами. В частности - это авторский гонорар, рассылка и т.д. Все это происходит где-то в марте месяце, когда становятся известны результаты экспертизы. Мы предлагаем вам и совместную работу по разработке издательского редакционного портфеля. Очевидно, мы могли бы предусматривать и издание таких работ, как публикация памятников письменности Востока, публикация наших серийных изданий. Мы могли бы и сами помочь найти какие-то источники финансирования этих изданий совместно с институтами или без институтов, самостоятельно.

Наша основная проблема - это реализация. Вот только что говорилось, о том, что нет этих книг в регионах. Мы работаем с Академкнигой, мы работаем с книготорговыми фирмами других городов, которые приезжают к нам и забирают эти книги непосредственно из издательства. Наша задача - увеличение розничной торговли. Я надеюсь, что скоро в издательстве откроется большой магазин на базе Академкниги и «Восточной литературы».

Существует рассылка книг, изданных при поддержке РГНФ - 100 экземпляров от каждого названия. Этим мы занимаемся. В 1999 г. книги, выпущенные в конце 1998 г. и в течение 1999 г., еще не были разосланы. В список научных центров, куда мы обязаны рассылать эти книги входят, в основном, крупнейшие библиотеки университетских центров, а также областные, республиканские. Я думаю, что мы пытаемся подходить к этому списку выборочно, учитывая профиль институтов. Поскольку мы работаем с фондом не один год, мы включаем в эти списки и те учреждения, с которыми мы сами хотели бы работать. Поэтому если вы не входите в эти списки РГНФ, дайте нам, пожалуйста, свои адреса, и названия своих центров.

Наконец, я хотела бы сказать, что издательство, несмотря на все эти трудности и несмотря на упреки наших коллег-востоковедов, сохранило издательское редактирование. Я думаю, что это помогает нам поддерживать достаточно высокий уровень книгоиздания.

В заключение хочу сказать, что здесь представлена небольшая экспозиция книг – это дар нашего издательства. Разрешите также представить это как дар от Общества востоковедов России Институту языка и литературы Татарстана.

Спасибо за внимание.

Выступление С.А. Арутюнова

Дорогие коллеги!

Ростислав Борисович в своем докладе, затронувшем очень много аспектов нашей комплексной дисциплины, сказал, в частности о том, что по своей модели наш конгресс напоминает конгресс археологов, где участники рассказывают о том, что им удалось откопать за последние два года. Я не могу сказать, что мне так уж много удалось откопать за последние несколько лет, или совершить несколько существенных открытий. Но все-таки о некоторых моих наблюдениях мне хотелось бы здесь сообщить.

Они касаются одного из аспектов проблемы айноведения. То есть, изучения народа айнов – маленького (от 16 до 25 тыс.) нацменьшинства проживающего на севере Японии, на острове Хоккайдо. Несмотря на свою малочисленность, народ айнов является объектом пристального внимания множества поколений и огромного количества ученых как японских, так и западных, европейских, отчасти американских. И надо сказать, что российские ученые внесли в это изучение свой весомый вклад.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что начало российско-го айноведения было положено именно в Казани, ученым казанской востоковедной школы Добротворским, который еще в 70-х годах XIX века опубликовал, по результатам своей полевой работы на Сахалине, айно-русский словарь вышедший именно здесь, в Казани, и ряд других научных работ, которые вошли в золотой фонд мирового айноведения, потому что были одними из самых ранних работ в этой области. Изучение Японии, и, в частности, как один из аспектов японоведения – айноведение, изучение айнов, занимает свое специфичное место в мировом востоковедении и в мировой культурологии. В

силу того, что и Япония, будучи страной островной, изолированной, не испытывавшей массовых нашествий, завоеваний, переселений, будучи очень гомогенной в этническом плане, может являться как бы лабораторным эталоном, как бы образцом в пробирке химически чистого протекания этногенетических и этноисторических культурно-эволюционных процессов, и точно так же можно сказать об айноведении.

Именно в силу того, что айны - единственное меньшинство в Японии, их контакты с внешним миром многие века ограничивались главным образом контактами с японцами, в отличие от народов Сибири и европейской России, контакты которых были необычайно многообразны и сложны. В данном случае это были простые контакты, которые протекали в значительной степени линейно, и, таким образом, они могут представлять собой определенную модель. Мне представляется, что изучение судеб айнов в XX в., именно на протяжении последних 100 лет может дать модельное представление о судьбах вообще в особенности малых северных народов при контакте с высокоразвитой цивилизацией. Мне кажется, что айны от альфы до омеги прошли на протяжении 100 лет тот путь, который далеко не в полной мере и с многочисленными привходящими и затемняющими обстоятельствами прошли за более долгий период (за два или три столетия) индейские племена Северной Америки и который только сейчас начинают проходить или находятся в середине пути малые народы нашего Севера и Сибири. Я имею в виду те народы, которые либо не имеют национальной автономии, либо ее имеют в форме национальных округов.

В общем, занимаясь айнами по литературным источникам едва ли не со средней школы, или, во всяком случае, с самого начала студенческих лет, то есть на протяжении последних 50 лет, я работал достаточно в большом объеме и в поле: побывал у айнов дважды: в 1960 и 1997 г. Попад вторично к айнам на Хоккайдо на длительный срок в 1997 г., я воспользовался своими полевыми дневниками 1960 г. и в точности по-

вторил свой прежний маршрут. Я посетил те же самые поселки, те же самые семьи и даже имел возможность встречаться с теми же людьми, с которыми встречался в 1960 г., с той лишь разницей, что в тогда это были мои ровесники – им было лет по 30, – а сейчас это уже пожилые люди, которым около 70. А те дети, которых я видел 3 - 4-х летними, сейчас уже 40-летние главы домохозяйств и отцы семейств. Тем более было любопытно посмотреть, как развивалась история этих семей и айнского общества в целом, как реализовывались или не реализовывались, видоизменялись те перспективы, те надежды, те чаяния, те планы и стремления, которые эти люди имели в 1960 г., и что со всем этим стало в конце 90-х.

Я не буду занимать ваше внимание многочисленными деталями. Я скажу кратко. В 1960 г. это было дискриминированное меньшинство. Это было меньшинство, уже в значительной степени потерявшее традиционный уклад жизни, потерявшее свою традиционную охотничье-рыбацко-собирательскую экономику, перешедшее отчасти уже на образ жизни беднейшего японского крестьянства и пытавшееся как-то утвердить себя, прежде всего экономически, путем обслуживания туристов, путем эксплуатации своих каких-то художественных возможностей - резьбой по дереву, вышивкой, представлениями народных обычаев для туристов и т.д. В то же время, наряду с ущербностью, с комплексом неполноценности, имелись отдельные лидеры, которые, несмотря на бедность, несмотря на трудности жизни, стремились к развитию традиционной культуры, стремились к поддержанию вымиравшего языка. Надеялись, что их художественные изделия попадут в музеи, надеялись, что им удастся когда-нибудь создать айнское общество, общественную ассоциацию, издавать айнскую газету и т.д.

В 1997 г. я не нашел по-настоящему бедных айнов. Я понял, что бедных людей там практически нет. Есть бомжи, есть опустившиеся люди, но те, кто работают, конечно, живут в стесненных обстоятельствах, но бедностью это не назовешь.

Соответственно, не мог я найти такие семьи айнов, которые можно отнести к категории бедных. Все они, так или иначе, не только выживали, но в какой-то степени жили нормально. Резко изменилась система занятости. Из 100 дворов, занятых ранее в сельском хозяйстве, теперь осталось всего лишь два двора. Укрупнились фермерские хозяйства. Фермеры, которые занимались и рисосеянием, и скотоводством, и огородничеством сейчас специализировались и занимаются, ну скажем, специализированным коневодством. Очень многие ушли в город, где работают преимущественно не на очень высоких должностях, скажем, строительными рабочими или водителями грузовиков. До сих пор жалуются, что их не очень охотно берут в сферу обслуживания, так что некоторая дискриминация существует.

Но расширилась и протекционистская политика. Создана айнская ассоциация, которая работает в тесном контакте с губернаторским управлением и администрацией острова Хоккайдо, принят новый закон об аборигенах, который гарантирует айнам определенные привилегии. А как только появляются привилегии, это, естественно, порождает естественный комплекс злоупотреблений и нецелевого использования этих привилегий и т.д.

Но самое главное, что айнская культура, которая в 1960 г. еще сохранялась отчасти в виде витальной культуры в формах построек, в воспитании детей, в характере колыбели, в народном питании и ряде других областей - сейчас это практически прошлое и остается только в музейном виде или в виде сувенирно-туристического, или концертно-туристического экспоната. Айнский язык, который и тогда не был родным языком большинства айнов, в большинстве семей сохранялся только среди маленьких детей и стариков, в настоящее время используется как разговорный только самым старшим поколением. А остальным айнам либо не известен вовсе, либо усваивается как ритуальный язык, как язык престижный, практически как иностранный язык уже в зрелом возрасте. Функциони-

руют воскресные школы айнского языка. Но даже те айны, которые преподают в этих школах, знают его не с детства, а усвоили его в 30 - 40-летнем возрасте от своих матерей и бабушек, т.е. изучили его целенаправленно.

Таким образом, произошла почти полная культурализация, почти полная ассимиляция, вхождение полностью в нормы жизни современного японского общества в определенных его нишах, наряду с сохранением, выпячиванием, подчеркиванием ряда демонстративных культурных черт, которые создают основу для требования и получения определенных привилегий, определенных возможностей именно в специфической экономической нише.

Сравнивая этот процесс с теми процессами, которые имеют место среди американских аборигенов - эскимосов, индейцев Аляски индейцев юго-западных Штатов, с теми культурно-эволюционными процессами, которые идут среди малых народов Сибири - ненцев, эскимосов, чукчей, среди которых мне тоже приходилось работать, я прихожу к выводу, что и здесь айнская модель является наиболее показательной, и ее изучение позволяет в какой то степени прогнозировать пути по которым в естественной ситуации может пойти развитие малых народов нашей страны, в частности народов Севера и Сибири. Ну и отчасти, может быть, если это не устраивает наше общество, если мы хотим несколько более достойного пути развития, несколько более глубокого сохранения национальных и культурных черт - это поможет нам выработать более целенаправленную политику, чтобы все-таки развитие малых сибирских народов в чем-то отличалось от того вряд ли столь уж оптимального пути, по которому пошло развитие айнского меньшинства в Японии.

Выступление Б.В. Базарова

Уважаемые коллеги!

Благодарю за предоставленное слово. Поскольку на Первом съезде я не был, то коротко представлю наш институт.

Институту монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН в этом году исполняется 77 лет. Это бывший Бурятский Институт общественных наук. Нас работает в институте 150 человек, среди них 21 доктор наук и 56 кандидатов. Основное наше задание, определенное РАН, - «Комплексное исследование проблем монголоведения, буддологии и тибетологии», а также проблем истории и культуры сибирских народов». Прежде мы занимались, в основном, региональными темами. Но сейчас и география, и структура исследований становятся несколько иными. В составе института 6 отделов, которые комплексно должны заниматься Центральной Азией, насколько это будет возможно. В составе института есть уникальное хранилище восточных рукописей и ксилографов. До недавнего времени мы считали, что у нас 20 тысяч единиц хранения, но сейчас каталогизация, которая проводится в Институте, определяет уже до 30 тысяч единиц хранения рукописей на старомонгольском и тибетском языках. Поскольку время у нас стало укороченным, я хотел бы поставить ряд вопросов, в которых мы просим помощи нашего сообщества.

Во-первых, я присоединяюсь к озабоченности Евгения Ивановича Кычанова, нашего коллеги из Санкт-Петербурга, состоянием хранилищ, которые мы имеем. Везде, очевидно, возникают общие проблемы. И, может быть, есть смысл от нашего авторитетного научного сообщества обратиться в различные международные фонды для того, чтобы каким-то образом помочь работе этих подразделений. Потому что сил РАН и

самого государства для сохранения этих бесценных рукописей, практически не находится. Может, есть смысл для этих хранилищ выделить какую-то одну, довольно мощную интегральную программу, которая бы защищала культурное наследие.

Мы очень благодарны Д.Д. Васильеву и А.А. Столярову за ту большую работу, которую мы провели совместно по информации, по введению Интернета. И сегодняшний сеанс связи, я думаю, это только первая ласточка. В дальнейшем нам необходимо будет расширять это направление работы. Я против того, чтобы Интернет противопоставлять издательству, потому что они выполняют совершенно разную функцию. Интернет – это вспомогательное средство в расширении нашего научного поиска, а издательство – это все-таки основная наша работа. И ученый – это, прежде всего, его труды.

Следующее. В конце июня мы проводим совместно с АН Монголии и ее структурными подразделениями конференцию «Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии». Состав учредителей этой конференции определяется. Уточняются сроки ее проведения. Наверное, мы не сможем принять наших гостей на столь блистательном уровне, как Татарстан, но мы сделаем все необходимое для того, чтобы уровень нашего научного общения был высоким.

И последнее. Было бы любопытно рассмотреть одну нашу интегральную программу, которую мы будем защищать в Сибирском отделении и которую мы сейчас условно называем «Центральная Азия: социальные и культурные взаимодействия». Мы предлагаем нашим ученым поработать по этой программе, с тем, чтобы затем выйти к нарастанию наших финансовых возможностей в этом направлении. Предложения наши будут направлены вам отдельно по тем адресам, которые я приобрел в ходе наших встреч. Мы просим внимательно отнестись к этой программе, которая в общей сложности будет объединять около 50 различных проектов, подкрепленных многими международными фондами.

Спасибо за внимание.

Выступление А.А. Бокщанина

Я хотел бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Сейчас в Китае проведена языковая реформа, и начертание очень многих употребительных иероглифов упрощено, и употребляется это в печати. Старый шрифт вроде бы в загоне. Когда мы учились, нам приходилось учить и то, и другое. Потому что мы учили сначала полное написание иероглифов, потом сокращенное, и беды в этом не было. А вот сейчас студентов учат только новому шрифту, новому написанию китайских иероглифов. В этом есть определенная опасность, потому что вся литература до 60-х годов написана полными иероглифами. И это представляет собой трудность для прочтения. Есть, правда, курс старого китайского языка вэньяня. Там иероглифы полного написания, но там своя специфика - свой набор иероглифов не так употребительных в современной лексике как сейчас, своя грамматика. Так что это не восполнит данный пробел.

А в смысле незнания студентами иероглифов доходит до анекдота. Подходит ко мне молодой человек, недавно окончивший вуз и говорит: «Извините, я не могу найти этот иероглиф по словарям. Вы не подскажете мне, что это такое?» Оказывается, иероглиф просто в старом написании. Им не приходит даже в голову открыть словарь под редакцией Ошанина. Они пользуются словарем Мудрова, который дает упрощенную версию написания. Это не значит, что он плохой. Просто один дает старое начертание, другой – новое. Над этой проблемой стоит подумать. Я, конечно, не могу предлагать никаких рецептов для ее разрешения. Во-первых - я не филолог, во-вторых - я не профессиональный преподаватель.

И в заключение я хочу дать небольшую информацию. Дело в том, что в нашем Отделе тридцать лет проводится еже-

годно конференция под названием «Общество и государство в Китае». Мы издаем соответствующие сборники - труды конференций, и хочу довести до вашего сведения, что следующая конференция будет в феврале – в первую неделю февраля 2000 г. Я приглашаю желающих и заинтересованных коллег принять в ней участие. Правда, мы не можем, сразу оговариваю, помочь финансово. Все обеспечение, начиная от проезда, устройства, питания и т.д. – только за свой счет. У нас средств нет. Когда мы получали гранты, едва хватало на издание сборников, а сейчас с этим проблемы. Издать этот сборник нам удастся при благожелательном отношении нашего издательства. Поэтому материалы мы уже не принимаем, так как идет редактирование. Но принять участие может каждый. Тем более, что эта конференция у нас юбилейная - 30-я.

Выступление В.Я. Бутанаева

Я представляю Хакасский Государственный Университет. И со своими коллегами из Тувы, и не доехавшими из Алтая, представляю Саяно-Алтайский регион.

У нас существуют, конечно, некоторые проблемы, которыми я хотел бы поделиться с вами. И естественно, думаю, что нам удастся совместно решить хотя бы некоторые из них.

Первый вопрос: является ли Саяно-Алтайский регион Востоком, или мы все же относимся к народам Севера. Так получается, что наш заслуженный профессор Катанов работал в Казани, но на его родине, непонятно каким образом, нас не относят к народам Востока. Если посмотреть сборник пословиц и поговорок, то тувинцы, оказались восточным народом, а все, что к северу – это, по всей видимости, северные народы. Не смотря на то, что у нас, на Саяно-Алтае, находится географический центр Азии, мы все равно не считаемся принадлежащими к Центральной Азии. И таких проблем довольно много. Назрела уже необходимость, чтобы у нас, на Саяно-Алтае, открыть собственный центр востоковедения. Хотелось бы, чтобы Общество востоковедов приняло в этом участие. Этот центр, – мы в этом году обсуждали с Президентом Республики Тува, – будет либо у нас в Абакане, либо в Туве, где имеется определенное количество кадров. Я неоднократно говорил с нашим ректором, мы общались по электронной почте с Дмитрием Дмитриевичем по поводу идеи, которая поддерживается сверху, о том, чтобы в перспективе создать Институт востоковедения при нашем Хакасском Госуниверситете. Естественно, сейчас, у нас нет таких кадров. Но наши студенты учатся в Китае, у нас имеются кадры, живущие за пределами региона. И я думаю, что именно у нас лучше изучать Саяно-Алтайскую тюркологию. Это, вероятно, станет особым направлением изуче-

ния нашего региона. Обо всех проблемах, естественно, не расскажешь.

Еще одна важная проблема: изучение и выбор религии. Многие, наверное, знают о том, что Саяно-Алтай разделен. Тува, официально считается страной буддизма; Южный Алтай – бурханизма, в Северном Саяно-Алтае господствовал шаманизм и есть христианизация. В настоящее время, наши женщины, активно вступая на путь борьбы против пьянства своих мужчин, поговаривают о том, не податься ли хакасскому народу в ислам. Наши представители были приглашены на форум мусульман азиатской части России в Тюмени. Там планировалось в октябре провести конференцию - курултай тюрков Саяно-Алтая для того, чтобы выбрать религиозный путь наших народов и в данном случае все это довольно актуально.

Я передал в Оргкомитет съезда письмо нашего ректора о том, чтобы наш университет и Институт востоковедения включить в качестве коллективного члена в востоковедческое братство.

Выступление Р.М. Валеева

Уважаемые коллеги!

В своем выступлении мне хотелось бы обратить внимание на ряд проблем, связанных с некоторыми итогами и перспективами изучения истории российского востоковедения. Я позволю себе только тезисно обозначить некоторые итоги и представляющиеся перспективы по этому вопросу.

Оглядываясь на прошедшие два столетия, мы не сомневаемся в том, что востоковедческое образование и наука о Востоке приобрели системный, комплексный и интегрированный характер. И сегодня уже можно говорить о том, что история отечественного востоковедения представляет собой самостоятельную область ориенталистики, и это составляющая истории культуры российского общества и государства. Знания по истории российского востоковедения возникают одновременно с зарождением и развитием самой науки и востоковедческого образования.

История отечественного востоковедения представляет собой очень важное культурное и научное явление. На протяжении XIX - XX веков формируются историография и источниковедение истории российского востоковедения. Скажем, в XIX в. и первой половине XX в., широко издавались биографии отечественных востоковедов, труды по истории формирования и развития востоковедных дисциплин; учебных, научных учреждений, периодики и конечно роли национальных гуманитарных школ. В последнее десятилетие, современная историография, история отечественного востоковедения уже ставит несколько иные задачи и проблемы. Здесь бы я хотел обратить внимание на следующее: это формирование и развитие востоковедческих центров и школ, научных и культурных воззрений ориенталистов.

Если брать периодизацию изучения исторического российского востоковедения на протяжении XIX-XX вв., то наиболее важные рубежи – это середина XIX в., конец XIX - начало XX в., вторая половина 1950-х – 60-е годы и 1980-90 гг. На протяжении ключевых четырех периодов истории российского востоковедения, история привлекла очень широкий круг исследователей и получила широкое развитие. Достаточно упомянуть те обстоятельства, что введены в научный оборот многие оригинальные источники, изданы монографические труды исследования, статьи и материалы.

В целом, мы имеем уникальную историографию отечественного востоковедения. И что очень важно, российское, и, конечно, советское востоковедение, особенно его лучшие представители, крупнейшие авторитетные ученые, обращались как к истокам, так и путям развития науки о востоке, судьбам ориенталистов и их трудам. И это ярко показывает то наследие, которое мы имеем. В частности, сегодня, на этом форуме мне бы хотелось выделить следующие фигуры – это Аделунг, Дорн, Григорьев, Савельев, Булич, Веселовский, Бартольд, Крачковский, Ольденбург, Крымский, Алексеев, Самойлович и ряд других крупных известных советских востоковедов. Вот это наследие. Неспроста, в конце XIX в., особенно в первое десятилетие XX в., два известных российских востоковеда Ольденбург и Бартольд, говоря об образе востоковедения в России, пришли к следующему: Ольденбург обращал внимание на то, что сосед Востока - Россия - всегда хорошо его знала и понимала, и успехи по изучению Востока, в большей части, все-таки не соответствуют тем ожиданиям, на которые, казалось бы, дает право географическое положение России, состав ее населения и труд длинного ряда поколений со времен Петра Великого.

На мой взгляд, у нас менее всего воссоздан социокультурный, мировоззренческий контекст жизни и деятельности востоковедов. Мало уделяется внимания в историографической литературе анализу традиций, новаций в востоковедче-

ских центрах России и СНГ. И особенно мне бы хотелось обратить внимание на то, что, к великому сожалению, мало научно-просветительских и популярных работ, рассчитанных именно на студентов и особенно на школьников.

В целом, мне представляется, что школа востоковедов может сыграть в последующие годы важную роль в поддержке этого направления и в продолжении изучения истории российского востоковедения.

И последнее. В апреле мы провели ряд мероприятий, связанных с изучением российского востоковедения. Скажем в 1997-98 гг. были проведены Катановские чтения. Я бы хотел обратиться к коллегам из Хакасии, мы хотим им передать сборник "Катановские чтения"; ну и в апреле 2000 г. будет проведена конференция, посвященная Мирзе Казембеку и отечественному востоковедению XIX-XX вв.

Выступление А.М. Васильева

Уважаемый председатель, уважаемые коллеги!

Я позволю себе слегка пополемизировать со своим соседом и другом Алаевым Леонидом Борисовичем, который сказал, что политика и наука ставят разные задачи. Если подходить с узкой точки зрения, то действительно, задача политики быть наверху какой-то общественной пирамиды; задача науки просто изучать те или иные явления. Но есть еще такое понятие - гражданская ответственность ученых.

Я выслушал с огромным удовольствием выступление наших татарских друзей и ученых, начиная с пленарного заседания. И я подчеркиваю, это не расшаркивание перед хозяевами, это не как говорят арабы, «муджамалят» по отношению к хозяевам. Это искреннее чувство человека, который видит тех, кто выступал; созвучны мотивы, созвучны идеи. Идеи заключаются в том, что мы сейчас в нашем российском обществе стоим перед очень важным выбором: мы, русские, в значительной части православные, и народы, которые в основном мусульмане (а их в России 15-20 миллионов), а наши соседи - более чем миллиардный мусульманский мир. Или мы научимся сотрудничать, вести диалог, искать точки соприкосновения или же мы погрузимся в кровавую самоуничтожающую борьбу, расплата за которую будет страшна для всех сторон.

Я хотел бы задать чисто риторически несколько вопросов. Почему Запад, вдохновленный идеей прав человека, демократией, свободой так заботился о мусульманах Сербии, о мусульманах Косова, о мусульманах Чечни? И почему же, исходя из этих самых соображений, были игнорированы этнические чистки сербов в Хорватии? Почему на глазах у всего мира были уничтожены 35 тысяч курдов? И не один палец западных правоведов не пошевелился? Почему на глазах у всего мира

был уничтожен один миллион тутси в результате геноцида в одной из африканских стран, и не один солдат НАТО не двинулся с места. Я противник теории заговора, но когда я раскрываю газеты в Ливане, я только что там был, и читаю пять статей, посвященных Чечне, и 10 строк, посвященных бомбардировкам Ливана, которые при мне происходили, я начинаю задавать вопросы: а может быть все это не случайно?

И в этой связи возникает, для нас, ученых, огромная ответственность за то, чтобы, как минимум, не дать нашим народам, русскому и другим этносам, населяющим нашу страну, погрузиться в это иррациональное противостояние. Я готов подписаться под словами вашего президента, который говорил о СМИ.

Две недели назад ко мне пришли из программы «Зеркало», которую я терпеть не могу, и взяли у меня интервью по поводу ислама и т.д. Экстремистские заявления показывают, мое не показали. На экранах наших СМИ мы видим следующую цепочку: мусульманин - ваххабит - террорист - враг. С другой стороны, можно построить цепочку: русский - имперский солдат - угнетатель - враг. Цепочки сошлись. А что значит два врага? Значит надо прибегнуть к кинжалу, пушке, ракете, взрыву. Вот в этом и состоит наша с вами гражданская ответственность.

И вопрос достаточно серьезный, потому что люди, которые контролируют СМИ, знают, что горячий сюжет легче продать, легче проглотить для потребителя. Но не для нас с вами. Мы-то проанализируем и поймем. А массового потребителя легко превратить в идиота, которым можно манипулировать в любом направлении. И в этих условиях мы остаемся островком, и мы должны себя сохранять и защищать те гражданские позиции, без которых наука российская, весомая часть которой находится в Татарстане, существовать не может.

Что касается с той или иной стороны призывов к каким-то идеалам, я вспоминаю фактическую историю. Я там не присутствовал, но я верю в действительность этого факта. Когда

сейчас те же чеченцы прикрываются знаменем ислама, я вспоминаю выступление Джохара Дудаева, который говорил: "Мои сограждане! Мы так любим Аллаха, что готовы молиться три раза в день". Ему Удугов подсказывает: «Пять раз, пять раз, Джохар». «И пять раз, и шесть раз, и семь раз готовы молиться». Вот уровень знания ислама. Это не ислам. Это одежда, это знамя совершенно для других целей. И целей эгоистических, иррациональных, готовых на крови, на страданиях людей, на том, что рушится общество, зажарить свою яичницу.

Поэтому я хотел бы от души выразить свою приверженность, готов присоединиться к той программе "Ислам XXI века", которая разрабатывается нашими коллегами в Институте востоковедения. Прощаясь, я преподнес свою книгу Президенту, который сказал: "Учтите, мы готовы поддержать эту программу". Я переписываюсь по этому поводу с рядом западных и арабских организаций, которые, может быть, меня финансово поддержат.

Давайте вместе действовать в этом направлении. И видеть в этой задаче не только чисто научную задачу - что-то изучить, посмотреть, сопоставить факты, но и задачу гражданскую, задачу нашей ответственности перед нашей общей Родиной.

И последнее. Я с огромным интересом слушал выступления, которые здесь были. Любое из этих выступлений годится для этих целей. Я подчеркиваю, я представитель журнала «Азия и Африка сегодня». Это совместный журнал двух институтов - Института востоковедения и Африки. Пожалуйста, уважаемые коллеги! Пишите нам в журнал, только на дискетках, пожалуйста, потому что мы перешли на компьютеры. Гонораров серьезных не обещаю. Дай Бог, если мы начнем что-то зарабатывать, тогда будут и гонорары, а пока – простите. Но понимаете, у нас есть коллеги из журнала «Восток». У нас немного различаются направления. У них – классическое, у нас больше современное, где-то пересекаемся. Пока что тираж у нас доходил до 1,5 тысяч Это мало по сравнению с 40 тысяча-

ми шесть лет назад. Но это то, что у нас есть, другого нет. Есть, конечно, другие журналы. Но это наш совместный орган, орган российских востоковедов, один из двух, и я прошу вас по тем проблемам, которые мы здесь обсуждали, будь то проблема китаеведения, будь то проблема айнов, будь то проблема ислама в Дагестане - страницы этого журнала открыты для вас. Я призываю вас направлять ваши материалы нам.

Благодарю за внимание.

Выступление М.А. Дандамаева

Я собираюсь сказать всего несколько слов о перспективах древневосточных исследований в Петербурге.

Как известно, Петербург всегда был ведущим центром таких исследований в России. Но, сейчас, когда думаю об этих перспективах, я с тоской вспоминаю о нескольких прошедших десятилетиях. Весьма хорошо известный американский востоковед Ричард Фрай писал, что Петербург 60-х годов нашего столетия был Меккой для ориенталистов всего мира. Но это значение Петербург сохранял еще 70-е, а отчасти 80-е годы. В настоящее время уже существует угроза потери такого статуса.

В 1959 г., когда был создан Сектор древнего Востока в Ленинградском отделении Института востоковедения, сотрудники ставили перед собой цель подготовить квалифицированных специалистов по истории, культуре и языкам всех основных регионов Древнего востока, начиная от Египта и кончая Японией. Это удалось сделать. Было подготовлено большое количество египтологов, иранистов, специалистов по другим древневосточным направлениям. Но постепенно возникли трудности. Когда сектор был полностью укомплектован крупными, часто выдающимися учеными, штатных возможностей принять молодых сотрудников не было. Когда же мы начали нести потери, и крупные ученые стали уходить из жизни, замену им трудно стало находить. У многих желающих к нам поступить, не было должной подготовки для зачисления в штат или в аспирантуру.

Говоря о таких ученых, которые были подготовлены в Секторе Древнего востока, можно вспомнить, что выступавший сегодня И.М. Стеблин-Каменский, был сначала одним из аспирантов, потом и сотрудником того же Сектора. Одновременно мы готовили кадры для всех закавказских и среднеази-

атских республик. Там до сих пор по истории древнего Востока работают наши бывшие аспиранты и стажеры. Но, тем не менее, эти достижения не удалось сохранить, и в настоящее время мы решили усилить свое влияние на Университет и способствуем внесению изменений в штатное расписание на Кафедре Древнего востока Санкт-Петербургского университета. И есть надежда, что в дальнейшем мы хотя бы часть тех достижений, которые потеряли, сможем восстановить.

Выступление Г.Г. Гамзатова

Прежде всего, я хочу выразить большое удовлетворение по поводу начала нашего съезда. Востоковедение – дело традиционное и, конечно же, я не могу не сказать несколько слов в адрес наших хозяев, тех, кто собрал нас, организовал все это. Организация замечательная, спасибо. Как правильно сказал в своем докладе Ростислав Борисович, а я говорю от имени всех нас, начиная от президента и заканчивая руководителем нашей Дагестанской делегации, созданы прекрасные условия для нашего общения, для нашего присутствия, участия в этом мероприятии.

У Дагестана с Татарией древние связи. Волга, как говорится, впадает в Каспийское море. И не только морские, но и исторические пути нас связывали. Многие дагестанцы получали образование в Казани, казанские татары получали образование в Дагестане. Это тема особая. Она постоянно присутствует в наших беседах и казанских, и махачкалинских. Наверное, об этом будет более подробно сказано в подлежащей публикации статье.

Я хочу поддержать ту мысль, которую высказал Ростислав Борисович, что Российское востоковедение делается все-таки не только в Москве, и Санкт Петербурге. Это всероссийская наука. В каждом региональном центре существует свое востоковедение, свои научные востоковедные центры. В этом случае я хочу сказать о богатом востоковедном наследии, которое присутствует в Дагестане. Это обусловлено тем, что ислам и арабская культура вторглись в пределы Дагестана и Северного Кавказа еще с VIII века. Там накопились огромные богатства рукописных памятников, там большая книжная культура – и привозная, и – в то же время – созданная дагестанцами на дагестанской земле, посвященная Дагестану, начиная еще с

XI-XII вв. Эта литература, это рукописное богатство до сих пор хранится не только в официальных государственных хранилищах, она есть также и в частных. Она хранится при библиотеках мечетей, в тех мечетях, которые сохранились даже в те времена, когда все это преследовалось, уничтожалось, сжигалось. Даже тогда горцы умудрялись хранить эти рукописные книги. Культ арабского письма был настолько велик, что до сих пор несметное количество письменных памятников хранится на дагестанской земле. Поэтому, конечно, эта действительность породила необходимость изучения, обобщения.

И в Дагестане созданы соответствующие центры. Эти центры существуют уже многие десятки лет: это, например, Отдел востоковедения Дагестанского научного центра при Институте истории, археологии и этнографии; в Рукописном фонде этого отдела хранится более 10 тысяч подлинных памятников, рукописей – арабских, персидских, тюркских, – и, конечно, написанных на родных, местных дагестанских языках. Эти памятники созданы в основном в XVII, XVIII, XIX вв. Даже в начале нашего века создавались эти рукописи. Они принадлежат выдающимся национальным деятелям нашей культуры, арабистам. И они бесценны. Наша задача изучать их и осмысливать. И мы делаем все возможное.

Другая сторона востоковедной работы в Дагестане - это то, что за последние годы при Дагестанском Университете создан факультет востоковедения, где обучаются десятки, сотни студентов, и эта работа только-только разворачивается; наверное, она имеет большое будущее. Я хочу в этой связи сказать следующее – по следам того, что говорил Ростислав Борисович. Все-таки мы растеряли, в смысле подготовки научных кадров востоковедов, те позиции, которыми обладали в свое время. Ростислав Борисович жаловался, что мы разъединены. Да, в силу этих упущений мы и разъединены. В свое время в Институте востоковедения проходили обучение десятки молодых людей – аспирантов. Они были с Кавказа, из Средней Азии, Сибири, Дальнего Востока, Поволжья. Они обучались, и

складывалась научная дружба, интеллектуальная, культурная. Нам надо попытаться, хоть это и сложно сейчас, восстановить эти добрые традиции. Нам нужно, чтобы система подготовки научных кадров была восстановлена и возрождена.

Другая большая проблема связана с тем, что огромная работа развернулась сейчас в области религии и религиозного образования. В Дагестане за годы перестройки построено вновь более 1800 мечетей. При крупных мечетях созданы медресе. А обучать в них некому. Хозяева этих медресе - очень необразованные люди. Их не готовят, и более того, тех, кто более или менее сохранил себя как представитель подлинного ислама, и знает это, т.е. старшее поколение оттеснили от дела, от полезного дела, и все взяли в свои руки. И конечно, эта необразованная почва стала питательной средой тех событий в Дагестане, о которых вы знаете, когда туда ворвались под знаменем так называемых ваххабитов настоящие бандиты и учинили во имя иных политических целей произвол и т.д.

Вот и в этой связи, наверное, вопрос о кадрах должен стоять в первом ряду в деятельности нашего общества, в деятельности Института востоковедения, да и всех востоковедческих центров.

Пожалуй, я на этом закончу.

Спасибо за внимание.

Выступление Г.В. Длужневской

Я представляю здесь архив немного другого вида. В нашем архиве хранятся только фотографии и негативы на стекле и на бумаге. Крайние даты наших документов – 1840 г. и до последних дней. По странам Востока у нас не менее 40 тысяч единиц фотографий. Здесь есть все. По Турции, например, у нас две тысячи единиц материала, по русскому Туркестану - 13 тысяч и т.д. Техника, которая есть в нашем архиве, куплена на заработанные нами деньги по гранту Сороса, практически на 24-х часовом труде в течение года. Она позволяет нам и сканировать фотографии, и создавать CD диски. У нас уже есть два диска, но они связаны с российской программой. Те колоссальные возможности, которые были нам сегодня продемонстрированы, естественно поражают, и со своим сайтом в этом сервере мы войдем, но здесь встает одна единственная проблема - как эта страничка сможет справиться с тем количеством единиц хранения, которые у нас имеются. Это должно быть выборочно. И поэтому я думаю, что, кроме того, что это должно быть создано в электронном виде, необходимо все-таки создавать справочники, аннотирование каталоги, и такой опыт у нас имеется. Я привезла показать - это, конечно, не очень хорошая полиграфия. Это уже довольно старая работа, но по такому принципу мы продолжаем работать, и пока у нас не появится новый вариант, мы будем делать также. Здесь фотографии по Уралу и включено 140 иллюстраций из четырех тысяч, имеющих в нашем архиве.

И последнее. Мне очень жаль, что востоковеды, зная о нашем существовании, крайне редко обращаются в наш фотоархив. Во всяком случае, та книга, которая была создана в Институте востоковедения «История Российского востоковедения» стала бы лучше и краше, если бы мы ее проиллюстриро-

вали. Я ее очень внимательно прочитала и думаю, что около 200 иллюстраций мы могли бы в эту книгу вложить.

Это все. Я, естественно, присоединяюсь к тому, что сказали мои предшественники. Мы, конечно, будем участвовать в Интернете и дадим о себе информацию, но приглашаю как можно чаще обращаться в наш фотоархив.

Выступление Ч.М. Доржу

Уважаемые коллеги!

Я являюсь директором Тувинского Института гуманитарных исследований. Наш институт прежде назывался Тувинским научно-исследовательским Институтом языка, литературы и истории. Он в 2000 г. отметит 79-летний юбилей. За свое существование наш институт прошел три этапа становления. Первый этап начался в 1930 г., когда, по решению Правительства Тувинской народной республики, был образован Ученый комитет, в задачу которого входила подготовка учебных пособий и учебников для школ Тувинской республики. В 1945 г., когда после вхождения Тувы в состав Советского Союза, Ученый комитет был преобразован в Тувинский научно-исследовательский Институт языка, литературы и истории. И, наконец, в феврале 1995 г. указом Президента республики наш Институт был преобразован в Институт гуманитарных исследований. Я думаю, что нет необходимости перечислять труды нашего Института, потому что Институт известный, и присутствующие здесь знают труды наших ученых по истории, языку, культуре тувинского и других народов, проживающих в республике. Я хотел бы остановиться на современном состоянии Института.

В настоящее время в нашем институте действует 6 секторов. Это, прежде всего, Сектор языка и письменности, где основное усилие сотрудников направлено на изучение проблем истории и современного состояния тувинского языка. Следующий сектор – это Сектор словарей, где завершается работа по созданию толкового словаря тувинского языка. В настоящее время первый том словаря готов к изданию. Далее, Сектор истории и этнографии. Коллектив авторов завершил первый том

"Истории Тувы", который был дополнен, улучшен и переработан. С ноября работы ведутся над изучением разных аспектов традиционной и современной культуры тувинского народа, в частности музыкальной, фольклор и т.д.

И последнее. Наш народ сохранил очень много письменных памятников на старомонгольском и тибетском языках - это труды наших ученых, лам. Кроме того, до 1930 г. в Тувинской народной республике, все делопроизводство велось на тувинском языке. Очень много памятников на старомонгольском и тибетском языке хранятся в фондах нашего Института, а также в фондах Национального Музея им. 60 богатырей.

В 1998 г. мы создали Сектор востоковедения. В нем работает шесть сотрудников. В основном, это люди молодые. Возглавляет Сектор Алаев Абай Вячеславович. Остальные сотрудники - это недавние выпускники Уланбаторского университета, пять человек; двое из них уже обучаются в московском Институте востоковедения в аспирантуре. В настоящее время Сектор занимается составлением каталога фондов Института. Кроме того, осуществлен перевод "Сокровенного сказания" с обширными комментариями на тувинский язык. Я думаю, что он тоже будет издан. Ведутся работы над изучением и переводом рукописи со старомонгольского и тибетского языков.

Всего в Институте работает 63 сотрудника, из них 38 научных сотрудников, три доктора наук, 18 кандидатов наук; трое заканчивают докторантуру и готовятся к защите диссертаций, пятеро - завершают работу над кандидатской. Наш Институт поддерживает традиционные связи с научными центрами Новосибирска и Москвы. Кроме того, подписаны договоры с научными центрами Японии, Монголии, Турции и Китая.

Сейчас Институт переживает не лучшие времена. Мы состоим на местном бюджете, поэтому испытываем большие трудности в отношении финансирования. Тем не менее, тувинские ученые, коллектив института настроены оптимистически. Мы думаем, что в большом сообществе ученых России мы будем занимать достойное место.

Выступление С.Б. Дружиловского

Уважаемый председатель, уважаемые коллеги!

Я здесь представляю МГИМО Министерства иностранных дел. У нас есть, правда, небольшая, кафедра востоковедения, но достаточно работоспособная и выдающая не только учебную, но и научную продукцию. Я вынужден согласиться с господином Сатановским по поводу Интернета. Наш институт полностью уже решил эту проблему, которая многим еще кажется, видимо, конечным результатом усилий. Мы полностью интернетизированы, полностью компьютеризированы все кафедры, есть залы Интернет, лаборантки печатают на компьютерах, вопрос решен и решен уже не первый год. Мы вышли на новый уровень научных исследований. У меня защищают дипломы до десятка студентов в год, которые скачивают с Интернета все, что только можно скачать, и вбивают в свои труды. Они стали более информативными, более свежий материал, вне всяких сомнений, иногда доводится до последних дней, а не только месяцев. Но практически исчезает аналитическая часть работы, выводы становятся настолько убогими, что порой кажется, что это не специалист международник пишет, который завтра пойдет работать в МИД, в Думу, в администрацию Президента, а первоклашка, который пришел и что-то размазывает на бумаге.

Поэтому пафос моего выступления связан с защитой книги, конечно, научной книги в том числе. В свое время телевидение не решило этой проблемы, хотя на это очень надеялись, что это будет объективная информация, что это будут универсальные знания, что книга будет не нужна. Интернет этого тоже не сделает. Говорю вам это с позиции человека, который сам не первый год пользуется Интернетом. И самое главное - я только что приехал из США, был в Чепл Хилле, там

университет достаточно крупный в Северной Каролине, внимательно, с карандашом прочитал не один десяток книг. Ни один серьезный ученый никогда не ссылается на Интернет, потому что к Интернету у вас претензий быть не может; вы не можете его обвинить в фальсификации, вы его не можете заклеить позором. Интернет - это виртуальная реальность. Поэтому можешь пользоваться Интернетом - пользуйся, но мы должны подумать, что же делать с книгой.

Сегодня сложилось критическое положение. Книги не только дороги - они малотиражны, недоступны даже специалистам. Сегодня мы с большими аплодисментами поздравили тех, кто получил трехтомник «Истории Востока». Уверяю вас, несколько лет назад получил бы каждый, да еще по два экземпляра. Значит, что-то надо делать практически от имени нашего Конгресса; и не только – от имени ученых пытаться что-то делать с бюджетом. Чтобы отдельной строкой проходила поддержка наших издательских центров. Куда делась обязательная рассылка научной литературы в крупнейшие библиотечные научные центры? Ведь это, наверное, не так трудно - двадцать сигнальных экземпляров разослать по всей стране. Эти центры мы все знаем. Они ждут нашей литературы. А сегодня мы встречаемся здесь, и многие говорят: «Ой, первый раз слышим, первый раз видим». Мы, конечно же, сокращаем наши исследования до местечковой групповщины. Вот уважаемый мной проф. Белокреницкий сегодня говорил, что Институт востоковедения, в частности, возглавляемый им Отдел связан с рядом центров и не только в Москве, но я вам скажу другое. Несколько лет он пришел к нам на кафедру, ознакомился с той литературой, которую выпускает кафедра востоковедения МГИМО, и сказал: «Господи Боже мой! Ведь с этим надо же что-то делать, надо показать все это людям. Нельзя же вариться в собственном соку!» А как же не вариться? Если мы выпускаем 100 - 200 экземпляров литературы. Да у меня сто пятьдесят студентов, которым я должен это дело вручить лично, иначе они меня не поймут. Ну и наконец то, к чему призывал док-

ладчик. Надо как-то восстанавливать связи с практическими центрами. В свое время Министерство иностранных дел требовало от нас, чтобы мы писали аналитические справки. За это мы получали соответствующую литературу и документацию. А сейчас за что? Лишь на личных основах я могу прийти и что-то попросить у зав. департамента. И то он может запросто отмахнуться. А тогда если я ему приносил три раза в год свои конкретные соображения по конкретным направлениям, и отношение было другое. Поэтому что-то надо делать и в этом плане, чтобы восстанавливать все. Я, конечно, в определенном смысле, выступаю как ретроград, но поверьте мне, что это из самых хороших соображений. Мы утратили то, что имели, и стремимся туда, куда нам может быть и не надо. Уверяю вас, лучше покрыть крышу сегодня и спасти рукописи и книги, чем стремиться за счет крыши создать систему Интернет. Ничего она не даст. По крайней мере, не даст того, чего от нее ожидают те, кто еще не столкнулся с ней напрямую.

Выступление Н.Н. Дьякова

Прежде всего, я хотел бы с искренней благодарностью выразить свое отношение к докладу, совершенно замечательному, который прочитал Ростислав Борисович. Это и живой доклад и весьма жизнеутверждающий. Мне кажется, что большинством присутствующих он будет использоваться в их практической работе.

Я, в частности, представляю Кафедру истории стран Ближнего Востока Восточного факультета Санкт-Петербургского Университета, и хотел бы обратить внимание на лве позиции в докладе Ростислава Борисовича, которые неоднократно здесь упоминались. Это, прежде всего, важнейшая для нас, ближневосточников – "Ислам в ХХІ веке". Хотел еще дополнить тему, звучавшую здесь, "Россия и Восток" и возможно также перенести ее на ХХІ век. "Россия и Восток в ХХІ в.", мне кажется, что это было бы перспективным исследованием.

Чтобы не затягивать свое выступление, я хочу сказать, что, несмотря на все сложности как технического, так и теоретического, практического плана, подготовка студентов на Кафедре истории стран Ближнего Востока у нас в Санкт-Петербургском университете расширяется. В этом году, на отделение арабских стран мы приняли студентов в несколько раз больше, чем обычно. 24 студента поступили к нам, причем многие были готовы внести определенный материальный взнос, т. е. поступить на платную форму обучения. И хочу сказать, что обучаются у нас сейчас, как это было 10-15 лет назад, студенты из других городов, из других частей нашей страны. Мне бы хотелось, чтобы и традиционные наши связи с Татарстаном, развивались на том же уровне, как это было 15-20 лет назад, чтобы сохранялись наши связи с коллегами из Дагеста-

на. Многие из них учились у нас, многие продолжают сотрудничество.

Еще в ответ на один из тезисов, прозвучавших в докладе Ростислава Борисовича о том, что востоковеды должны теснее сотрудничать и помогать власти предержащим. Буквально несколько десятков минут назад, мы присутствовали на официальной встрече в Департаменте внешних сношений Президента Татарстана, которым руководит выпускник нашей кафедры Тимур Юрьевич Акулов, дипломированный арабист и крупный востоковед Татарстана и очень уважаемый в нашем городе на Неве специалист. Я считаю, что это хороший пример для сотрудничества, и дай Бог, чтобы такие контакты у нас развивались.

Спасибо.

Выступление Н.Л. Жуковской

Я буду выступать от имени этнографического востоковедения, и хочу в дополнение к тому докладу, который мы только что услышали, остановиться на маленькой детали.

Два года назад, на Первом съезде востоковедов, было принято решение о создании этнографической секции в обществе востоковедов России. Спустя некоторое время, обсудив с коллегами этот сюжет, я поняла, что слегка погорячилась, и такую секцию создавать не нужно. Речь шла даже о том, чтобы создать этнографическую секцию, как нечто постоянно действующее на всех конгрессах востоковедов. Ведь когда этнографы приезжают на конгрессы востоковедов, они предпочитают участвовать в секциях, где идет обсуждение региональных проблем. Например, я, как монголовед, буду заинтересована в любом конгрессе востоковедов, участвовать в работе монгольской или центрально-азиатской секции, послушать историков, лингвистов, экономистов, политологов, которые занимаются тем же регионом, что и я, но вовсе не слушать своих собственных этнографов, которые занимаются проблемами Африки, Вьетнама и т.д. Дело в том, что у нас существуют свои, профессиональные конгрессы и проходят они довольно часто: раз в 4 года – международные, раз в 2 года – интерконгрессы, которые устраиваются для того, чтобы этнографы и антропологи могли почаще собираться вместе. И, наконец, есть конгрессы этнографов и антропологов России. Вот там мы и распределяемся по методологиям, по способам изучения нашего этнографического пространства и т.д. Поэтому эта проблема как бы снимается, и Общество востоковедов освобождается от создания лишней структуры в своем составе. Но мы просим не забывать нас, когда идет формирование делегации на международные конгрессы востоковедов.

Следующий вопрос. Что изменилось за прошедшие два года в этнографическом востоковедении? По-прежнему нет денег, нет кадров. Не идут к нам востоковеды, как и к вам не очень идет молодежь. Но основная проблема – это отсутствие поля, отсутствие полевых исследований. Мы стараемся это восполнить индивидуальными выездами на разовом уровне. Когда договариваешься с каким-нибудь институтом. У меня это, чаще всего, Бурятский институт – Институт монголоведения, буддологии, тибетологии СО РАН, где работают наиболее близкие мне коллеги монголоеды. В данный момент возникают такие же отношения с Калмыцким институтом (КИГИ РАН). Но это все разовые сюжеты. Мы не можем это поставить на поток и не можем ничего организовать, потому что общее состояние экономических и финансовых проблем не позволяет нам это делать. Но, появилась одна очень любопытная вещь. Вот мы все время говорим, что расширилось понятие Восток. И действительно, мы отъехали всего на два часа от Москвы и уже оказались на Востоке. А сейчас и сама Москва стала Востоком.

Приведу пример. Есть такая межведомственная программа «Нищие Москвы», в которой заняты сотрудники и нашего института тоже. По-моему, из ИВ РАН тоже кто-то есть. Под эту тему получен солидный грант. Кто, вы думаете, нищие Москвы? Это народы Востока. Российские бабушки и дедушки составляют столь незначительный процент среди нищих Москвы, что их можно в расчет не принимать. Вы думаете, эти нищие – неорганизованный элемент? Случайно сидит здесь одна, там – другая. Ничего подобного. Это мощнейшие, хорошо организованные восточные мафиозные структуры. И как только коллектив ученых стал работать по этой программе, он столкнулся с массой проблем криминального характера, и оказалось, что эта тема просто небезопасна для жизни исследователя. Т.е., с одной стороны, мы нашли поле и такое интересное – разные восточные структуры в Москве. Но с другой стороны – нам это

поле сразу напомнило, в какое время мы живем, и чем чреваты порой бывают научные исследования.

Эта же команда хотела поставить следующим пунктом своей деятельности проведение межведомственной программы «Рынки Москвы». Но я думаю, что если половина ее выживет в ходе первого исследования, то ко второму отнесется уже гораздо осторожнее.

Вот, собственно все, что я хотела рассказать в пояснении к одному из сюжетов, связанных с отчетом ОВ РАН и с жизнью этнографов-востоковедов.

Выступление С.С. Заяц

Я представляю Восточный институт Дальневосточного государственного университета, поскольку наша дирекция на торжествах. В Институте много зарубежных гостей, поэтому дирекция должна присутствовать в полном составе.

Прежде всего, я хочу поблагодарить Оргкомитет, который не забыл о третьем центре востоковедения.

Наш Институт был создан в 90-х г. XIX века. Обусловлено это было стратегическими, экономическими и политическими интересами России. Создавали его петербуржцы, очень помогли и москвичи. Потом, когда мы вновь воссоздались после перипетий в 1963 г. мы получили огромную поддержку и москвичей и петербуржцев. В 1960-е – 70-е годы нас поднимали на ноги наши великие ученые. Среди них сейчас присутствует здесь Нина Васильевна Солнцева – она читала лекции для наших студентов. И не только она. Очень многие педагоги, профессора приезжали в наш Университет. В наши дни такой обмен приостановился. Мы знаем, что это из-за финансовых проблем. Но и мы уже подросли. Наш научно-педагогический состав насчитывает около 100 человек. И половина из них прошли школу и в Москве, и в Ленинграде. Теперь уже к нам обращаются за помощью ближайшие к нам востоковедные центры Хабаровска, Читы, Южносахалинска, Уссурийска. Наши преподаватели из Благовещенска ездят туда с лекциями, на прием государственных экзаменов. Студентов у нас сейчас достаточно много - более 700 человек. Правда, из них более половины учатся на платной основе. Если говорить о том, где наши студенты работают, куда их можно отправить после того, как они получили образование в нашем Институте, то география самая разнообразная: от Москвы до Японии, Китая, Кореи, США, Вьетнама. Есть такие, которые работают в системе

МИД, в коммерческих структурах, и в образовательных структурах и т.д.

В области научных изысканий, мы поддерживаем контакт с Ассоциацией востоковедов и тематика научных исследований, скоординирована с Научным советом по проблемам востоковедения при Институте востоковедения РАН. План наш включает такие направления: "Потенциал и перспективы внешнеэкономических связей России и Японии", "Проблемы межкультурных коммуникаций в странах АТР", "Сравнительная характеристика южноазиатских языков и литератур стран Южной и Юго-Восточной Азии", "Классическая китайская литература, модернистские течения в современной китайской литературе", "Лексикология, стилистика современного китайского языка, китайская письменность". Что касается Японии, то здесь – «Сравнительно-исторический анализ процессов вестернизации в России и Японии», «Специфики адаптации традиционных культур к ценностям западной цивилизации», «Японцы на Дальнем Востоке в конце XIX - начале XX века», «Российско-японские торгово-экономические и гуманитарные связи», «Культурно-исторические и социально-экономические процессы китаеязычной специфики», «Современная грамматика корейского языка», «Социально-экономические, политические, культурные условия интеграции Российского Дальнего Востока», «Современные азиатские, тихоокеанские региональные процессы» – это тема, которая идет по восточно-российскому аналитическому центру «Тихоокеанская Эра». Этот центр организован в нашем институте. Он выполняет еще несколько тем, таких как "Дальневосточный Госуниверситет – конфигуратор азиатско-тихоокеанских гуманитарных, экономических, интеграционных процессов", "Проект Университет – как ядро системы регионального менеджмента", "Российско-китайские региональные гуманитарные, экономические взаимодействия". Ведется исследование и по заказ наряду Министерства общего и профессионального образования РФ. Осуществляются три темы по заказу-наряду Министерства: "Про-

блема межкультурных коммуникаций в странах азиатско-тихоокеанского региона" под руководством проф. Хаматовой, "Сравнительно-исторический анализ в процессах вестернизации в России и Японии и специфики адаптации традиционных цивилизаций и культур к ценностям западной цивилизации" - проф. Верисотская и "Межцивилизационные взаимодействия в современной северо-восточной Азии"; научный проект "Новые тенденции в общественной мысли Китая первой половины XIX в." - доц. Радиа, победил во всероссийском конкурсе фундаментальных исследований в области гуманитарных наук в 96 - 97 гг. По гранту японского правительства в Международном симпозиуме в Канадзава с докладами выступали наши преподаватели.

Кроме этого, наверное, стоит сказать о том, что, продолжая традиции дореволюционного Восточного института, наш Восточный институт возобновил издание Известий Восточного института. Вышло уже 5 номеров. Я привезла сюда последний номер. Хочу обратить внимание, что это довольно приличная полиграфия, потому что начали мы это издавать с помощью японского фонда. Сейчас мы уже перешли на свои хлеба, но все равно пытаемся поддерживать начальный стартовый вид научно-методического журнала "Известия Восточного Института".

Хочу сказать несколько слов о международных связях нашего Института. Поскольку, в результате взаимодействия с ведущими вузами Японии и Китая, Республики Корея, Индии, Вьетнама у нас возрос не только уровень качества подготовки специалистов, научной работы преподавателей и студентов, но и значительно укрепилась материальная база нашего института. Высшая школа корееведения - так называется факультет корееведения, который был построен за два года, по последнему слову науки, с помощью Южной Кореи, и все, кто видит это учебное заведение, завидуют нам белой завистью.

Кроме этого, есть смысл сказать о том, что у нашего Института есть филиал в Японии, Хокадаки. Там уже есть вы-

пускники. Они получают лицензированный диплом Дальневосточного Госуниверситета. Этот диплом пользуется спросом. И, таким образом, мы расширяем свои интересы с японской стороны. Кроме этого, с помощью Японского консульства, во Владивостоке создан японский фонд. Он располагается на территории Дальневосточного Госуниверситета и в связи со 100-летием, с помощью этого фонда, наш Университет открывает очень красивый Музей Дальневосточного Государственного Университета. Говорят, что такого нет ни в одном Университете России.

Я думаю, что взаимодействие с нашими партнерами, даст возможность развивать и китаеведение в тех же направлениях. По крайней мере, китайская сторона выразила заинтересованность и желание помочь нам в создании нашего Китайского Культурного Центра и в строительстве учебного корпуса для этого центра, а соответственно, и для китаеведения. Т.е. из перечисления тех научных тем, которые я здесь назвала, вы поняли, что мы как бы включаемся в те направления, которые были обозначены в докладе на Пленарном заседании.

Спасибо.

Выступление Д.М. Исхакова

Уважаемые коллеги!

Я хотел бы затронуть очень узкий вопрос, имеющий отношение к востоковедческому исследованию. Я здесь представляю Институт истории АН Татарстана, а именно - этнологическое направление этого Института. Вопрос заключается в том, что многие этнологические проблемы остаются вне поля зрения востоковедов, в особенности если речь идет об изучении народов, которые сейчас живут в пределах Российской Федерации.

Я думаю, одним из показателей этого является отсутствие в многотомном издании «История Востока» такого раздела как Золотая Орда, и вообще полное отсутствие этнологических подходов к этой проблеме. Между тем, как мне кажется, вне изучения этих вопросов невозможно понять историю Золотой Орды и последующих татарских ханств, а также и самого Московского государства. Я хотел бы привести очень характерные иллюстрации, которые показывают, куда нас ведут этнологические исследования.

Мои изыскания последних лет показали, что в Крымском, Касимовском, Казанском ханствах были пять общих правящих кланов: ширины, барыны, кыпчаки, аргыны и мангыты, и фактически из них четыре клана в источниках названы давними элями хана Тохтамыша, т.е. мы сразу восходим к правителям Золотой Орды. Аналогичные исследования по Астраханскому и Сибирскому ханствам показали, что там клановая структура была другой. Скажем, в Астраханском ханстве - это кунграты, алчыны, а также мангыты; в Сибирском ханстве удалось обнаружить следы таких кланов, как джалаиры, буркуты, кунграты, дурмены, найманы, уйгуры, куше, седжеуты. Монголоведы сразу могут сказать, что фактически все эти племена в

той или иной степени связаны с монголами и с группами золотоордынского времени. Поэтому этнический процесс татарского ханства фактически восходит к периоду Золотой Орды, и нам необходимо сейчас построить некоторую модель этих процессов золотоордынского периода. С татарским ханским периодом более или менее ясно, а вот предыдущий период изучен очень слабо. И когда здесь говорят, что золотоордынский период изучен относительно неплохо, я не могу с этим согласиться.

Вообще многие важные аспекты истории Золотой Орды пока не являлись предметом специального исследования. И в этом плане, по моим наблюдениям, отечественное востоковедение начало отставать от зарубежных исследований. Скажем, в США сейчас готовится относительно крупная работа по истории Золотой Орды XIII-XIV веков, в частности, проф. Висконсинского университета Юлай Шамиль-оглы подготовил большую работу, которая в следующем году, может быть, будет опубликована в США. У нас таких работ нет. И поэтому, я думаю, что нашим востоковедам необходимо здесь работу интенсифицировать.

Однако возникает сложная проблема: проблема менталитета российских ученых. Вы знаете, что отрицательное отношение к Золотой Орде сохраняется до сих пор в научном сообществе, и эти вопросы поднимать достаточно сложно. Я думаю, что нам надо найти в дальнейшем какой-то консенсус по этой проблеме. Так как татарскую национальную историю написать без периода Золотой Орды невозможно, мы никак не можем согласиться с тем подходом, который предлагал еще С.М. Соловьев в своем сочинении, где он говорил о том, что татарский период следует считать периферией русской истории.

Поскольку большинство наших детей учится в смешанных школах, возникает проблема преподавания истории, которую мы пишем в нашей Академии наук. Получается такая ситуация, что те подходы, которые разрабатываются московски-

ми учеными, сильно отличается от подходов, которые разрабатываются нами. Эти вопросы необходимо согласовывать на уровне научного сообщества. Поэтому я призываю научное сообщество обратить особое внимание на эту специфическую проблему и хочу сказать, что здесь прозвучало много призывов к тому, что мы в дальнейшем должны больше освещать царившую в прошлом любовь, дружбу и т.д. Я думаю, что история, на самом деле, имеет более сложные развороты. И мы должны следовать объективной картине.

Я специально занимался демографическими исследованиями и могу сказать, что во время взятия Казанского ханства здесь была уничтожена треть населения города. И мы не можем не писать, не рассказывать об этом. И таких вещей очень много. Скажем, отношение к Исламу в дореволюционной России тоже было не блестящим. Это известно всем, кто занимается конкретными документами. Много сложных проблем возникает при изучении такого явления, как джадидизм. Здесь очень хвалили джадидизм, а я, как человек, который занимался этой проблемой, хочу сказать, что джадидизм есть форма национал-строительства, т.е. джадидизм фактически конструировал самостоятельную татарскую нацию, и вы знаете, что в 1917-18 гг. в этой связи были очень сложные коллизии. Поэтому к этой проблеме нужно подходить как к многостороннему и сложному явлению.

Спасибо.

Россия и Центральноазиатский мир

Мне бы хотелось коснуться темы, уже обозначенной в докладе Р.Б. Рыбакова «Россия и Восток» в маленьком разделе «Россия и Центральноазиатский мир».

Координаты России в геополитическом пространстве определились задолго до формирования ее современных рубежей. Историческое взаимодействие Руси, России с тюркским миром имеет полутора тысячелетнюю историю. Расселение тюркских племен на запад из Центральной Азии в V – XV вв. породило, по меньшей мере, два опыта военно-политической интеграции европейского пространства. А начавшееся в XVI в., когда ясно обозначилось аграрное перенаселение российского центра, расширение сферы Российской государственности на Восток, и сопровождавшие его миграционные процессы были столь же неизбежны, как в предшествующее время расселение тюркских народов на западе евразийских степей. Показательно, что, различаясь хронологически, эти процессы, охватившие южные пространства Восточной Европы, Поволжье, Северный Казахстан в ареальном отношении совпадали. Но, в отличие от западных миграций тюркских народов, русское распространение на Восток и Юго-восток имело иную хозяйственную подоплеку: экономической базой этого мощного миграционного потока было пашенное земледелие. Пашня не вытеснила пастбище, но совместила с ним новые типы хозяйственного симбиоза. Тогда ясно обозначилось прорастание

друг в друга двух мощных этнических мотивов - тюркского и славянского.

Именно это соседство и сращение в немалой степени определяют и диктуют реалии нынешнего времени. Допустимо ли рассматривать всю совокупность тюркских народов, как некое единство, выходящее за границы языкового родства? С начала XX в. существует два противоположных ответа на этот вопрос. Первый ответ: *Тюрчюлюк* (Тюркское единство) утверждает, что все тюркские народы составляют одну нацию, имеют общую прародину Туран, а их многочисленные языки лишь диалекты единого тюркского языка. Второй ответ столь же непререкаем. Никогда не было и не существует какого либо тюркского этнического единства, и сам термин «тюрк» первоначально обозначал не все родственные по языку племена, а лишь одну их группу. Все тюркские народы генетически связаны с территорией их нынешнего обитания; существуют очевидные культурные, антропологические различия между этими народами. Обе эти крайние позиции активно эксплуатируются в политических целях. Либо для претензии на создание некоего единого государственного или ассоциативного объединения при верховенстве определенной группы государств, либо для утверждения государственного или регионального патриотизма, вдохновленного национальной, а иногда и этнографической идеологией. Концепция автохтонизма, т.е. извечной связи народов занимаемой ныне территории, первоначально проявилась как реакция на идею тюркизма.

В 1920 – 30-е гг., после национального размежевания в Средней Азии, идеи автохтонизма получили здесь мощную политическую поддержку. Именно эта концепция стала идеологической основой для разделения на национальные потоки общерегиональных исторических процессов. Обе изложенные позиции имеют одну общую особенность - тюркские племена и народы выступают как наиболее активные и значимые творцы истории, определявшие с древних времен судьбы народов на огромных пространствах. Поиск фундаментальных историче-

ских аргументов, побуждает сторонников первой позиции возвышать историческую роль, прежде всего, огромных степных империй древности и средневековья, создателями которых были тюркские племена. Тюркские государства, возникшие на развалинах империи, с этой точки зрения, лишь реализуют в иных политических условиях накопленный потенциал тюркского этноса.

Для последовательных сторонников второй позиции вершину исторического прогресса и культурного расцвета представляют отдельные национальные, точнее - квазинациональные государства, связанные со всей совокупностью более древних племен, обитавших на той же территории. Древнее население в этом случае, как бы этнически отождествляется с нынешней титульной нацией. Впрочем, в угоду политической ситуации или в силу других обстоятельств, ныне наблюдается нередко парадоксальное смешение обеих концепций, наслоение на уже утвердившуюся концепцию обособленного развития, ставших вполне популярными идей тюркизма.

Как же было на самом деле? Современная этническая карта, отражавшая расселение тюркских народов – это результат многотысячелетних этногенетических миграционных процессов. Очаги первоначального формирования тюркских народов и языков неразрывно связаны с Востоком Евразии, Южной Сибири и Внутренней Азии. Этот огромный регион не был изолирован ни от соседних цивилизаций, ни от горных, таежных и степных племен иного этнического облика. По хребтам Алтая, протянувшимся на юг до пустыни Гоби, по долине верхнего Енисея и его притоков прошла в ту далекую эпоху условная граница, к востоку от которой преобладали тюркские племена, к западу - индоевропейские. Трассы миграционных потоков, то усиливавшихся, то затихавших, пронизывали всю великую степь. В течение тысячелетий, вплоть до первых веков н.э. тюркский этногенез был связан с Востоком, горно-степной зоной Евразии. Начало тюркского этногенеза обычно связывается с распадом государства гуннов и обособлением на терри-

тории Внутренней Азии неизвестных ранее племенных объединений. К началу IV – середине VI в. по результатам моих последних исследований, уже обозначились четыре основные группировки: собственно тюркская, огузская, кыпчакская, киргизская.

Первый, по глубине этап тюркского этногенеза, можно условно обозначить, как этап легендарных предков. К середине VI в. все четыре группировки племен, вошли в состав нового политического образования, созданного тюрками. Начался следующий этап этнической истории и геополитического переустройства Центральной Азии - этап архаических империй. Именно с той поры, слово «тюрк» в представлениях соседних народов стало обозначать огромную общность степных народов Центральной Азии, не различаемых иноземными информаторами ни по языку, ни по обычаям.

С обособления устойчивых этно-территориальных групп после распада монгольской империи начался новый этап тюркского этногенеза - этап интенсивного формирования современных тюркских народов.

Итак, отказываясь от тезисов извечного существования единой тюркской нации, мы никак не можем отвергнуть тезис об относительной общности исторических судеб большинства народов, о сопряженности их этнической истории в рамках общей истории Евразии. Таков возможный ответ, ответ историка на посылки двух антагонистических позиций - тюркизма и автохтонизма. Второй ответ - ответ культуролога, предложил еще в 1925 г., замечательный русский лингвист Николай Сергеевич Трубецкой. В основе поразительной близости духовного творчества тюрков, как и их языков, лежит, по мнению исследователя, основная психологическая черта – ясная схематизация сравнительно небогатого и рудиментарного материала. Она объясняет и те психологические императивы, которые на сознательном уровне складываются в повседневной жизни у большинства тюркских народов на их жизненном укладе и мирозерцании.

Ретроспективный анализ этнической истории и культуры тюркских народов Евразии показывает, что идеи автохтонной исключительности антиисторичны в своей основе. Более того, они не возвышают, а напротив, обедняют историю и культуру каждого из народов, так как ставят его в неестественное положение изоляции. Тенденция к изоляции застоя, действительно, время от времени возникали в глубинах Евразии. И возвращение к ним означает застой и варваризацию. Сохранение этнических стереотипов, вовсе не предполагает сохранность и цельность этнического самосознания. В течение длительных исторических периодов, вплоть до нашего времени этническое самосознание было достаточно размытым, замещааясь родоплеменной, локальной или конфессиональной идентификацией. Такое состояние, зачастую сопровождающееся двуязычием, характерно для многих крупных и политически неизолированных регионов, например, для Поволжья.

Однако, со всеми оговорками, из-за непредсказуемости развития современного мира, этническая кристаллизация в противовес этнической размытости прошлого становится бурно протекающим процессом. И этот процесс парадоксально совмещается с прорастанием друг в друга этнически разных миров. История тюрко-славянских отношений определялась не только трагическими коллизиями, но и с полными жизненной силы процессами симбиоза. Последняя тенденция сохраняется и поныне. Ее преобладание остается одним из условий гражданского мира и политической стабильности в постсоветском пространстве.

Проблемы ислама в России

Я бы хотел вернуть уважаемых присутствующих к той проблеме, которая была четко обозначена в рамках нашего съезда - «Проблемы ислама в России». При этом меня будет волновать чистый ислам, т.е., точнее, духовные правления мусульман, которые сегодня возникают или возникли в российских и русских регионах, где эти духовные правления не пользуются поддержкой силовых структур. В качестве примера я выбрал Бугурусланский муфтият, – один из двух муфтиятов, которые действуют на территории Оренбургской области. В этой связи меня интересовало то, каким образом создание этого муфтията повлияло на положение тюркоязычных национальных мусульманских групп на территории этой области.

Итак, контекст. Оренбургская область, где русское, а точнее, славянское население доминирует. Тюркоязычные мусульманские группы: татары, башкиры и казахи являются в демографическом отношении маргинальными. Достаточно сказать, что крупнейшая из этих групп – татары, составляет чуть более 7% населения области. Но проблема этим не ограничивается. Маргинальность положения этих групп заключается еще и в том, что существует концепция областной администрации, в соответствии с которой Оренбургская область является своеобразным мостом между Востоком и Западом. При этом подчеркивается государственное значение, особого положения области, сложившегося исторически и получившего новый импульс после распада СССР, когда область оказалась в

окружении тюркоязычных государственных образований, на территории которых действие законов РФ обусловлена иементным законодательством. В этой связи происходит дальнейшее оттеснение тюркоязычных мусульманских меньшинств и их маргинализация. Достаточно сказать, что в Законодательном собрании Оренбургской области не представлен ни один выходец из среды трех национальных групп. Проблема этим не ограничивается. В 1995 г. на территории области, в небольшом городе Бугуруслане (34 тыс. жителей), возникает духовное управление. Примечательно, что оно возникает в городе, который ни в коей мере не может быть поставлен в один ряд с действительно значимыми центрами тюрко-мусульманской культуры на территории России. Он никогда не был известен как такой центр. Управление возникает благодаря деятельности активного, инициативного человека. В свое время он был протеже муфтия Таджуддина, но затем стал проявлять самостоятельность. Человек, который с момента возникновения этого муфтията является его главой, продолжает учиться в Саудовской Аравии. И при всем этом, возникновение муфтията сопровождается очень важными, на мой взгляд, явлениями, которые очень кратко я хотел бы сейчас очертить.

Речь идет о следующих моментах:

1. Возникновение муфтията придает ярко выраженный оттенок легитимности деятельности группы местных татарских предпринимателей, экономические интересы которых связаны с поставками сырья в Турцию и поставками зерна в страны Аравийского полуострова.

2. Происходит изменение мироощущения самого татарского национального меньшинства в Бугуруслане и в одноименном районе, где его численность, в отличие от общей численности татар в Оренбургской области, чуть превышает 9%. Возникает следующая проблема. Что поставить в центр внимания для того, чтобы говорить о возможности сохранения национальной группы, пусть даже лишившейся, в определенной мере, присущих ей атрибутов? В центр внимания предла-

гается поставить религиозное начало. Это означает, что эта национальная группа в целях самосохранения может отказаться от других атрибутов своей жизнедеятельности. Проблема языка уходит назад. Восстановить язык в условиях русскоязычной области и общей непрестижности татарского населения, здесь не представляется возможным. Более того, идет процесс повышения престижа этой национальной группы не только за счет деятельности действительно мощного предпринимательского слоя, но и за счет того, что муфтият начинает вести активную прозелитскую деятельность в рядах русского населения. Значительное число местных русских переходит в ислам. И таким образом, представление о том, что есть старший брат, а что есть брат младший – стирается.

3. И, наконец, третье обстоятельство, не связанное с положением татарского меньшинства в этом городе и на территории области вообще. Оно связано с усилением тенденций деморализации жизни самой России. Как ни парадоксально, но становление мусульманского духовного управления в рамках русскоязычной и, в силу этого - православной области, активно используется местной администрацией, городской и районной, для того, чтобы подчеркнуть особый статус как г. Бугуруслана, так и всего района. Он противопоставляется г. Оренбургу.

Речь идет о том, что до 1934 г. Бугуруслан был частью Заволжья (а не Южного Урала, к которому относится Оренбург). К моменту создания области, Бугуруслан входил в состав Самарской губернии, и в этом смысле существование муфтията используется администрацией района в качестве основы для подчеркивания своего индивидуального лица по отношению к Оренбургу.

Все три обстоятельства, о которых я говорил сегодня, естественно, многозначны. И я отдаю себе в этом отчет. Но, тем не менее, это есть реальность сегодняшнего дня. Та реальность, которая, как мне представляется, должна изучаться в рамках современного российского исламоведения.

Выступление А.И. Кравцевича

Уважаемый председатель, уважаемые коллеги!

Я хотел бы не согласиться с коллегой из МГИМО, проф. Дружиловским в том, что Интернет не даст чего-то. Я думаю, что Интернет даст очень много. Ведь Интернет - это не только способ взять информацию, но и способ ее дать. А на наших просторах громадной России это превращается в один из важнейших инструментов и обмена информацией между востоковедами.

Вот пример: мы выпустили книгу "История Японии". Этот монументальный труд был сделан впервые не только за советский период, но и вообще за период существования России. Первая тысяча экземпляров книги очень быстро разошлась практически только в Москве. К нам приезжает масса людей из Сибири и Дальнего Востока - там этой книги нет. Сейчас Японское посольство специально закупило 400 экз. и будет отправлять в разные учреждения. Это самый большой тираж, больше не печатают. А что такое 400 экз. на всю Россию? Я уже не говорю о СНГ. Поэтому здесь Интернет просто необходим, т.к. книги можно помещать на страницах Интернета нашего общества, чтобы ими могли пользоваться не только в Москве, но и где-нибудь в Омске, на Дальнем Востоке и т.д. Иногда нас просят прислать книги. Но сейчас книги дорогие, и их пересылка тоже не дешево обходится. К тому же нет никакой уверенности, что они дойдут.

Поэтому на ближайшее десятилетие, пока не заработает нормально наша экономика, Интернет дает возможность дать информацию, дать возможность, чтобы эта информация дошла до потребителя. Не до того человека, у которого есть деньги, а до того, кому она нужна. Я знаю, что существуют авторские права и т.д. Но я думаю, что в этом отношении стоит обсудить

вопрос о том, что через какой-то срок после выхода книги ее надо поместить в Интернет, чтобы люди могли иметь к ней свободный доступ.

Поэтому, мне кажется, что вопрос, который был поднят Рыбаковым о том, что связь должна быть - это очень важная вещь, и здесь как раз поможет Интернет. Ведь электронная почта практически бесплатна.

Еще я совершенно не согласен с проф. Яшкиным. Он нам хорошо объяснял, что нужно для Интернета: и компьютер, и линия связи. Практически в каждом учреждении сейчас есть Интернет-комната. Если есть желание работать, то можно пойти в эту комнату и пользоваться. И для этого не нужна линия связи. Если хочешь иметь Интернет дома - тогда плати свои деньги. А в Институте этим пользоваться можно.

Выступление Е.И. Кычанова

Уважаемые коллеги!

Я представляю Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения – вторую колыбель, в которой востоковедение России родилось. Одна колыбель – Казань, вторая – Азиатский музей Российской академии наук. Говоря о работе филиала в целом, я должен отметить, что научная, исследовательская работа в целом, пожалуй, не представляет никаких трудностей. Коллектив, который сложился в течение десятилетий, несмотря на старение, о чем я несколько позже скажу, работает очень успешно. И двадцать пять - тридцать книг в год – это норма того, что мы выпускаем в свет. Правда, здесь есть один момент, на который следует обратить внимание. Множество издательств и свобода выбора, который теперь имеют авторы, и в том числе научные сотрудники, конечно, в некоторых случаях приводит к тому, что теряется некоторый контроль. Люди издают книги которые они не обсуждают со своими коллегами, которые не получают апробации, иногда институтской. И здесь качество, в отдельных случаях, оставляет желать лучшего. Я думаю, что это проблема, которая касается не только нас. Это новые условия, рыночные отношения и т.д. И издатели себя ведут таким образом, что они выбирают в первую очередь часто то, за что им платят. Не секрет, что значительная часть книг издается за те деньги, которыми приходится платить за издание этих работ. Хотя, я должен сказать, что, в общем, теперь почти ничего не залеживается, и даже мы обращаемся к тем работам, которые по тем или иным причинам не были изданы в течение двадцати, пятнадцати, десяти лет.

Что касается тех проблем, которые были подняты здесь Ростиславом Борисовичем, то я должен остановиться на двух моментах, касающихся изучения ислама. Я думаю, что значи-

тельная часть из присутствующих знает, что в петербургском филиале института востоковедения работала спецгруппа по исламу, которая издала несколько книг. И сейчас у нас тоже есть тема и люди, которые над ней работают. Эта тема «Ислам в России и в странах СНГ». И первый результат этой работы - книга Прозорова. Она сюда привезена, и вы сможете увидеть ее. Она, очевидно, здесь будет на выставке. Я только могу призвать всех коллег, которые заинтересованы, а я вижу, что в исламе все заинтересованы - православные и буддисты - сотрудничать с нашим коллективом в этой работе.

Второе – это перспектива возможного союза Индии, Китая и России. Давняя идея, которая была высказана еще В.И. Лениным, когда он заявил, что если эти три страны объединятся, то никакой империализм им будет не страшен. Я должен сказать, что то, что сказал Ростислав Борисович очень интересно. Тем более, весной этого года консул Индии в Петербурге и представитель посольства Индии в Москве обратились к нам с просьбой попытаться организовать небольшую научную конференцию на базе нашего института, где речь шла бы о древних контактах между Китаем и Индией, и чтобы мы обратились к китайской стороне. Еще в конце мая было написано большое письмо в генеральное консульство КНР в Петербурге. Но надо сказать, что ответа до сих пор нет. Поэтому доклад Ростислава Борисовича представляет определенный интерес. Тем более, что в плане представителя посольства Индии дело должно было выглядеть так: вначале маленькая конференция в Ленинграде, потом большая в Петербурге потом уже в Индии или в Китае.

Надо сказать, что есть целый ряд моментов, который удручает. И я не могу об этом не сказать. Дело все в том, что в Петербургском филиале хранится самая большая коллекция восточных рукописей и старопечатных книг в России и одна из самых крупнейших в мире. Надо с горечью отметить, что у нашего здания на Дворцовой набережной, 18, в полном смысле этого слова, поехала крыша. Я приехал сюда очень удрученный

тем, что в четверг вечером, в очередной раз образовалась дыра на крыше, вода хлынула в библиотеку, были залиты книги. Я даже сейчас не знаю, ликвидирована авария или нет. Дело, прежде всего, в том, что из тех скудных внебюджетных средств, которые у нас есть, мы 160 тысяч вложили, чтобы только залатать дыры, которые были на крыше. Но дыры на крыше образуются все время заново, потому что крыша, как нам сказали кровельщики, представляет собой решето. Надо сказать, что мы обращались и к местным властям, и в академический центр, и я писал к представителю президента и губернатору Яковлеву. От президента хоть позвонили, а от Яковлева письмо перекинули в ДИОП, есть такая организация - инспекция по охране памятников, сказали, что, может быть, нам на 2000 - 2001 год дадут деньги. Но крыша течет. Поэтому здесь я, ничего не прося, просто хочу сказать, что я считаю, что вся востоковедная общественность несет какую-то долю ответственности за хранение этих памятников. Это действительно то, что собиралось в течение двух - трех столетий на территории России и за рубежом.

И конечно, слабыми силами филиала с этими проблемами не справиться. Здесь нужна помощь и Академии, и государства. Потому что это все национальное достояние, и это нужно твердо сказать, и эта проблема должна быть только таким образом решена. Есть другие проблемы хранения - они мелкие и нами решаются. Это пожарная сигнализация охранная сигнализация и т.п., но крыша... просто страшно становится.

Надо также сказать, что мы очень обеспокоены кадрами. Все дело в том, что, несмотря на то, что есть вакансии, молодые люди из восточного факультета и других мест в науку не идут. Это связано с проблемой, которая всем известна: мизерная зарплата, которую могут получать м.н.с. или лаборанты; эти цифры даже называть стыдно. Я не говорю о том, что почти весь коллектив вынужден работать еще в других местах и, фактически, наука держится на тех пенсионерах, фанатах, ко-

торых большинство и которые работают до гробовой доски. Правда, они получают еще небольшую пенсию к своей зарплате. Но это проблема, которая тоже требует решения в государственном масштабе. Когда сейчас я узнал, что в Москве снова повышают зарплату аппарату Академии наук, машинистки будут получать две тысячи рублей – я не понимаю, каким образом. Я, как директор, получаю на руки тысячу с небольшим. А я отвечаю за целый институт.

Аспирантура постепенно возобновляется. У нас последние два года есть аспиранты. Но есть интересная тенденция. В аспирантуру по востоковедению идут люди не востоковеды. У нас первое время была даже проблема - можно ли принимать в аспирантуру человека, кончившего политехнический институт. Говорят, по закону можно. Вот у нас есть аспиранты из политехнического института, из института математики. Их интересует религия, буддизм, индуизм и т.д. - они занимаются. Сейчас, в этом году два человека подали в аспирантуру. Они тоже не востоковеды по образованию. У них университетское образование, они педагогический кончили и т.д. Вопрос стоит очень остро. Мы готовы работать и дальше. Но нам необходима поддержка и руководства нашего института, и Президиума АН, и ленинградских властей. К сожалению, это не Татарстан. Убедить власти, чтобы вам оказали помощь, во много раз труднее.

Японский консул нам посоветовал продать часть рукописей и починить крышу.

Выступление А.И. Османова

Некоторые выступающие возвращали нашу память к I Всероссийскому съезду востоковедов. Я же хочу вернуть вашу память к 1991 г., когда в Махачкале была проведена большая конференция, куда было заявлено более 110 докладов и около 100 человек приняло участие. Тогда еще востоковеды выражали свою озабоченность тем, что происходит в стране, и были сомнения, сможем ли мы еще собраться. Там мы приняли решение и, в какой-то степени, дали клятву все-таки не разрывать связи востоковедов и собираться еще и еще. Благодаря усилиям, прежде всего, Института востоковедения, мы убеждаемся, что это происходит, но все-таки хотелось бы, чтобы мы собирались в прежнем составе – с представителями тех республик, которые стали независимыми. Хотя это трудно, но тем самым нам пришлось бы не учить политиков, а показать, как надо работать, а то они многого не знают - как надо поступать, как надо действовать.

Я, прежде всего, хотел бы высказать такое пожелание, и отметить, что Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, который мы здесь представляем с Амри Рзаевичем, существует с 1924 г. и с этого времени занимается востоковедением. Правда, раньше, в основном, это была собирательская деятельность, теперь этим заниматься все труднее и труднее. Не только трудно выезжать и заниматься сбором полевого материала, но самое трудное это то, что рыночные отношения проникли в сознание нашего народа и они просто так не отдают нам, как раньше отдавали, без всякой оплаты, ценнейшие рукописи и целые рукописные и старопечатные книги. Вот благодаря усилиям тех, кто начинал и продолжает работать, на сегодняшний день у нас собран крупнейший рукописный фонд, которому могут позавидовать

многие зарубежные страны. Более 10 тысяч единиц различных документальных материалов и более 2600 рукописных и около 1300 старопечатных книг.

Я на этих моментах не хочу останавливаться, но правильно здесь в докладах было отмечено, что те трудности, которые связаны со сбором, фиксацией этих материалов и т.д., дали нашим ученым возможность развиваться и в теоретическом плане, и создавать труды. Сейчас мы делаем упор на два главных направления в своих исследованиях. Группа, руководимая А.Р. Шихсаидовым, занимается очень большой перспективной темой "Ислам и исламская культура в Дагестане и на Северном Кавказе". Прошу не забывать нас. Мы подавали заявки для совместного участия. Далее мы, особенно Отдел востоковедения, который подает нам пример, занимаемся дагестанской зарубежной диаспорой - тема, которая нас связывает с Востоком. В связи с этим хотелось бы, чтобы мы подготовили - и у нас такие планы есть, мы подавали заявку - большую международную конференцию по рукописям, по сбору, обработке информации, по работе над этими рукописями. И думаем, что такая конференция может представить интерес.

Но наши наметки на следующий год, видимо, не оправданы. По крайней мере, мы могли бы ориентироваться на 2001 год и совместно с Институтом востоковедения провести такую конференцию, если в этом районе такая сложится благоприятная политическая обстановка, и можно было бы пригласить тех востоковедов, которые работают в ближнем зарубежье. В этой связи у нас налаживаются большие связи с 16-ю зарубежными странами. Поддерживаются отношения как с отдельными учеными, так и с востоковедческими центрами и учреждениями. Но связь с ними очень трудная. Идея создания единой компьютерной сети для востоковедов России - это очень здоровая идея. Если это дело продвинется, для нас будет большое облегчение, потому что наше богатство - востоковедческие ценности, они остаются у себя и даже известны не всем дагестанцам. А возможность выхода за рубеж очень бы нам помогла.

Мы здесь не дискутируем на политическую тему - и правильно делаем. Но я считаю, что тема Дагестана и Северного Кавказа не может быть обойдена. Тем более, что в эту тему привносится много неясного: не все знают, что там происходит - по крайней мере, если судить по передачам ЦТ, можно убедиться в этом. Получается, что в Дагестане ничего особенного не происходит, и даже обвиняют его в том, что поддерживает боевиков. Но все знают, что народ Дагестана боролся наравне с российской армией и выгнал боевиков со своей территории. Наш народ осудил ваххабизм и не приемлет его. Были случаи, когда брат отказывался от брата, если тот поддерживал ваххабитов. Боевики зарились на нашу землю, хотели дойти до моря. Это четко и ясно обозначено. Однако мы никогда не говорили, что это делают чеченцы. Мы отделяем чеченский народ от бандитов. Мы говорим о борьбе с бандитами и знаем, что чеченский народ нас поддерживает. Они понимают нас. И никогда в Дагестане вы не услышите, что во всем виноваты чеченцы. Мы знаем, что народ изгонит со своей земли бандитов.

Спасибо.

Проблема перевода Корана на русский язык

Я хотел бы сказать, что Коран - это один из труднейших текстов в мире и среди арабо-персидских памятников с ним по трудности может сравниться только Диван персидского поэта Хапхани. Но в «Диване Хапхани», благодаря имеющимся шархам (комментариям), можно найти окончательное разрешение его смысла, а в Коране, сколько бы мы не трудились, сколько бы не переводили – окончательного, канонического перевода, быть не может. Его подлинный смысл знал только сам посланник Аллаха Мухаммад. Поэтому те, кто говорят, что могут дать окончательный перевод Корана, заведомо лгут. Поэтому до сих пор, как на русский язык, так и на иностранный – персидский, турецкий, на мусульманские языки Коран переводился дословно. Причем, мусульманские народы сопровождали дословный перевод комментарием. Тем самым компенсировали отсутствие смысла дословного перевода. Не только Коран, но и любой другой сложный текст, будь то Толстой, Достоевский или Шекспир - дословно, буквально переводить на другие языки невозможно. Попробуйте перевести на другой язык русский фразеологический оборот «сапоги всмятку» - не будет никакого смысла. В каждом языке есть такие обороты, которые не переводимы, но из страха перед словом Божьим в свое время Библию переводили дословно, потом это то ли под влиянием переводчиков, то ли спонтанно стало традицией.

Приведу один пример из Корана. В переводе Крачковского: «Ваши птицы Аллаха». Говоря по-русски – «в огороде

бузина, а в Киеве дядька». А на самом деле это означает: «не мы вам принесли несчастье, а вы грешили и все ваши грехи зафиксированы на небесах у Бога». Или же глагол «таксара». Его в арабских словарях нет, но есть в комментариях - 15-томном средневековом словаре Лисан Лара. Буквально это означает «взять много» или «захотеть много». На самом деле – это «совратить с пути истины». Таких примеров бесчисленное множество.

Смысловые переводы появились недавно, и появились они сначала среди индийских мусульман. Перевод Мухаммада Али, на которого часто ссылается Крачковский – смысловой, с комментарием, добротный и до сих пор может быть использован. Но лучший смысловой перевод на европейские языки - это перевод Мухаммада Асада, бывшего польского еврея с немецким именем Фрида Вайса. Он обратился в ислам и сделал великолепный перевод, великолепный комментарий, один из лучших в мире; был главным проповедником ислама по каирскому радио, затем по марокканскому. Сейчас он умер. Персы по смыслу стали переводить после исламской революции. Сейчас есть прекрасные персидские переводы. Персидских переводов существует приблизительно около 3020. Некоторые, не шибко грамотные религиозные деятели, объявляют перевод Корана запретным. Хотя нигде этого не сказано: ни в Коране, ни в хадисе. В Коране, в одном месте лишь сказано: «Воистину, он не сопоставим с Кораном арабским», «быть может, вы поймете». Речь идет о том, что прежние послания были на иврите, на арамейском языке. На этих языках ни сам пророк, ни его последователи не поняли бы. Божественное откровение ниспосылается на языке посланника, чтобы он и его последователи могли понять.

Я избегал пользоваться трудами тех европейских исследователей, которые предлагали подвергнуть текст Корана ревизии: переставить аяты, добавить аяты, поменять слова. Есть закон об авторском праве. Покойного автора нельзя редактировать. Можно не издавать, но менять что-либо нельзя. Даже в

период административно-командного управления труды В.И. Ленина публиковались с купюрами. Что же говорить о Божественном писании? Случится то же самое, что случилось с Библией, когда иудейские жрецы в угоду политическим и другим соображениям, редактировали текст Библии. Основной упрек в Коране иудейским жрецам - то, что они искажали, меняли текст.

Теперь, мне бы хотелось остановиться на том, что есть две тенденции переводить Коран. Это тенденции суннитская и шиитская. Отличаются они тем, что всюду, где в Коране непонятно о ком говорится, в комментариях пишется, что это Адам, Муса, Иса и другие библейские пророки. Шииты говорят, что это их имам - халиф Али. Но это не куфр, это не неверие. Это их понимание. Потому что основные пять столпов ислама шииты признают также как и сунниты.

Есть другое деление. С одной стороны – это мазхабы ханафитов, шафиитов и джайфитов, т.е. шиитов. Они понимают субстанцию Аллаха, как духовную, не антропоморфную. А ханбалиты в Саудовской Аравии, ваххабиты – это неоханбалиты и маликиты – это Северная Африка. Они понимают буквально те места в Коране, где сказано: «рука Аллаха, лицо Аллаха, глаза Аллаха, Аллах сел на трон». Они говорят: мы должны верить в это, не спрашивая, почему и как. Это существенная разница. Но и такое понимание субстанции Аллаха не позволяет этих людей считать неверными, еретиками или атеистами. Вот такая разница.

Теперь я хотел бы сказать, что в недавно вышедшей второй редакции, я хотел бы соблюсти те требования, о которых говорил. Кто-нибудь может придерживаться иных требований. Лишь бы человек добросовестно работал, а не халтурил. К халтурному переводу я отношу, например, перевод Пороховой. Потому что она взяла перевод Крачковского, сделанный сознательно, умышлено дословно. Это были его заготовки, он их не собирался публиковать. А она сделала рифмованную прозу, каким является текст Корана, не зная арабского языка.

Это халтура. Много других халтурных переводов. Люди переводят, не зная арабского языка. Таким переводом является священный Коран, изданный в Лондоне ахмадийским обществом. Перевод сделан с английского, потом кто-то знающий арабский язык чуть-чуть подправил. Получился очень плохой перевод. Такие переводы не должны иметь место.

Моя третья редакция будет включать словарь трудных слов в Коране. Я взял двухтомный большой арабский словарь к Корану, сравнил со словарем Баранова, но не с Кораном. Все, чего нет у Баранова – слова и значения, я включаю в свой словарь. Но значения я определяю по арабскому словарю Корана, трем арабским тафсирам, пяти персидским переводам, двум английским, двум французским и одному немецкому переводам. Если эти источники не дают удовлетворительного значения, я тогда смотрю большие арабские комментарии. В конечном итоге удастся добиться нужного результата.

Я бы хотел внести изменения по расположению материала: арабские тафсиры, комментарии не даются сплошным текстом. Они дают абзац, т.е. пассаж, приблизительно на уровне одного абзаца. Его полностью комментируют. Когда это кончается, опять дают пассаж, опять комментируют. Если делать по аяту, то теряется восприятие текста как целостного, а если делать по семантическим кускам, то получается лучше и очень удобно для пользования.

В прошлом году, я разговаривал на эту тему с Тасхариа, он был у нас здесь гостем патриарха. Я ему сказал, что если бы Всевышний отпустил мне столько времени, чтобы я мог сделать 100 редакций Корана, то каждая последующая отличалась бы от предыдущей; и сотая не была бы окончательной. На что он ответил: «Конца нет». Это Божественное писание, и я уже говорил, что только один Аллах его понимает. К тому же с развитием человеческого общества, с изменением нравственных ценностей людей, с изменением их юридических понятий понимания Корана тоже меняется. Остаются неизменными только его основы. Некоторые ученые делают попытки ска-

зять, что в Коране было сказано о создании самолетов, ракет и т.д. Это конечно, не серьезно, потому что Коран – это не прогноз о будущих открытиях науки. Коран – это книга нравственная, это книга веры в единого Бога.

С моей точки зрения, все единобожники имеют законное право на существование, и сторонники одной веры в единого Бога не должны рубить друг другу головы или подрывать сторонников другой. Другое дело -- многобожие. Я считаю это заблуждением. Бог един, в этом для меня никакого сомнения нет.

И в заключение я хотел бы задать один вопрос, вопрос может быть провокационный: что было в начале – материя или дух?

Выступление И.Ф. Поповой

Нынешний съезд востоковедов имел четко выраженный научно-организационный характер. Выступавшие в течение трех дней коллеги, останавливались либо на научной проблеме, которая с их точки зрения, определяет магистрали в развитии комплексной отрасли; либо на вопросе администрирования востоковедения; либо представляли свою местную уникальную школу, и знакомили с результатами ее работы. Видимо, проведение общих заседаний, которые охватывают весь спектр деятельности востоковедения, а не разделения участников на секции, в большей степени соответствовало задачам съезда, по крайней мере, на нынешнем этапе существования Общества востоковедов и имело позитивное значение, поскольку позволило выявить вместе с остальными целый ряд направлений его деятельности. И вот я хотела бы акцентировать внимание на те направления, которые мне кажутся важными.

Во-первых, на вчерашнем заседании, посвященном компьютеризации востоковедения, были представлены интересные сообщения. Они имеют пионерский характер, и закладывают начало того необходимого симбиоза технической и гуманитарной науки в компьютерных исследованиях прикладного востоковедения, который давно назрел. Но в обыденной жизни, до полного единства формирования новой научной дисциплины, которую хотя бы можно было преподавать в университете, еще далеко. Хотя, безусловно, формальные предпосылки к этому есть.

Я могу привести один пример из жизни. Недавно ко мне обратилась одна моя коллега по Институту востоковедения из Санкт-Петербурга, которая по образованию является инженером-программистом и занимается разработкой баз данных и редких восточных шрифтов. Интересовал ее узко прагматиче-

ский вопрос – как и где может она защитить кандидатскую диссертацию? Но дело в том, что даже если мы создадим разовый диссертационный совет, и она успешно пройдет свою защиту, то момент отторжения востоковедов от технарей для нее, безусловно, будет.

Таким образом, проблема формализации дисциплины, безусловно, актуальна, и над ней важно думать, обмениваться информацией о путях ее преодоления, и в этом, наверное, Общество востоковедов может сыграть определяющую роль. Это важно в том смысле, чтобы побудить студентов и молодых исследователей к выполнению очень трудоемкой задачи – создания баз данных и каталогов, что крайне трудно, поскольку основной их задачей все-таки является защита и подготовка диссертации. Кроме того (может быть наивная вещь, но это взгляд со стороны), создание единого информационного пространства требует разработки достаточно конкретных критериев для информации. Меня удивляет то, что студенты, не говоря уже о школьниках, крайне неохотно читают любую литературу. И даже не ту, которая им необходима как дополнительная, но и даже самую необходимую. Я думаю, все дело в том, что на них обрушивается, как и на нас всех, излишне много информации. И на каком-то этапе, когда нет времени для спокойного ее усвоения, наступает предел, возникает реакция отторжения. Об упорядочении тех данных, которые поступают на сервер, тоже надо думать. Задача стоит простая - призвать всех участников востоковедного сервера придерживаться унифицированной схемы и надеяться, что она будет распространяться и дальше.

Кроме того, архиважной, многогранной и, естественно, неоднозначной, представляется проблема разработки нормативных актов, которые защищают авторские права. Несомненно, основным обладателем этих прав является автор текста, но часто бывает, что текст сопровождает факсимиле редкого памятника или работа представляет собой каталог книжной коллекции, или фонда. И поэтому, естественно, авторские права частично распространяются на институт, а затем и на издатель-

ство, которое книгу публикует. С появлением электронных библиотек и нынешнем стремительном их распространении такая проблема разделения авторских прав, приобретает особую остроту. И тут, конечно тоже, Общество востоковедов должно ставить эти вопросы в соответствующих инстанциях, и выполнять роль координирующего центра.

Кроме того, в выступлении А.Р. Шихсаидова, прозвучал призыв провести конференцию по исследованию восточных памятников и рукописного наследия Востока, которую мы целиком поддерживаем.

Выступление Е.Я. Сатановского

Хотелось бы напомнить, чтобы совершенно справедливый призыв использовать современные технологии в современном востоковедении не стал у нас очередной компанией по засеиванию кукурузы в Архангельской области. Современные электронные носители в среднем, держатся порядка пяти лет. США, которые перешли на электронные носители информации достаточно давно, потеряли сейчас большую часть информации, накапливавшуюся в 70-е годы, и достаточно большой объем, накапливавшийся в 80-е годы. Поэтому здесь важно не выплеснуть с водой ребенка - электроника хороша, чтобы дублировать как бы традиционную работу с бумажными носителями. Основная проблема востоковедения, видимо, будет следующая: не просто востоковед, использующий современное оборудование, а востоковед-программист. Поскольку современные информационные технологии меняются достаточно быстро, здесь придется совмещать две специальности для того, чтобы работать с ними профессионально.

Еще одна проблема - финансирование науки. Призыв к представителю Президента или к Президиуму АН залатать крышу в Петербурге был бы естественен для Петербургских металлургов, которые дали бы металл для того, чтобы рукописи не промокли. Значит, беда вся в том, что финансирование науки будет все в большей и большей мере идти не от государства, потому что денег нет, и их не будет ни в АН, ни в государстве еще несколько лет. А в связи с выборами их будет еще меньше. Чаще всего, их придется добывать в частных фондах, у спонсоров и т.д. Удачный пример этому есть. Всю компаративистику члена-корреспондента Сергея Старостина в проекте «Вавилонская башня» удалось повесить на финансирование Российского Еврейского Конгресса, изобретя формулировку о

том, что происхождение многих языков от одного - традиционная библейская формулировка. В результате руководитель тамошней секции по высшему образованию и науке выдал полный грант на языки, естественно, к древнееврейскому не имеющие никакого отношения. Это с удовольствием сделают и другие руководители предприятий Российской Федерации.

К сожалению, не идут в востоковеды молодое, новое поколение и студенты. Они бы пошли, но проблема в том, что они прагматичны и хотели бы по окончании вуза иметь не просто специальность, их интересующую (как раз определенный приток интересантов есть), но и конкурентоспособную. Это означает, что если они занимаются современностью, то они должны быть не только специалистами, переводящими вслед за руководителем, а специалистами на уровне лучших вузов Америки или Японии, или Англии которые могут абсолютно самостоятельно по окончании вуза, без дополнительной переподготовки работать в стране изучения. В частности, очень хорошо знать экономику этой страны, элиты тех стран, в которых они работают, несмотря на клановые и групповые партийные особенности.

К сожалению, у нас до сих пор по Ближнему Востоку огромен круг специалистов по соцориентации различных арабских племен и весьма мало специалистов, знающих абсолютно необходимую конкретную расстановку по тем или иным странам. Это очень сказалось на саммите в Омане в 1995 году, где работали японская, немецкая, американская делегации, а российская в полном составе загорала на Мертвом море, поскольку профессионально не была готова. Соответственно, то же самое в Израиле. Федорченко у Ростислава Борисовича в Институте - единственный специалист по экономике страны на весь бывший Советский Союз, и масса критиков сионизма, что уже не актуально исторически. Видимо это требует дополнительной подготовки и дополнительной информации, которой у нас никогда не было, а также дополнительных практик у студентов в странах пребывания. Путем двухлетних переговоров,

нам удалось с большим трудом заключить впервые за историю Иерусалимского Университета тройственный договор Еврейского Университета в Москве, Института стран Азии и Африки (М.С. Мейер) и, соответственно, Иерусалимского Университета. И оттуда приезжает большое число специалистов, которые просто заполняют те лакуны, которые, к сожалению, по объективным причинам мы своими специалистами заполнить не можем. Когда-нибудь, лет через пять - шесть, мы своих специалистов подготовим. Возможно, и для других направлений придется делать то же самое.

И последнее. Безумно важно, чтобы российское востоковедение начало работать на основе межведомственного сотрудничества, потому что, в конечном счете, сегодня речь идет не о приоритете той или иной школы, речь идет о том - будет востоковедение в определенных областях, или оно уйдет вместе с последними представителями, знающими те или иные языки. В Москве нам достаточно легко скооперироваться, и мы это делаем. Я надеюсь, что сейчас какая-то кооперация пойдет с петербуржцами, с казанцами. Было бы очень хорошо, чтобы это было в масштабах страны.

Выступление **В.М. Солнцева**

Уважаемые коллеги!

Я с чувством большого удовольствия хочу сказать несколько слов в связи с докладом Р.Б. Рыбакова. Одновременно хочу воспользоваться предоставленным мне словом и передать приветствие Съезду востоковедов от Общества монголоведов РАН. Я это делаю с большим удовольствием, поскольку монголоведение – составная часть востоковедения. Хотя у нас есть самостоятельное автономное общество, тем не менее, мы считаем себя, как сейчас говорят, дочерним предприятием от востоковедения.

В сегодняшних выступлениях, очень содержательных, очень интересных, многое было сказано о востоковедении, многие акценты были правильно расставлены, и доклад самого Р.Б. Рыбакова на меня лично произвел сильное впечатление. Я считаю, что это хорошо продуманный доклад, который очень умело расставил необходимые акценты в востоковедной науке, выделил ряд проблем и сгруппировал их. Из этих проблем об информационной стороне и о важности говорил академик В.С. Мясников.

Но я хотел бы подчеркнуть другую сторону. Мне представляется крайне важным выделенные Ростиславом Борисовичем проблемы традиций и новаторства, истории и современности. К сожалению, в востоковедении, на моих глазах ушли очень многие представители так называемого классического востоковедения, которые осуществляли связь времен, связь поколений, связь идей в науке. Связь идей в науке – это важнейшее условие успешного развития науки в дальнейшем. Или, как часто говорит известный наш китаевед Н.Н. Коротков – биография идей. Так вот, уход многих наших выдающихся востоковедов, которые хорошо знали эту биографию, которые

передавали по традиции, создал сейчас известные лакуны в нашем востоковедении. Эти лакуны надо восполнять. Необходимы действительно преемственность, действительно воспитание знаний, культуры, традиций, основ жизни того или иного народа.

О важности востоковедения, о роли Востока в жизни общества говорилось сегодня много. Как говорил один из наших бывших лидеров: «Силы Востока неисчерпаемы». Они еще не сказались как следует, но они скажутся в будущем. И они уже сейчас начинают сказываться. Мы это ощущаем, мы это видим.

И действительно это важно, что съезд проходит в Казани, одной из колыбелей восточного востоковедения наряду с Азиатским музеем, наряду с Лазаревским Институтом живых восточных языков. Из этих центров, в том числе, и в Казани, была начата, развернута деятельность великого тюрколога Радлова, с именем которого связан качественно новый этап развития в мировой тюркологии. Когда не только перешли от изучения существующих языков, к изучению вымерших языков, но и к изучению памятников. Тот же В.В. Радлов издал тюркоязычные памятники в Монголии, что сейчас успешно продолжают наши коллеги, в частности, Д.Д. Васильев. Во всяком случае, установление преемственности востоковедных поколений, востоковедных традиций с моей точки зрения - это основа успешного развития востоковедения в дальнейшем.

Я не буду сейчас удерживать время, потому что много желающих выступить. Я хочу сказать, что в докладе Ростислава Борисовича были обозначены многие другие очень важные проблемы. Залогом успешного развития востоковедения среди других причин, с моей точки зрения, является проблема традиций-новаторства, истории-современности, связи-поколения.

Спасибо за внимание.

Выступление Н.В. Солнцевой

Благодарю за предоставленную мне возможность. У меня будут общие соображения. Может быть, они не будут носить исследовательского характера. Я хочу поделиться опытом работы с молодыми учеными и с проблемами развития науки о Востоке.

Что такое востоковедение? Наука о Востоке, или как ее иначе называют ориенталистика, т.е. такая наука, которая ориентирована на Восток. Спасибо Казани, которая открыла окно на Восток. Значит, будем считать, что ориенталистика ориентируется отсюда. Мы все время говорим, что это наука комплексная, но забываем, что востоковед как индивидуум - тоже носитель комплексных знаний. И вот, сумма этих фоновых комплексных знаний дает право ученому называться востоковедом. И когда мы готовим кадры по любой специальности, необходимо, чтобы эти кадры обладали комплексом хотя бы необходимой минимальной суммы знаний. Таких энциклопедистов, какими были Алексеев, Конрад - сейчас нет. Мы, конечно, стараемся передать те сведения, которые они нам оставили, стараемся передать эту связь времен. Мы не ставим перед собой задачу готовить энциклопедистов, которыми и сами уже не являемся. Но фоновые знания, комплексные знания - обязательны. Без суммы фоновых знаний не будет востоковеда как ученого. И востоковедное направление зависит от того, насколько хорошо будут готовиться, прежде всего, такие комплексные ученые.

Второе условие. У нас должны существовать горизонтальные связи типа таких, которые мы сейчас осуществляем на данной конференции. Приведу пример из китайского языка. Простой прямоугольный обеденный стол всегда назывался столом восьми священных лиц. Это бытовое слово, но уходит

оно в глубокие времена. Я хочу сказать, что мы здесь сидим тоже за прямоугольником, но больше, чем восемь человек. Я в данном случае употребляю эксклюзивное местоимение, исключая себя из этого. Вот эти связи, вертикальные и горизонтальные, необходимы для подготовки востоковедов.

Третье. У нас должны издаваться книги и статьи, которые получили предварительные оценки - комплексные. Потому что сейчас происходит наводнение рынка чудовищными книгами, в которых так много ошибок, что студенты приходят и спрашивают. И приходится, к сожалению, говорить, что это не правда, это не верно. Такого положения не должно быть. Мы не имеем право допускать такие книги. Однако ошибки и огрехи допускаются и нашими учеными. Больше всего меня пугает то, что мы переводим книги, привезенные в нашу страну. За это люди получают гранты, трудятся. Но часто при этом искажаются основные идеи, скажем конфуцианские: иногда мы видим, как совершенно четко меняется представление о конфуцианских идеях, выносятся на первое место понятие не гуманизма, идеи почитания, а какая то другая идея. Так это кажется какому-то ученому. И я знаю, что в работах отечественных востоковедов давно ясно уже, на каком месте стоят понятия гуманистических и культурных начал. Эти вещи уже настолько устоялись в нашей отечественной китаеведной науке, что когда переводятся книги, искажающие эти представления, то тяжело бороться с тем, что несет в себе эта изданная книга. Слишком много надо говорить, и слишком часто надо выступать. И конечно, серьезно надо отнестись к тому, как защищаются теперь диссертации, потому что все эти беды проникли и туда.

Хочу привести пример. Недавно защищались два ученых. И мы отказались дать им отзывы, видя, что их работы не соответствуют тем стандартам, которые у нас уже выработаны. Но к нам не прислушались. Диссертации, к сожалению, все-таки были защищены. Так что об этом тоже надо думать. Но эта забота, наверное, ВАКа.

Мы должны тщательно изучать опыт того, что происходит в соседних странах, в соседних республиках. Без этого не состоится востоковедение. И здесь мне бы хотелось остановиться на одном пожелании. Не надо ставить на повестку дня вопрос, когда дом уже горит. Вот сейчас горит исламский дом. Нужно защитить ислам. Кстати, из трех мировых религий - две принадлежат Востоку. Не нужно ставить вопрос о защите, ставить какие-то научные задачи в пожарном порядке. Я хочу поставить вопрос о том, что нам надо изучать конфуцианство. На Тайване каноны введены в Интернет, в КНР в 1991 г. эти каноны стали изучать в школе. Для чего? Все очень просто и легко объясняется. Каноны - это было нечто такое в Китае, из чего родилась вся филология. Кроме того, на канонах зиждилась государственность. Поэтому, сейчас, спасая свои государственные позиции, свою государственность, Китай именно вводит изучение этих канонов. Китайцы всегда призывали к великому прошлому. Они не звали к великому будущему, они призывали к великому прошлому. Потому что, по их представлению, в великом прошлом как раз и состоялось то самое идеальное государство, которое должно существовать во всем мире.

И последний гимн филологии. В Китае чиновник мог получить должность только в том случае, если он знал все каноны наизусть и писал на заданную тему цитаты из канонов. Таким образом, получалось, что власть в Китае была филологическая.

Выступление И.М. Стеблина-Каменского

Уважаемые коллеги!

В докладе Ростислава Борисовича и в приветствиях других прозвучали очень важные многие проблемы нашей науки и вообще отношения Запада и Востока. И вот уже упоминалась «Афганская баллада» Киплинга, и Ростислав Борисович напомнил нам, что она хотя и начинается:

«Запад есть Запад, а Восток есть Восток»,
но заканчивается словами:

«Но ни у Востока, ни у Запада нет ни границ, ни племен, ни родов,

Если другого лицом к лицу ты встретить как друга готов». Мне кажется, что нам эти проблемы отношения Востока и Запада можно обсуждать бесконечно по изумительному, такому емкому изречению Владимира Соловьева «Россия - это мост между безбожным человеком Запада и бесчеловечным богом Востока». Хорошо об этом помнить именно сейчас, когда проблема диалога культур и народов, вер стоит особенно остро. И востоковеды, конечно, как никто сознают свою ответственность. Мы не можем забывать, что от наших трудов, от наших высказываний зависят не только образовательные программы, но и судьбы людей. Я представляю здесь Восточный факультет Санкт-Петербургского университета, и мне особенно приятно быть в Казани, потому что наш факультет был образован на основе Факультета восточных языков Казанского Университета. В 1855 г. Александр Касимович Казем-бек, декан Факультета восточных языков Казанского Университета, переехал в Петербург и стал первым деканом Факультета восточных языков Санкт-Петербургского Университета. В розданных всем бюллетенях на 30 стр. излагаются образовательные программы нашего Университета, перечни всех курсов, и самых важных

лекций которые у нас в Университете читаются. Наш факультет, вместе с Институтом стран Азии и Африки, единственный в России имеет лицензию на преподавание, на обучение востоковедению и африканистике. Только что мы с Михаилом Серафимовичем закончили написание и оформляем новый государственный стандарт по востоковедению и африканистике. После утверждения в министерстве он может быть использован и другими востоковедными учреждениями.

Но конечно, наш факультет, восточный, чувствуя свою вину перед Казанским Университетом, безусловно, примет самое деятельное участие и в организации восточного факультета Казанского Университета, и поможет с программами, и пособием, и конечно всем, чем сможет помочь. Мы осуществляем сейчас подготовку по многоступенчатой системе бакалавров и магистров.

Тут полезно вспомнить некоторые этимологические вопросы (вот Евгений Максимович сказал, что ислам - это часть человеческой культуры). Когда слово бакалавр проникло в европейские языки, у мусульман были университеты, а у европейцев еще нет. Это слово, конечно, арабского происхождения и возникло в университетах Южной Европы, в Испании, в Италии, где первые университеты заимствовали традицию арабских университетов, созданных на несколько веков раньше. Система такого обучения была такова: учитель передавал знания ученику, ученик за ним все записывал и потом получал от учителя удостоверение на этой рукописи о том, что он имеет право передачи - бахаб куруайя. Это слово в исковерканном виде потом вошло в европейские языки как бакалавр. И традицию такого обучения, когда учитель непосредственно передает свои знания ученику, несмотря на все достижения современной науки, нам нарушать, конечно, нельзя. Хотя и компьютеры мы используем, и у нас есть компьютерные классы, ничто не заменит непосредственного контакта учителя с учеником.

На нашем факультете из образовавшихся в недавние годы инноваций мне хотелось бы только упомянуть о создании

первой в России Кафедры Центральной Азии и Кавказа. Эта кафедра была открыта в 1997 г. Но для Петербургского востоковедения Центральная Азия, Кавказ - это традиционные дисциплины, и наивысший их расцвет, конечно, связан с именем Василия Владимировича Бартольда.

К сожалению, начиная с 50-60-х годов, туркестановедение и кавказоведение передавалось Академиям союзных республик. Кадровая политика тогдашних руководителей нашей науки была такова, что востоковедами должны быть только природные востоковеды, природные ориенталисты, как говорил академик Иосиф Евграфович Орбели. Доведенная до абсурда, эта тенденция привела бы к тому, что орнитологами могли бы быть только птицы, а ихтиологами - только рыбы. Хотя, как известно, самый лучший словарь этимологический русских слов составлен немцем Максом Фасмером. Короче говоря, на Восточном факультете у нас ковались кадры для Средней Азии, Кавказа, а Петербург оставался без специалистов. Но, несмотря на формальную ликвидацию, туркестановедение и кавказоведение все-таки сохранялось у нас в латентном состоянии, потому что продолжалась работа в архивах, были рукописи и книги. Кстати, библиотека академика Марра передается этой кафедре Центральной Азии и Кавказа для использования в учебной практике.

В традициях нашего факультета - откликаться не только на сиюминутные политические проблемы, но и внимательно относиться к глубокой древности. Наш факультет, может быть, единственный в мире, который имеет Кафедру истории Древнего Востока. Ей руководили в свое время выдающиеся академики-востоковеды Тураев, Струве, Пиотровский. Надо сказать, что сейчас на Ближнем Востоке сделаны замечательные открытия о древнейших этапах человеческой истории - это сенсационные раскопки итальянских археологов в Северной Сирии, - и наша кафедра готова сейчас открыть новое отделение - не только о сириологии, египтологии, но и по этой открытой ци-

визации, называемой Эблой, для того, чтобы восполнить пробел.

Вообще, каждый год у нас открывается какая-то новая специализация. Так, в этом году мы открыли и приняли студентов на отделение индонезийско-арабской филологии. Я думаю, что востоковеды понимают связь Индонезии и ислама.

Здесь говорилось о том, что мы должны обращать внимание на обучение студентов. Я думаю, что надо обратить внимание также и на более ранние этапы - на школы. Тем более, что некоторые государства Востока оказывают на нас такой нажим, чтобы мы открывали школы, где будут изучаться эти языки. В Петербурге есть школы, с изучением китайского, японского, хинди и турецкого языка. Сейчас мы ведем переговоры об открытии школы с изучением персидского языка. Я думаю, что в Москве тоже есть такие перспективы.

Тут уже говорили, что мы граничим с Востоком. Но не надо забывать, что мы, конечно, сами являемся Востоком, и он все более, и более входит в нашу жизнь. Мы все чаще получаем заказы и на переводчиков с языком, в которых раньше не было такой необходимости. Третья по численности община в нашем городе - это мусульманская. И требуются переводчики с узбекского, казахского, азербайджанского языков и, к сожалению, наши выпускники сейчас все реже пополняют штаты академических институтов и образовательных учреждений, но больше работают в системе массовой информации - в фирмах, банках и на разных коммерческих предприятиях. И получаемое на факультете образование, в основе которого лежит умение работать с источниками, позволяет им с успехом справляться с этой работой.

Поскольку я начал со стихов Киплинга, я хочу закончить тоже пророческими Тютчевскими строками, которые утверждают, несмотря на все поражения, будущность России на Востоке. Они были написаны как раз тогда, когда состоялось торжественное открытие факультета восточных языков Санкт-Петербургского Университета - это, напомним, было 8 сентября

1855 года, это падение Малахова кургана и оставление Севастополя русским войсками.

"То, что Олеговы дружины
Ходили добывать мечом,
То, что орел Екатерины
Уже прикрыл своим крылом,
Венца и скипетра Византии
Вам не удастся нас лишить.
Всемирную судьбу России –
Нет, вам ее не запретить".

Я думаю, что востоковедению в этой всемирной судьбе
России принадлежит не последняя роль.

Спасибо.

Востоковедческие исследования в Хакасском государственном университете им. Н.Ф. Катанова

Зарождение востоковедческих и тюркологических исследований в Хакасско-Минусинском крае связано с научными работами И. Бичурина, В. Радлова, Н. Катанова, Аспелина, Н. Козьмина, С. Майнагашева и др., включившие наш регион в общее дело изучения Центрально-Азиатской цивилизации. В настоящее время в структуре Хакасского Госуниверситета имеются научные подразделения, занимающиеся проблемами изучения истории, этнографии, тюркологии, фольклора и языка народов Саяно-Алтая.

Институт Саяно-Алтайской тюркологии исследует хакасский язык, литературу и фольклор. За два последних года издано два ежегодника ИСАТа.

Лаборатория археологии Научно-исследовательской части каждый год проводит экспедиции, изучающие древние культуры Минусинской котловины.

Лаборатория этнографии НИЧ исследует культуру народов Хакасии, Тувы и Северо-Западной Монголии. Ежегодно, в июле-августе, на средства лаборатории этнографии проводятся экспедиции. В этом году экспедиция работала в Улангомском и Кобдосском аймаках Монголии. За пять лет работы Лабораторией этнографии издано 12 монографий, учебных пособий и научно-популярных брошюр. В том числе: Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края (Абакан, 1995); Этническая культура хакасов (Абакан, 1998); Хакасско-русский историко-этнографический словарь (Абакан, 1999). Сейчас издательством ХГУ готовится к выпуску новая книга "История

енисейских кыргызов", охватывающая двухтысячелетнюю историю Центральной Азии, Саяно-Алтая и Тянь-Шаня.

В связи с особым географическим положением Хакасии и все более расширяющимся значением востоковедческой науки назрела острая необходимость в создании нового подразделения ХГУ - "Института Востоковедения". В настоящее время этот вопрос находится на стадии рассмотрения.

Выступление Н.М. Хрящевой

Уважаемый председатель, уважаемые коллеги!

Я хочу в сжатой форме дополнить выступление Ростислава Борисовича в тезисе об интеграции науки и образования. Я представляю Восточный университет, образованный Институтом востоковедения РАН, являюсь его проректором. И хочу просто рассказать, как комплексно подходит Институт востоковедения к решению проблемы научных кадров, остро прозвучавшей здесь в выступлениях многих наших товарищей.

Институт востоковедения образовал Восточный университет, где обучается небольшое количество студентов – около двухсот. И вряд ли это количество в ближайшей перспективе будет увеличено. Самая яркая черта деятельности этого университета - это уникальный преподавательский состав. Преподавательский состав на 75-80% - это кандидаты и доктора наук. В основном – это наша академическая элита. Часть лекций, особенно в плане спецкурсов, читается прямо с научного конвейера, сразу по завершению научных исследований. Читаются такие совершенно уникальные курсы, как "Реформа Запада и Востока", дается научный сравнительный анализ.

В результате имеется двойная востребованность – т.е. востребованность науки со стороны студентов и востребованность наших выпускников. Выпускники востребованы у нас в МИДе – пять человек там работает; пять человек в различных посольствах: Японии – два, Индии и даже Саудовской Аравии

Нашими преподавателями из Института востоковедения РАН, что работает с большой отдачей, создано научное студенческое общество, проводятся научные конференции. Раз в год проводится научно-студенческая конференция, и публикуются доклады студентов. В результате мы имеем: 11 студентов-выпускников учатся в аспирантуре нашего Института востоко-

ведения, часть учится в зарубежных аспирантурах – в Японии, Америке и ряде других стран, и уже такой важный фактор – часть работает в самом Институте востоковедения РАН.

И последнее. На конгресс мы приехали, надеясь развить контакты, связи сотрудничества востоковедческими центрами, особенно с образовательными. Мы привезли программы-разработки и выставили. Часть кто-то уже взял, часть – подборку своих учебных материалов, пособий – мы передадим в дар, в библиотеку Казанского университета.

Выступление Т.В. Царевской

Мне хотелось бы сказать несколько слов о сотрудничестве ученых востоковедов и архивистов и о задачах, стоящих перед нами на современном этапе. Как отмечалось в докладе Ростислава Борисовича, за последние годы среди всех увидевших свет изданий, возросло количество архивных публикаций. Но в подавляющем своем большинстве - это были тематические сборники документов, ограниченные хронологическими и региональными рамками.

В настоящее время, ученые востоковеды и архивисты осознали необходимость выхода на новый уровень сотрудничества, создания справочных изданий по материалам архива. Подобные справочные издания могут быть нескольких уровней, которые определяются фактически, порядком фондообразования.

Первый уровень - это создание пофондовых путеводителей на востоковедные фонды, в первую очередь конечно, федеральных архивов. Подобные путеводители, в целом, не потребуют огромного бюджетного времени и непосильных трудозатрат. В их основу могут быть положены имеющиеся у ряда федеральных архивов и увидевшие свет в 90-е гг. путеводители по фонду архивов. В большей части своей, вышедшие путеводители аннотированы очень хорошо, и имеют электронные аналоги. Таким образом, имеющиеся наработки могут быть использованы в пофондовых востоковедческих путеводителях.

Кстати, вчера, посещая архив Татарстана, мы слышали, что национальный архив фактически подготовил для выхода в свет свой новый путеводитель по фондам архива, и материалы этого путеводителя тоже могут быть включены в путеводитель по востоковедческим фондам. Фактически, справочное издание

такого уровня позволит охватить все регионы и всю хронологию, и представить ученым востоковедам достаточно полную картину того, что же все-таки хранит наша архивная система.

Второй уровень - это создание аннотированного каталога дел, содержащих материалы по истории стран Востока. Эта работа, на наш взгляд, требует разработки принципа научного описания, аннотирования архивных дел. Здесь выделяется два аспекта. Первый – это определение приоритетных принципов отбора дел для описания. В основе приоритета может лежать как хронологический, так и географический принцип, а также метод хранения документов, т.е. архив. Второй аспект – непосредственно содержательный, т.е. определение основных ключевых моментов, которые должны содержаться в аннотации дела. Именно разработка основ такого аннотированного путеводителя и поэтапная его подготовка явится серьезным интеллектуальным вкладом востоковедов и архивистов в развитие исторической науки. Речь идет, безусловно, об очень длительном, трудозатратном проекте. И, по-моему, разумно начинать подобное описание, ограничившись отдельными странами или хронологическими рамками. Но информационная насыщенность и значимость подобных изданий для исследователей будет на несколько порядков выше, чем значимость того пофондового указателя, о котором я говорила ранее.

Возможен и третий уровень справочного издания: это создание аннотированного каталога на документы, т.е. подокументное описание каждого дела. Да, я сознаю, что я предлагаю объять необъятное. Но подобные каталоги могут быть созданы на отдельные, наиболее ценные для востоковедов комплексы документов. Здесь есть несколько положительных моментов. Во-первых, вводится в научный оборот комплекс документов, полная публикация которых невозможна по причине, допустим, большой обширности комплекса. Во-вторых, это дает возможность исключить тенденциозный подход к комплексу документов, и таким образом любой ученый, независимо от национальности и вероисповедания получит возмож-

ность разностороннего изучения какого-нибудь исторического факта или события. В-третьих, такой аннотированный каталог, станет основой нескольких сборников документов по различным темам и аспектам. Фактически, архив уже имеет опыт создания на базе аннотированных каталогов так называемых особых папок, которые в дальнейшем могут перерасти в сборники документов по различным тематикам, в т.ч. и с зарубежными партнерами.

В заключение мне хочется сказать о тех безграничных возможностях, которые на сегодняшнем утреннем заседании демонстрировали, о которых рассказывали. К несчастью, архивы, как отдельная система, не в состоянии создать собственный сервер, в отличие от академических институтов, библиотек. Мы бы с удовольствием обратились за помощью в Центр научных телекоммуникаций и информационных технологий РАН. Но имеется самое серьезное препятствие: финансовое. Поэтому мы приветствуем расширение сотрудничества между востоковедами и архивистами как реальную возможность для архивов, хотя бы частично, влиться в единое информационное пространство.

Выступление Ю.В. Чудодеева

Дорогие коллеги!

Мое выступление будет носить, скорее прикладной характер, нежели строго научный. Я коснусь немного издательской деятельности Института востоковедения, который я представляю.

Каждый из нас понимает, что проблема публикации научных исследований, выход на публику, а не держание рукописи в столе – это важнейшая сторона деятельности ученого. Трудности, которые возникли на определенном этапе, очевидно, и сегодня существуют – это нехватка финансовой поддержки издательской деятельности научных подразделений. И в то же время существовало и продолжает существовать огромное, я бы сказал, увеличивающееся желание ученого видеть свою рукопись опубликованной. Причем не в компьютерном варианте (Интернет), а именно в виде книги – реальной печатной публикации. Я думаю, что Интернет никогда не заменит книгу, также как телевидение, например, никогда не уничтожит театр.

К 1996 г. в Ученом секретариате Института востоковедения скопилось около 100 рукописей, которые пролежали несколько лет и могли бы лежать и дальше. Как Институт решал эту проблему противоречий? С одной стороны - желание Института и его ученых публиковать свои труды, с другой – нехватка денег. Естественно, Институт продолжал пользоваться услугами издательства «Восточная литература» (на нашем совещании его представляет Светлана Михайловна Аникеева). В то же время, на каком-то этапе у Института появился ризограф, который также, в известной мере, помогал публиковать работы, правда, не на очень высоком полиграфическом уровне и ограниченными тиражами. Например, материалы Элистинской конференции были опубликованы на ризографе нашего

Института. И, наконец, в-третьих, Институт решил создать внутреннее редакционно-издательское подразделение. Для этого мы в 1996 г. купили у Комитета печати РФ лицензию на издательскую деятельность. Это дало нам возможность выходить с отредактированными рукописями непосредственно в типографии, что значительно удешевляло издание книг. В первоначальный состав Редакционно-издательского отдела входили три редактора, одна машинистка и ваш покорный слуга. У нас не было и пока нет компьютера, т.е. мини-издательского центра. Но дирекция обещала, и я думаю, выполнит свое обещание приобрести его в виде четырех предметов: компьютера, монитора, принтера и сканера. Тогда бы мы могли, приобретя определенного сотрудника, делать отформатированный оригинал-макет. Сегодня мы получаем в ученом секретариате дискету с набранным текстом, отдаем ее на сторону на форматирование, проверяя естественно, качество выполненной работы. За три с половиной года существования Отдела, Институт выпустил с его помощью 120 книг. Часть этих книг мы привезли в Казань, и они были подарены Библиотеке Казанского университета. Среди этих книг я могу назвать «Историю Японии» в двух томах, в твердом переплете, которая была отпечатана в одной из лучших научных типографий России – типографии «Наука РАН». Тираж в 1000 экз. разошелся моментально. Деньги на это издание дали японские фонды. А деньги, которые были собраны путем реализации этого издания, в свою очередь, были пущены на второе издание, которое тоже вышло в свет усилиями нашего отдела.

Я хотел бы назвать несколько работ, вышедших в сериале «История стран Востока XX века», который задуман Институтом с перспективой на десять лет и создается не только силами сотрудников института. Насколько я знаю, для реализации этого проекта дирекцией будут привлекаться и ученые из других учреждений. Каждая страна Востока будет представлена своей историей за прошедшие 100 лет. Так что это издание

рассчитано на несколько десятков томов. Первые два уже вышли. Это «История Ливии» и «История Алжира».

Я мог бы назвать несколько книг, может быть, несколько меньшего масштаба, но которые стали своего рода научными бестселлерами. Это «Ислам в СНГ». Я не смог привести сюда эту книгу, потому что она разошлась, и остался один экземпляр, который дирекция просила сохранить для конгресса в Монреале. Никак не уговорю оргкомитет в лице А.В. Малащенко организовать второе издание этой книги, в известной степени обновив ее. Он неожиданно сказал мне, что эта книга уже немного устарела. В Казани, по его словам, сидят такие киты исламоведения, что нам здесь надо подтягиваться и делать эту работу более совершенной.

Откуда берем деньги? Я бы назвал четыре источника финансирования нашей издательской деятельности. Первый и, конечно, главный – это бюджетное финансирование. Второе – это, представьте, спонсоры. Например, «История Японии» и многие книги, которые издает Японский центр, в основном публикуются за счет поддержки различных японских фондов. Это облегчение для бюджетного финансирования. Определенные деньги дают иранцы; хуже арабы. Третье – это различного рода российские фонды, в частности, РГНФ. Здесь я не могу похвастаться, что эти фонды много дали на издание книг по линии, которую я представляю. Что делают ученые? Некоторые экономят исследовательские гранты, и часть этих денег пускают на издание своих книг. И, наконец – личные взносы авторов. Несмотря на материальные трудности, некоторые наши ученые выражают готовность частично финансировать издание своих трудов.

Трудностей у Отдела, конечно, много – отсутствие компьютерного центра, отсутствие художника и не очень сильное корректорское подразделение. Но, тем не менее, книги издаются. Тиражи небольшие – 300-500 экз., очень ограничен наш выход с продукцией на другие регионы России. Частично книги попадают в Петербург, но очень ограничено. Институт не

имеет коммерческой прибыли от реализации продукции. Себестоимость раза в два выше, чем та цена, по которой отпускаются книги в книготорговую сеть.

Поскольку мне приходится сталкиваться и с реализацией нашей продукции, у меня образовалось определенное представление о тематике, которая сегодня интересует российскую публику. Естественно, наука – это особая сфера деятельности человека, и она не может существовать, не крутясь внутри себя, не создавая трудов для собственного саморазвития. Но мы не можем игнорировать и интересы общества. Представьте себе, на первом месте – история. Книги по истории стран Востока раскупаются очень быстро. На второе место я поставил бы книги, которые условно назвал бы по культуртрегерской тематике, т.е. книги по истории культуры, философии, искусству и т.д. На третьем месте – политическая тематика, особенно если она актуальна и связана с определенными проблемами межнациональных и языковых отношений. В качестве примера своего рода научного бестселлера я хотел бы назвать книгу В.М. Алпатова о социолингвистической ситуации в СССР и в постсоветском пространстве. Изданная под названием «150 языков и политика», книга разошлась мгновенно. И, наконец, на четвертом и пятом местах – экономическая, литературоведческая и языковедческая тематика. Книги этой тематики большей частью предназначены для более узкого круга, более подготовленного читателя. Актуальной, следовательно, остается проблема тиражной политики нашей издательской деятельности.

Последнее, что я хочу предложить в связи с замечанием Д.Д. Васильева, - необходимость снабжать востоковедные центры России нашей продукцией. И мы готовы пойти на это. Надо записать в резолюции нашей конференции, чтобы один экземпляр книг, изданных в нашем Институте, рассылался в научные подразделения, которые представляют здесь уважаемые участники конференции.

Выступление Ф.А. Шакуровой

Я представляю Центр этнологических исследований Уфимского Научного Центра РАН.

В ряду проблем, которые возникают при изучении истории народов Российского Востока, главная проблема - это источниковая база. Если смотреть широко, то книги, которые писались в XVIII в. уже можно рассматривать в качестве первоисточника. И, конечно, актуальной остается задача доступности таких редких книг для читателей. Центр этнологических исследований УНЦ РАН взялся за решение этой задачи и, в общем-то, добился успеха. Но возникает проблема рассылки и распространения.

В этом году наше учреждение выпустило такой ценный исторический труд, который был написан в 1755 г. Я имею в виду книгу Петра Ивановича Рычкова, первого члена-корреспондента Санкт-Петербургской Академии наук, которая вышла под названием "Топография Оренбургской губернии". Книга не ограничивается топографическим анализом Оренбургской губернии, потому что включает в себя сведения о смежных народах, о народах, которые проживали внутри этой губернии. А вы знаете, что Оренбургская губерния была очень пространна по территории. То есть, это очень ценный исторический труд, а он сейчас малодоступен. Особенно для историков, филологов очень важны такие главы книги Рычкова, как II, в которой есть такие параграфы, я их перечислю: о трухнесах, о хиви и хивинцах, об аральцах, о каракалпаках. Следующий параграф называется «Киргизы большой Орды: о туркестанском владении», о владении ташкентском, о зюнгорах. В главе IV речь идет о народах, проживающих внутри Оренбургской губернии. Эту книгу мы издали тиражом три тысячи экземпляров, я могу ее показать. Проблема заключается в том,

что любая библиотека была бы рада получить эту книгу, но мы не знаем, как нам с ними связаться. Мы – научно-исследовательское учреждение, и не занимаемся рассылкой. В Уфе лежат три тысячи экземпляров Рычкова, а мы не знаем, как их раздать. Возможно, что это проблема как-то решится с помощью этого съезда.

Выступление А.Р. Шихсаидова

Ростислав Борисович сделал такой всеобъемлющий доклад, что каждый выступающий, отталкиваясь от него, без труда может развивать свою собственную тему. Я не хочу быть исключением. Я хочу остановиться на одном вопросе, о котором шла речь в докладе: о необходимости уделять особое внимание вопросам культуры. В частности, речь идет о культуре письменных памятников, о книжной культуре. Здесь говорилось о том, что необходимо усилить и обогатить источниковую базу, которая сосредоточена в архивах книжных собраний. Я хотел бы сказать о другой источниковой базе, которая не сосредоточена в таких архивах и книжных собраниях. Мои коллеги здесь говорили о богатейшем фонде восточных рукописей в Институте археологии, истории и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Развивая их выступление, я хотел бы рассказать о таких фондах, которые могут дать фору многим государственным хранилищам Дагестана.

Важнейшей и неотъемлемой частью исторической науки Дагестана, получившей развитие на профессиональном уровне с середины 20-х гг. XX в., т.е. со времени создания Научно-исследовательского института, призванного заниматься историей и культурой дагестанских народов, является дагестанское востоковедение, уходящее своими корнями в средневековье. Первые дагестанские ученые тех времен, обращавшиеся к истории своих народов, получали образование не только в Дагестане, но и пополняли свои знания в странах Ближнего Востока. Знание восточных языков, знакомство с востоковедческими научными школами позволяли им создавать труды, отличавшиеся оригинальностью. Систематическая работа по исследованию памятников письменной культуры народов Дагестана была начата Российской академией наук. Выдающиеся пред-

ставители Академии наук России: Ю. Клапрот, Н.М. Карамзин, А.Я. Рейнеггс, М.А. Казембек и другие много сделали для сбора, изучения и публикации памятников письменности дагестанского происхождения, ознакомления с ними широкой общественности.

Эта работа привлекала внимание крупнейших российских востоковедов В.В. Бартольда и И.Ю. Крачковского. Статьи В.В. Бартольда "Дагестан", "Дербент", "К вопросу о происхождении кайтагов", "К вопросу о происхождении Дербентнаме" и другие служили блестящими подтверждением неопределимого значения письменных памятников для изучения и освещения важнейших проблем истории.

В трудах И.Ю. Крачковского глубокому источниковедческому анализу были подвергнуты исторические сочинения Абдурахмана из Казикумуха "Хуласат ат-тафсил ан ахвал Шамуил" и Мухаммедтахира ал-Карахи "Барикат ас-суйуф..." и многие другие дагестанские работы и письменные источники, он указывал на необходимость не только сбора, но и издания целой серии таких памятников. И.Ю. Крачковский дал общую характеристику значения дагестанской арабоязычной литературы.

С созданием научно-исследовательского института работа по выявлению, учету и изучению рукописного наследия памятников книжной культуры дагестанских народов, как находившихся в Дагестане, так и поступивших из стран Ближнего и Среднего Востока, приобретает целенаправленный и систематический характер. Организованный при Институте Рукописный фонд, благодаря усилиям целого ряда поколений ученых, превращается в крупнейшее на Северном Кавказе хранилище рукописей и печатной продукции, написанных на арабском, персидском, тюркских и дагестанских языках. Одновременно с этим проводилась большая работа по исследованию собранного хроникального и документального материала, каталогизации книжных фондов, описанию многочисленных частных и мечетских книжных и рукописных коллекций.

В разное время собиранием и изучением письменной культуры памятников занимались такие известные в Дагестане знатоки арабского языка как М. Инкачилав, А. Каяев, М. Гайдарбеков, М.-К. Ахмедов, М.Г. Нурмагомедов, М.-К. Мугуматов. В собирании рукописного и книжного наследия, его изучении большую роль сыграл М.-С. Саидов, возглавивший созданный в 1963 г. при Институте ИЯЛ отдел восточных рукописей. Ему принадлежит один из первых общих обзоров, а также каталог дагестанской арабоязычной литературы XVIII - XIX вв., привлекая внимание широкой научной общественности.

В пополнение Рукописного фонда немалый вклад внесли А.Р. Шихсаидов, долгие годы руководивший Отделом восточных рукописей, А.А. Исаев, Г.М.-Р. Оразаев, Х.А. Омаров, Т.М. Айтберов, А.Н. Козлова, Д.Х. Гаджиева, владеющие дагестанскими, арабским, персидским и тюркскими языками. Ныне Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН располагает более чем 12 тысячами единиц хранения. Среди них около 2700 рукописных книг и более 1300 печатных книг, несколько тысяч писем и документов.

С накоплением в Рукописном фонде Института богатейшего культурного наследия все большую актуальность приобретало его теоретическое осмысление. В последние годы вышли в свет целый ряд монографических работ, тематических сборников, статей, переводов исторических сочинений дагестанских авторов, написанных на арабском и других языках. Среди наиболее крупных работ можно назвать "Дагестанские исторические сочинения" (перевод и комментарии Шихсаидова А.Р., Айтберова Т.М., Оразаева Г.М.-Р.), двухтомное собрание сочинений А. Акаева "Тропой пророка" (составление, перевод и комм. Оразаева Г.М.) "Каталог печатных книг и публикаций на языках народов Дагестана" (Исаев А.А.). "100 писем Шамиля" (перевод и комм. Омарова Х.А.), "Воспоминания" Абдурахмана из Газикумуха (перевод Саидова М.-С., редакция перевода и комм. Шихсаидова А.Р.), "Воспоминания Абдуразака Согратлинского о восстании 1877 г." (перевод Омарова Х.А.),

сочинения Махмуда ибн Хиналуга "События в Ширване и Дагестане. XIV - XV вв.", (перевод и комм. Шихсаидова А.Р.), Мухамеда Аваби Акташи "Дербенд-наме" (перевод и комм. Оразаева Г.М.-Р. и Шихсаидова А.Р.), "Мухаммед Амин (Сиялав) и национально-освободительное движение народов Северного Кавказа в 1840 - 1860 гг. XIX в." (составитель Магомеддадаев А.М.), "Дагестанская диаспора в Турции" (Мусаева М., Курбанов М.-З., Магомеддадаев А.М.). Опубликован фундаментальный труд "История Дагестана с древнейших времен по XV в. включительно" (Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р.).

Список изданий Института ИАЭ мог бы быть значительно пополнен, если бы не ограниченность его издательских возможностей. Востоковедами Института подготовлены к изданию: "Тюркоязычные документы фонда Кизлярский комендант" (составитель и переводчик Оразаев Г.М.-Р.), "Дербент-наме и джадид" (перевод Козловой А.Н.), "Каталог персидских рукописей Института ИАЭ" (Алибекова П.М.), "Сочинения Абдурахмана из Газикумуха "Хуласат ат-тафсил" (перевод Тагирова Н.А.), "Материалы о народно-освободительном движении 20-50-х гг. XIX в. на арабском языке" (перевод Шерафудинова Р.Ш.), "Ислам и исламская культура в Дагестане" (отв. ред. Шихсаидова А.Р.), Эмиграция дагестанцев в Османскую империю" (сб. док), "Словарь Джами ал-лугатайн" Дибиркади из Хунзаха (подготовка к изданию Алибековой П.М.).

Широкий аспект востоковедных исследований и изданий, осуществляемых Институтом, показывает, что дагестанское востоковедение приобретает научный характер. Вместе с тем ученые-востоковеды Института не ограничиваются лишь своими научными поисками и много сил они отдают передаче своих знаний студентам вузов. Многие из них преподают в вузах арабский, персидский и тюркские языки, ведут занятия по истории и культуре народов Востока.

Более масштабный и активный характер приобрела и работа по выявлению и фиксации рукописных коллекций Даге-

стана. Проведение археологических экспедиций стало возможным благодаря грантам. Выделяемым по федеральной целевой программе "Интеграция". В таких экспедициях, проводимых совместно с Дагестанским университетом, решается двудеяная задача - выявление, учет, фиксация, эпистолярных памятников и привитие навыков археологической работы студентам вузов, будущим историкам.

В 1997 - 2000 гг., как предусмотрено проектом, поддержанным фондом "Интеграция" ставится задача, которая выполняется успешно, охватить в полном объеме памятники рукописной книжной культуры Дагестана и каталогизировать их. Создание каталогов всех коллекций одного региона является беспрецедентным явлением в практике востоковедения и его решение по плечу коллективу, имеющему большой опыт работы в этой сфере. Говорить о значимости этой работы нет необходимости, она обогатит источниковую базу востоковедных исследований не только по истории Дагестана, но и Северного Кавказа.

Первые результаты археографических экспедиций говорят о том, что здесь ученых ждут приятные неожиданности. Оказалось, что частных книжных коллекций гораздо больше, чем можно было предполагать. В 1997-99 гг. археографическая экспедиция Института ИАЭ и Даггосуниверситета работала в Хунзахском, Гергебельском, Гунибском, Акушинском, Табасаранском, Кайтагском, Левашинском, Дахадаевском районах, в Махачкале, фиксировала ряд книжных коллекций и в других районах. Составлен полный перечень около 90 частных и мечетских рукописных собраний. Выявлено и описано более 200 рукописей XIII - 1 половины XX вв., в их числе - и уникальные сочинения дагестанских авторов XV - 1 половины XX в.: Ахмада-Йамани Газикумуки, Мухаммада ал-Кудуки, Шабана из Обода, Дамадана из Мегеба, Абубакара Аймакинского, Ибрагима из Урада, Муртазаали из Урада, Саида Араканского, Абдурахмана из Газикумуха, Абдурхмана из Согратля, Мухаммадмирзы из Аймаки, Мухаммеда из Могоха, Умара из Кудали,

Мухаммедтахира ал-Карахи, Мухаммед-эфенди из Кикунни, Мухаммеда, сына Чаранова из Могоха, Гасана Алкадари, Нажмудина Гоцинского, Али Каяева и др.

Особо следует говорить о научном сотрудничестве и эффективных творческих контактах с учеными ближнего и дальнего зарубежья. Сотрудники Отдела в течение многих лет поддерживают научные связи с учеными из Турции, Сирии, Англии, США, Германии, Израиля, Швеции, Венгрии, Азербайджана, Грузии, Армении, Таджикистана, Узбекистана, Казахстана.

Старший научный сотрудник Г.М.-Р. Оразаев имеет постоянные связи с учеными и научными обществами Турции. В частности, в сотрудничестве с учеными из Турции и России он издал ряд ценных работ по тюркской лексикологии.

Старший научный сотрудник Х.А. Омаров в течение многих лет руководил группой переводчиков в Сирии и Ливии. Неоднократно было отмечено высокое качество его работы.

Кандидат исторических наук А.М. Магомеддадаев неоднократно выезжал в научную командировку в Турцию и наладил постоянные контакты с дагестанской диаспорой, особенно с культурным центром "Дагестан" (президент - Шигабудинов Озден) в г. Ялова, стамбульским обществом "Кузей Кафкасы" (Северный Кавказ) и обществом "Фонд Шамиля" (ответственный секретарь - Гекхан Ментеш). В итоге научных командировок ученым собран ценный материал по истории, культуре, перспективах развития дагестанской диаспоры в Турции.

В 1996-98 гг. сотрудники Отдела восточных рукописей принимали участие в разработке долгосрочной программы ИНТАС (№ 94 - 4641) "Мусульманская культура в России и Центральной Азии от XVIII до начала XX в." (Россия, Дагестан, Германия, США, Узбекистан, Башкортостан и др.). В рамках этой программы проводилось в частности изучение рукописной книжной культуры Дагестана на арабском, персидском, тюркских языках. Координатор Международной программы ИНТАС - Бохумский Рур-университет. Семинар ориен-

талистики и индологии (доктор Михаэль Кемпер). В 1997 г. в Санкт-Петербурге был проведен круглый стол по теме программы (от Дагестана с докладами выступили Г.М.-Р. Оразаев, А.М. Магомеддадаев, А.Р. Шихсаидов). В 1997 и 1998 гг. в Берлине издано на немецком и английском языках два тома "Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries" (от Дагестана - статьи А.И. Исаева, А.М. Магомеддадаева, А.Н. Козловой, Н.А. Тагировой, А.Р. Шихсаидова). В 1999 году участники программ ИНТАС Михаэль Кемпер (Германия) и Клеменс Сидорко приняли участие в работе археографической экспедиции в Дагестане по проекту "Интеграция" ("Арабские рукописные коллекции Дагестана") и познакомились с материалами фонда восточных рукописей. Совместно с учеными Германии и Израиля разрабатывается программа совместных изданий.

Налажена связь с библиотекой Принстонского университета (США), где хранится коллекция рукописей, принадлежащих Шамилю.

Накопленный опыт позволяет ставить перед дагестанским востоковедением новые задачи. Речь идет о переориентации исследований на решение таких крупных научных проблем, как ислам и исламская культура в Дагестане и на Северном Кавказе, изучение дагестанской диаспоры достаточно широко представленной в странах Ближнего Востока, более широкий выход проблемы, связанные с изучением политических, экономических, культурных и научных контактов с Закавказьем, Средней Азией и Ближним Востоком. Эти направления рассматриваются как приоритетные исследования, на выполнение которых будут сосредоточены усилия ведущих специалистов Института.

Важной областью деятельности востоковедов остается исследование культурного наследия, широко поддерживаемого как многими международными фондами и организациями, так и на государственном уровне. Такой интерес мировой общественности к археографическим поискам, собиранию, изучению

и публикации рукописного и культурного наследия можно объяснить, прежде всего, тем, что именно через письменные памятники убедительнее всего прослеживаются культурные контакты народов и цивилизации. В то же время, международный обмен информацией о письменных памятниках становится одной из распространенных и перспективных форм научного сотрудничества ученых различных стран.

Предстоит выполнить большой объем работ по подготовке к изданию крупных исторических сочинений дагестанских авторов прошлого, а также других научных трудов, продолжить подготовку каталогов письменных памятников на арабском, персидском и тюркском и дагестанских языках, сосредоточенных в Рукописном фонде Института ИАЭ. Начинается собирание, изучение и издание сочинений дагестанского происхождения по мусульманскому праву и исламской культуре.

К выполнению намечаемых задач будут привлекаться российские и зарубежные востоковеды, специалисты из вузов Дагестана, объединение усилий ученых и решение крупных научных проблем поможет издать работы фундаментального характера, написанные на высоком научном уровне.

Важное место в работе отдела занимает изучение проблемы дагестанской диаспоры на Ближнем Востоке.

В настоящее время востоковеды Института ИАЭ совместно с преподавателями-востоковедами Дагестанского государственного университета работают над выполнением проекта "Арабские рукописные коллекции Дагестана" (автор и руководитель – проф. А.Р. Шихсаидов), поддержанным решением Совета Федеральной целевой программы "Интеграция".

Проект рассчитан на 1997 - 2000 гг. и ставит основной целью выявление в полном объеме всех памятников рукописной книжной культуры в Дагестане и создание каталогов книжных коллекций. Долгосрочная цель программы – подготовка научной и материальной базы для последующего этапа полевой и эдиционной археографии – создания Сводного ката-

лога рукописных книжных коллекций и документов Дагестана на арабском и других восточных языках. Создание каталогов коллекций (в основном частных) одного региона является беспрецедентным явлением в мировой практике востоковедения. Каталогизация письменных памятников региона (конкретнее: всех арабских книжных коллекций Дагестана) значительно расширит наши представления об интеллектуальном уровне средневекового общества "неарабского" мира, обогатит источниковую базу исследований истории и культуры народов Северного Кавказа.

Р.У. Амирханов

Дореволюционная татарская историография: востоковедческо-тюркологические аспекты

Дореволюционная татарская историография имеет мощный исследовательский поисковый пласт, которому присуща ярко выраженная востоковедческая направленность, причем неизменно тюркологическая, с духовно ориентированной струной. В этом контексте нам стоит обратиться к деятельности тех, чье творчество наиболее тесно увязывается с научным востоковедением. Шигабуддин Марджани, названный Джама-леддином Валиди «татарским Геродотом», внес внушительный вклад в разработку проблем, так или иначе связанных с Востоком вообще, с тюркским и мусульманским миром, в частности. В 1864 г. в Казани был создан его труд «Жилище хаканов в познаниях жизни». Этот труд был посвящен совершенно неисследованной к тому времени проблеме «История Средней Азии домонгольского периода». До издания труда Марджани об этом периоде в истории Средней Азии имелись лишь отрывочные сведения в сочинении османского ученого Мюннеджим Баши «Страницы известий», которым пользовались европейские ученые. Всеобщее признание европейских ученых получил труд Марджани «Завесы времени, прикрывающие историю Булгара и Казани». Оригинальный перевод этого сочинения был напечатан в трудах Четвертого Всероссийского археоло-

гического съезда за 1878 г. Кстати, съезд проходил в Казани. В. Радлов подчеркнул важность сведений, которые удалось собрать Марджани из речей правителей и из предисловий богословских книг, написанных в честь того или иного золотоордынского хана. Примечательно, что это произведение Марджани использовали ученые Готвальд, Загорский, Ашмарин, Худяков и многие другие. Впоследствии многие сведения из этого произведения в дополненном и уточненном виде вошли в одно из самых крупных исторических сочинений Марджани в двух томах «Сведения, привлеченные для истории Казани и Булгара». Написанный на основе изучения большого количества источников самого различного характера, этот труд представляет собой значительное достижение исторической науки у татар. Самое солидное по объему и содержанию сочинение Марджани - это «Некрологи путешественников, заветы потомкам» - по форме представляет собой летопись, а по содержанию - собрание 6057 биографий выдающихся людей мусульманского мира. Материалы хронологически охватывают период с 633 по 1889 годы, т.е. от года смерти Мухаммеда до последнего года жизни самого Марджани. Географически же они касаются как центральных, так и периферийных областей мусульманского мира, от Индии до Испании - с востока на запад и от Йемена до Парижа - с юга на север. Тома представляют собой составленные по системе некролога биобиблиографический свод жизни и творчества деятелей науки и культуры мусульманского Востока в частности, Средней Азии, Афганистана, Турции и других стран.

Еще одно сочинение - «Краткий очерк о ярких звездах Каира», состоящий из двух томов. Следующие труды я пропускаю за неимением времени.

Ризаетдин б. Фахруддин, историк и общественно-религиозный деятель конца XIX и первой трети XX веков, в первую очередь, известен своим капитальным био- и библиографическим трудом «Асар» - «Следы», часть которого - два тома, 15 выпусков было опубликовано в 1900-1908 гг. В них

описана жизнь и деятельность 1009 великих ученых и государственных деятелей с болгарского периода до начала XX в. Рукописи 3 и 4 томов находятся в различных архивных фондах страны и ждут своей публикации и научного осмысления. Помимо вышеуказанных томов ученый издал еще около двух десятков книг о выдающихся деятелях Востока, среди которых наибольшей популярностью пользовались сочинения об Ибн Рушде, т.е. Аверроэсе по-европейски, ибн Арабшахе, имаме аль Газали ат-Туси, ибн Таймийе, ибн Араби, приезде ибн Фадлана в Булгарию, путешествии ибн Батуты в Дешт-и Кыпчак и др.

Книги «Знаменитые женщины», «Знаменитые мужи» содержали биографии наиболее выдающихся личностей, связанных с тюрко-мусульманским миром, с Востоком вообще. География представленных имен поразительно широка.

Своей нестандартностью выделяется книга «Исмаил Саяхатэ» - «Путешествие Исмаила», в которой описывается поездка жителя Сеитовского посада близ Оренбурга, Исмаила бек Мухамедова, в Индию, Среднюю Азию, Ближний Восток в 1751 г., т.е. на четверть века раньше известного путешественника Филиппа Ефремова. На страницах редактируемого Фахреддином журнала «Шура» - «Совет» под рубрикой «Знаменитые люди и великие события», ученый помещает жизнь и описание 179 исторических фигур, среди которых сотни ярких имен, связанных с Востоком - Атилла, Авиценна, Ширази, Физули, Бируни, Якут, Омар Хайям, Чингисхан, Наполеон и т.д. Помимо этого, в рамках изложения биобиблиографических сведений о выдающихся личностях и описания великих событий, ученые используют журнал «Шура» для освещения истории целых государственных образований в лице Волжской Булгарии, Золотой орды, Казанского, Касимовского ханств и т.д.

Четкие востоковедческие ориентиры были характерны для творчества современника Марджани, крупного религиозного деятеля, просветителя и историка Хусаина Амирхана. Его наиболее известными произведениями являются изданные в

70-80 гг. XIX в. «Таварихе Булгария» - «История Булгара», «Звездные истории», «Великая генеалогия, описывающая знаменитые роды» и др., которые увидели свет в Казани и Санкт-Петербурге. В них ученый на базе множества источников, легенд и т.д. подробно излагает историю Булгарского и Казанского ханств, дает обширные библиографические сведения о знаменитостях Востока, освещает историю отдельных тюркских исламских государств.

Свою лепту в научное востоковедение с тюркологическими вариациями внес известный деятель джадидизма и религиозного реформизма Хасан Габитакаши. Автор книги «Тюркские роды», «Краткая история тюрков», «Подробные истории тюрков». Предметом исследования ученого является история тюркских народов с древнейших времен, а основной целью изучения - особенности их этногенеза. В общее русло востоковедения органически вписывались труды Гайнуddина Ахмарова, который, будучи членом Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете, вел плодотворные исследования по истории татарского народа Волжско-Камского края; разрабатывал проблемы этнографического, лингвистического, культурологического плана, касающиеся ряда тюркских народов данного региона. Причем целый ряд его интересных работ был опубликован в «Известиях» вышеуказанного общества на русском языке. Наиболее известными сочинениями Гайнуddина Ахмарова являются «История булгар» и «История Казани». Примерно в том же востоковедческо-тюркологическом ключе, трудился другой член вышеупомянутого общества археологии, истории и этнографии Хадди Атласи, известный своими исследованиями по истории Сибири, Казанского ханства и отдельных их правителей. Его труды «История Сибири», «Казанское ханство», изданные в 1911-14 гг. оставили заметный след в татарской дореволюционной историографии.

Я мог бы говорить здесь о деятельности в востоковедческом направлении таких выдающихся историков, как Мурад

Рамзи аль-Мекки, Ахмед Заки Велиди, известного под именем Тоган и т.д.

Явные востоковедческие мотивы можно обнаружить в трудах еще целой плеяды национальных общественных деятелей, теологов, педагогов, журналистов и т.д., которые не только создавали устойчивый фонд для исследовательской деятельности ученых типа Марджани, Фахруддина и др., но и в известной степени, сами закладывали и укрепляли фундамент татарской востоковедческой тюркологической науки.

Условность и достоверность в режиссерском искусстве татарского театра

Искусствоведение, являясь оригинальной художественно-образной формой познания окружающей действительности, долгое время продолжало оставаться вне пределов официального востоковедения. В перечнях направления традиционного востоковедения, искусствоведческие науки не значились, в программы конференций и съездов востоковедов выступления искусствоведов не включались. Между тем, искусствознание, будучи сильнейшим средством воспитания индивида, его эмоционального и интеллектуального развития, и, наконец, национального менталитета оказалось нужным обществу. Именно поэтому сегодня искусствоведение активно внедряется в число наиболее приоритетных направлений отечественной науки, приобретает все больший вес в быстро меняющемся социокультурном пространстве страны.

Искусство татарского народа имеет многовековую историю. Национальное же искусствоведение обрело гражданственность в XX в. Существенным фактором в развитии татарского искусства, оно стало в 1970-х – 80-х годах, когда на базе ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова в 1968 г. был организован сектор искусства. Это единственное тогда в системе АН научное подразделение, изучавшее художественное творчество определенного народа, развернуло свою деятельность по исследованию таких видов национального искусства как театр, музыка и изобразительное декоративно-прикладное искусство. По этим

трем направлениям отдел искусствоведения работает и по сей день.

Научные исследования Отдела ведутся в рамках общей для всех направлений темы «Проблемы преемственности и развития художественной культуры татарского народа». Необходимо отметить, что данная проблема является абсолютно новой в мировом искусствоведении. Ее перспективность и актуальность неоспоримы, ибо неоспорима роль искусства в духовном освоении мира через художественные образы воспроизведения действительности.

Вышеназванная центральная тема Отдела подразделяется на три основных направления: «Энциклопедия татарского театра», «Татарская музыка в контексте общетюркской традиции», «Теория и художественная практика татарского декоративно-прикладного искусства». В научных исследованиях теория и художественная практика татарского декоративно-прикладного искусства впервые в мире освещается как становление и развитие, формобывование одной из малоисследованных областей Евразии – татарского искусства. Взятые проблемы рассматриваются в широком контексте развития культуры всего региона Нижнего и Среднего Поволжья. Привлекаются к работе материалы археологических раскопок, а также новые письменные источники. Исследовательское направление «Татарская музыка в контексте общетюркской традиции», ведется в едином русле поисков отечественной этномузыкологии. Больше нигде в мире проблема истории и теории татарской музыки не изучается в широком контексте с традициями всей национальной художественной культуры и в контексте общетюркской традиции. Актуальность проводимых по научному направлению «Энциклопедия татарского театра» исследований определяется тем, что попытки создания подобной работы предпринимаются впервые. До сих пор собиранием и систематизацией архивных иконографических материалов, а также материалов периодической печати - центральной и республиканской, по татарскому театру с целью создания его энцикло-

педии, не занимался никто. Поэтому в истории мировой культуры данной работе нет аналогов.

Тема этого доклада «Условность и достоверность в режиссуре татарского театра» ведется как бы параллельно основной теме театроведов. Естественно, в рамках короткого доклада, невозможно охватить все аспекты огромной, многогранной проблемы. Здесь делается попытка наметить ее самые общие параметры в основных этапах развития национального сценического искусства.

Прежде всего, отметим один из основных, исходных тезисов доклада. Дореволюционный татарский театр развивался в основном, как театр реалистический, как искусство прямых жизненных соответствий. С самого начала он базировался на реалистической драматургии, отражающей жизнь в форме самой жизни. Символическая драма Леонида Андреева, Метерлинка, Гауптмана, Ибсена, Блока и др., к тому времени завоевавшая мировые сцены, деятелям зарождавшегося национального театра была еще недоступна. Единственная тогда в татарской драматургии пьеса «Две мысли» Кулахметова, написанная с использованием отдельных приемов условно метафорического театра, в силу запретов царской цензуры, не дошла до театра. Таким образом, национальная драматургия не могла питать сцену идеями условного театра. А молодая тогда режиссура пока не была готова решать подобные проблемы самостоятельно. В таких условиях, выбранный отцом татарского театра Абдуллой Каримовым путь развития по модели реалистического сценического искусства был вполне логичным и вполне закономерным.

В период эволюционного слома старого общества язык выразительности театрального искусства претерпел существенные изменения. Однако в татарском театре не происходило резких смен режиссерских форм.

Сразу же после октябрьской революции началась усиленная идеологизация театрального искусства. Правящая партия и новая власть потребовали от деятелей национальной

культуры идеологической активности, революционной тенденциозности. Татарские режиссеры, за редким исключением, без колебаний принявшие революцию, немедленно приступили к осуществлению этих задач. Их вера в возможность построения в стране самого гуманного общества была настолько велика, что они трудились, не жалея ни сил, ни времени. В целом, внешняя форма большинства постановок того времени, по-прежнему оставалась в традициях театра прямых жизненных соответствий. Однако имелись отдельные спектакли и актерские работы, не вмещавшиеся в стилистические рамки реалистического искусства. Это спектакли-митинги трудфронтowych бригад, ставившие в основу своей деятельности агитационные задачи, а также такие спектакли как «Зулейха» Газиза Исхаки, «Две мысли» Гафура Ахметова, «Гимн труду» Андрея Андреевича и др. В ткань реалистического спектакля вошли условно аллегорические образы, приемы условного театра, наплывы. И что интересно, они не оказались чужеродными в реалистическом спектакле, созданном по закону жизненного правдоподобия. Так естественно и закономерно происходило расширение рамок реалистического искусства, его обогащение и обновление.

В начале 20-х годов, на страницах татарской печати в республике начались дискуссии, рассматривались пути развития национального сценического искусства, отношение к старому реалистическому театру. Сторонники левого искусства пропагандировали тип условного театра, целиком и полностью отрицали театр прямых жизненных соответствий, отказывали ему в умении понять и отразить современность, служить интересам трудового народа. Их деятельность не пропала бесследно. Эти люди доказывали возможность иных путей развития для татарского искусства и теоретически подготовили почву для творчества поисков режиссеров-новаторов Гумера Дилешева, Резы Шуматова и Сулеймана Сульвей-Валеева. Вклады этих режиссеров в развитие национального режиссерского искусства весьма значительны. Они уже в конце 20-х годов дока-

зали возможность сближения и синтеза принципов условного и реалистического театров, стилевых течений, считавшихся тогда антагонистическими, отвергающими друг друга. Идея синтеза, впервые исследованная Марковым в 1924 г., в труде «Новейшие театральные течения», в силу определенных причин, не получила существенного развития в татарском театре 30-х годов. Но она оказалась весьма плодотворной в национальном сценическом искусстве во второй половине XX в.

В заключение необходимо отметить, что татарская режиссура прошла огромный путь развития. Он не был гладким. В определенный период развития национально-постановочное искусство последовательно шло по пути реалистического искусства, иногда обращаясь и к принципам театра условного. Подобное колебания маятника от условности к достоверности, являются неизменными источниками развития и движущей силой роста татарского сценического искусства. В процессе исторического развития татарской режиссуры, принципы театров условного и достоверного проявили тенденцию к взаимному сближению и взаимному обогащению. Идея синтеза в режиссуре татарского театра в конце 20-х годов, проявила себя в целостных, гармоничных спектаклях. Она достаточно четко и убедительно доказала свою жизнеспособность. Однако специфические условия развития искусства 30-х годов не способствовали еще большему проявлению зарождавшейся тенденции.

Татарская режиссура возвратилась к идее синтеза лишь во второй половине XX столетия, когда подул свежий ветер, изменились политическая, экономическая, социальная ситуация в стране и обновление художественного творчества стало необратимым. С того времени позиции сторонников условного или достоверного театров перестают быть линией борьбы. В дальнейшем развитии татарской режиссуры стала преобладать идея синтеза театра условно метафорического и театра прямых жизненных соответствий.

Проблемы современной татарской лингвистики

Принятие закона о языках народов республики Татарстан и государственной программы по сохранению, изучению и развитию языков народов республики Татарстан поставило перед учеными-языковедами большие задачи как по исследованию теоретических проблем, так и по решению практических вопросов. Следует отметить, что татарское языкознание в области теоретического изучения языка еще до революции имело значительные успехи. Достаточно вспомнить грамматики Гиганова, Хальфина, Иванова, Казем-бека, Насири, Фаизханова, Ибрагимова, Максуди и др. После 20-х годов XX в. также появляются оригинальные труды по татарской грамматике. Это грамматики Джамала Валиди и Гида Алпарова. В 60-е гг. в области татарской грамматике успешно работает Халвиндин. Его грамматика татарского языка не потеряла своей ценности до сегодняшнего дня. Во второй половине XX в. Д. Тумашева опубликовала вузовский учебник по морфологии, а труды М.З. Закиева по синтаксису внесли значительный вклад не только в изучение татарского языкознания, но и в общую тюркологию.

Венцом этой работы за последнее время является подготовка и издание академической грамматики татарского языка. Это одна из лучших тюркологических работ, где многие фундаментальные проблемы рассмотрены по-новому, на основе новых теоретических воззрений. Морфимика, морфонология, фонология, словообразование - представлены как самостоя-

тельные разделы. Из звукоподражательных слов исключены образоподражательные слова. Все они даны в едином разделе, как одна часть речи, под названием - подражательные слова. Для обозначения оригинальных конструкций, ранее называемых синтетическими предложениями, в синтаксис введено новое понятие - полупредикативное предложение, которое более точно и конкретно отражает сущность указанных конструкций. В изучение словообразований также введено много новых положений. Вместо трех способов, предлагавшихся ранее, приведено восемь вариантов словообразования. Употреблено понятие конверсии, запутанный вопрос об образовании сложных слов практически решен на основе исследования большого фактического материала. Как показало исследование, в образовании сложных слов татарского языка участвует не один, как раньше трактовалось в грамматиках, а три способа.

Тем не менее, в теоретическом осмыслении татарской грамматики остаются нерешенные и спорные вопросы. Так, в грамматиках неадекватно отражается система падежей татарского языка. Явные падежные формы оставляются за рамкой категории падежа. Винительный падеж, слово «хат», предложение «мин хат уки», «я читаю письмо». Слово «письмо» рассматривается как винительный падеж – «башкиниш». Не найдено грамматически сущностное место так называемых перефразических, описательных форм татарского языка. Некоторые части речи также требуют более углубленного и системного описания.

Татарская лексикография также имеет более глубокие корни. Уже в конце XVIII - начале XIX века были составлены переводные словари Рычковым, Абдуррахмановым, Бикчуринным; группой ученых под руководством Дамаскина. Самым большим русско-татарским словарем XVIII в. был словарь Хальфина, где было собрано 20 тысяч слов. С начала XIX в. появляются печатные переводные словари - Гиганова, Троянского. Во второй половине XIX в. - начале XX в. издаются переводные словари Насыри, Воскресенского, Рахманкулова.

После революции самым популярным был одготомный русско-татарский словарь 1938 г.; в 1955-59 годах коллективом ученых ИЯЛИ был выпущен четырехтомный русско-татарский словарь; в 1978-81 гг. был издан трехтомный толковый словарь татарского языка, составленный на базе трехмиллионной картотечной базы. Он стал одним из лучших словарей тюркских языков. Большой одготомный русско-татарский словарь выдержал уже четыре издания, для разных уровней школы издано несколько типов словарей. Увидели свет словари синонимов, антонимов, омонимов. Издано значительное количество терминологических словарей. В печати находится двухтомный татарско-русский словарь. В последний период, в соответствии с законом Республики Татарстан о языках народов РТ и государственной программой Республики Татарстан под научно-методическим руководством отдела были составлены и изданы свыше 20 русско-татарских лексических минимумов для работников различных отраслей хозяйства и культуры. Однако изучение татарского языка в учреждениях и организациях практически приостановлено. В настоящее время продолжается работа над несколькими словарями: одготомным толковым словарем татарского языка, одготомным татарско-русским словарем, школьным толковым словарем; русско-татарским словарем новых слов и значений.

При составлении словарей возникают двоякого рода трудности. Во-первых, теоретические трудности. В тюркологии до конца не выяснены многие вопросы лексики тюркских языков. Многие исследователи, вслед за синтетическими языками за лексическую единицу принимают только однословную единицу. Поскольку тюркские языки являются агглютинативными аналитическими языками, почти половину их лексического богатства составляют так называемые аналитические слова, т.е. сложные и составные слова, так же как, например, в японском языке и языке хинди. Но в татарском языке количество только составных глаголов доходит до 100 тысяч. В настоящее время мы стали включать их в словари. Как известно,

в тюркских языках одно слово может выполнять функцию нескольких частей речи. Это конверсия. Во многих случаях в тюркских словарях это явление не учитывалось. Безусловно, для их подачи должна быть разработана система, и эти функции должны быть отражены в словарях.

Во-вторых, имеются также трудности практического, организационного порядка. Так, двухтомный татарско-русский словарь два года находится в татарском книжном издательстве почти без движения. Кабинет Министров не выделил ни одной копейки отделу лексикографии для издания хотя бы маленького словаря, например, словаря для начальных школ. Как видно, лексикографическая работа практически не находит адекватного отношения со стороны кабинета министров в русле выполнения закона о языках Республики Татарстан и государственной программы по сохранению, изучению и развитию языков Республики Татарстан. Безусловно, если мы хотим сохранить свой язык, – а это основа сохранения нации, – развить его, то отношение со стороны руководства республики к лексикографии, лингвистике в корне должно измениться.

Перед лексикографами республики стоят большие задачи: составление терминологических словарей, обеспечение школ словарями и справочниками, составление капитального четырехтомного толкового словаря татарского языка, древнетатарского словаря, татарско-русско-английского словаря и т.д. Лексикографическая работа среди гуманитарных наук должна стать приоритетным направлением.

Татарская диалектологическая наука также имеет определенные успехи. Составлен и издан диалектологический атлас татарского языка; вышел в свет большой диалектологический словарь; издан ряд монографий по отдельным говорам. Крупными монографиями по диалектологии являются труды, посвященные говорам пермских татар, личным и неличным формам диалектных глаголов. В настоящее время составляется новый большой диалектологический словарь. Хотелось бы иметь специальные монографии по именным частям речи диа-

лектов: по именам прилагательным, местоимениям, как это есть по личным и неличным формам глагола. Безусловно, пора думать и о создании коллектива диалектологов.

История языка, в связи с историей татарского народа, крупным планом исследована в монографии по этногенезу тюрко-татар. Эта актуальная проблема постоянно должна быть в центре внимания. История татарского литературного языка исследована неплохо. Так, ученые Казанского университета опубликовали ряд значительных трудов по этой проблеме. В ИЯЛИ, в нашем институте, также вышло ряд монографий. В настоящее время в содружестве с учеными вузов республики подготовлен большой труд по истории татарского литературного языка. Представляется, что дело этим не ограничится, ученые-историки языка возьмутся за глубокое изучение отдельных периодов развития литературного языка. До последнего времени слабым местом татарской лингвистики остается исследование лексикологических проблем татарского языка.

Несмотря на то, что опубликован ряд монографий по лексике, по терминам родства, названиям растений, животных - в целом, лексика во всем объеме и системно еще не исследована. В настоящее время, с привлечением ученых из вузов, эта проблема стала разрабатываться. Думается, это исследование актуальной темой вольется в капитальный труд и скоро увидит свет.

В Татарстане сложился очень сильный коллектив по изучению ономастики. Опубликовано несколько солидных трудов по антропонимике, гидронимике и т.д. Этому коллективу по плечу плодотворное исследование истории татар в связи с их языком с глубокими выводами. Возрождение латинской графики перед учеными-лингвистами ставит большие задачи: создание учебников на новой графике, создание новых орфографических словарей, практических пособий. Представляется, что это по плечу языковедам республики.

Ряд ученых республики, в том числе ИЯЛИ, работают над проблемой взаимоотношений, взаимовлияния русского и

татарского языков. Ими уже опубликован ряд интересных работ. Закон о языках народов республики Татарстан, и государственная программа по сохранению, изучению и развитию языков народов Татарстана, требуют более углубленных и широких исследований этой проблемы. Главное во всех республиканских программах - исследование татарского языка и разработка его практических вопросов должны стать актуальными проблемами и в республике для этого должны быть созданы все условия.

Спасибо за внимание.

Феномен Мухлисы Буби

В этом году исполнилось 130 лет со дня рождения известной просветительницы, педагога, знатока мусульманского права, богослова Мухлисы Буби, которая с 1917 по 1937 гг. была членом Центрального духовного управления мусульман России и в 68 лет стала жертвой тоталитарного режима. Итак, перед нами исключительное явление, феномен – первая, и, насколько мне известно, единственная, женщина в руководстве духовными делами мусульман России. Женщина – казья, судья по шариатским делам.

Как могло случиться, что в татарском обществе, где ислам сохранял значение важнейшего элемента мировоззрения, и в большей мере определял не только морально-этические представления, но и общественно-политическое сознание значительной части населения, женщина стала членом духовного управления? Произошло это, как я уже сказала, в 1917 г. в мае, в Москве, на Первом всероссийском мусульманском съезде. Когда впервые в истории России сами мусульмане избирали муфтия и членов Центрального духовного управления мусульман. Напомню, что Духовное управление мусульман России было создано по указу Екатерины II, и члены его назначались царским правительством. С момента появления Духовного собрания легализовалась деятельность СМУ, начались строиться мечети, открываться мектебы и медресе. И с рубежа XVIII-XIX вв. именно ислам начинает выступать в качестве идейного знамени национального возрождения и прогресса. Период кон-

сервации традиционного уклада жизни, постепенно уступает место переосмыслению духовных ценностей с точки зрения неизбежности прогрессивных преобразований в жизни мусульман. В этих условиях, в центре внимания татарских мыслителей, оказывается прогрессивный потенциал ислама, как духовного стимулятора социального, культурного, научного развития мусульманского общества. В конце XIX - начале XX вв. теоретическое религиозное реформаторство находит свое воплощение в идеологии и практике джадидизма. Учение ислама в рационалистическом и гуманистическом толковании богословов-джадидов выступает духовной опорой социально упорядоченного, просвещенного, справедливого, нравственного общества. И осмысленные с позиций задач общественного прогресса равенства и свободы становятся основой национального движения татар. Идея национального самоопределения после свержения царизма выдвинулась на передний план и обсуждалось на многочисленных мусульманских съездах. В том числе немаловажную роль играли и вопросы управления духовными делами мусульман, которые ставились джадидистами еще в эпоху первой русской революции, но нашли свое решение только после падения царского режима. На Первом мусульманском съезде были избраны муфтий и шесть членов духовного управления мусульман, среди которых была и Мухлиса Буби. Это говорит о том, что к тому времени татарско-мусульманское общество было уже подготовлено к принятию мысли о том, что прогресс нации возможен лишь при активном участии женщин во всех ее делах. Кстати, об этом говорит и то, что на этом съезде, после бурного обсуждения было принято решение о равноправии женщин. Напомню известное выражение Шарля Фурье: "В каждом данном обществе степень свободы женщины, есть естественное мерило общей свободы".

Таким образом, феномен Мухлисы Буби с одной стороны можно объяснить изменениями происшедшими в общественной жизни татар к 1917 году и небывалой свободой мысли, свободой воли в России после свержения царизма. С другой

стороны, это исключительное явление можно объяснить неординарной личностью самой Мухлисы Буби, течении 20 лет неоднократно избиравшейся на свой нелегкий пост. Мухлиса Буби, представительница, широко известная своим подвижничеством, член завоевавшей огромный авторитет своей просветительской деятельностью семьи Негматулиных-Буби, превративших в 1895-1911 гг. небольшую деревню Ишбуби в глухом уголке Вятского края в настоящий очаг просвещения. Именно на рубеже веков реформаторы и, прежде всего, семейство Буби приходят к мысли о необходимости обучения, воспитания девочек; обучение женщин, предоставление им широких возможностей для повышения образованности и культуры, по их мнению, является одним из необходимых условий преодоления отсталости, обеспечение прогресса наций. Как писал Габдулла Буби: "Нацию, женская половина которой остается невежественной, можно сравнить с наполовину парализованным человеком. К тому же женщина - первый и главный воспитатель детей и лишь получившая хорошее образование женщина, сумеет успешно выполнить эту задачу". Создание образовательно-просветительского комплекса для воспитания будущего нации и сделала целью своей жизни семья Негматулиных-Буби. Хотя душой и вдохновителем был самый младший из них - Габдулла Буби, вряд ли можно сказать, что кто-то из них вложил меньше в это дело. В ходе становления этого комплекса формировались и развивались взгляды и представления самих членов семьи. Следовательно, феномен Мухлисы Буби - это составная часть феномена семейства Буби, подвижнически отдавшего все силы на алтарь знания и просвещения.

Спасибо за внимание.

Некоторые проблемы литературы мусульманской диаспоры в Европе*

То, что второй день конгресса востоковедов проходит как научная конференция, посвященная 60-летию Казанского Института языка, литературы и искусства, на мой взгляд, знаменательно. И я присоединяюсь к поздравлениям моих московских коллег этому Институту.

Если говорить об изучении литературы и зарубежного, и нашего Востока, Российского, в недрах нашего Института, то я очень горжусь тем, что в таком крупнейшем Центре востоковедения, как, ИВ РАН уделяется огромное внимание и придается большое значение исследованию литературного процесса от древности до наших дней. (У нас есть специальный Отдел литератур чуть-чуть поменьше, чем ваш Институт, юбилею которого мы сегодня посвящаем эту научную сессию). У нас имеется большое количество филологов – лингвистов, литературоведов. Совместно с Отделом культурологии мы ведем комплексные, системные исследования в области взаимодействия языка, литературы и общих процессов развития культуры, религиоведения и т.д., в контексте изучения проблем Востока в целом.

Одним из направлений ориентального литературоведения является изучение новейших литератур. Современный ли-

* Подробно об этой литературе см. в моей работе: С. Прожогина Между Мистралем и Сирокко. - М., 1998.

тературный процесс интересен тем, что он выводит на современную мировую культурную арену абсолютно новые явления, связанные с появлением новых национальных литератур, которые возникли в странах Востока и Африки после распада колониальных империй.

Когда Институт востоковедения взял на себя смелость заниматься такими новыми образованиями, как англоязычные литературы Индии или франкоязычные литературы Африки, укрепились и наши связи с Институтом мировой литературы, с Институтом языкознания, которые дополняют нас в плане изучения литератур на национальных языках, развивающихся в Африке. В Институте Африки РАН систематически проводятся конференции, где вопросы литературы, возникшей в бывших колониях Англии и Франции – объект пристального внимания ученых. Почему это интересно? Потому что литература, созданная еще в рамках присутствия бывших колоний на языке метрополий, обладает чертами очевидной связи восточных и западных культур и является реальным мостом, на котором осуществляется диалог цивилизаций. В объем понятия «культурное наследие», мы включаем сегодня не только наследие, оставленное прошлым тех народов, которые были в середине, или конце XIX в. колонизованы, но и те культурные накопления, которые оказались в цивилизационной «инфраструктуре» колонизованных стран благодаря Западу. Литературы же мусульманского региона, а я имею в виду, прежде всего, Северную Африку, Магриб, где ислам – основная конфессия, и где существует «зональный» тип развития культуры, близкий трем странам – Алжиру, Марокко и Тунису, где французское присутствие длилось особенно долго – в этом плане особенно интересны. Если принять во внимание, что Алжир – 130 лет, Марокко – 50, Тунис – 60 лет испытывали влияние Франции, давление такого огромного пласта европейской культуры как культура французская, то необходимость изучения этого «следа» совершенно закономерна. Новые литературы как система общих национальных литератур Магриба развивается сегодня

на двух языках - на арабском и на французском. Мусульманская же диаспора в Европе, вызванная также процессами распада колониальной системы и особенно усилившимися процессами миграции в 50-60 гг. XX века – североафриканцев в Европу, уже только на языке французском создает свою литературу. Поэтому сейчас можно говорить о реальном присутствии именно Востока на Западе в лице тех мусульманских иммигрантов, которые осели и которые живут и работают в Европе и которые создают свою специфическую культуру, хотя и на языке бывшей метрополии, но которая во многом «национально» окрашена, обладает большой восточной доминантой и очевидными признаками особого самосознания, которое порождено пространством «чужого» окружения.

Процесс возникновения субкультуры арабских иммигрантов в культурном процессе современной Франции не только интенсивен, но и чрезвычайно характерен, и типологически сходен для многих мусульманских народов, которые живут в контексте «чужой» культуры. (Например, для турок в Германии, азербайджанцев в России). Вообще, взаимодействие ино-го – «чужого» и «своего» в нынешнем мире настолько показательно и очевидно (если даже это проявляется порой в процессах активного политического противостояния в крайностях мусульманского интегризма и т.п.), что сегодня уже невозможно не считаться с огромным количеством мусульман, которое живет и по-своему воздействует на культуру Запада и создает свои собственные культурные ценности, отмеченные его влиянием. Западные экономисты, демографы, социологи озабочены тем, что через несколько десятилетий на Западе будет преобладать «восточная доминанта». Но может быть, это станет неким новым «евразийством», или «евроафриканством» как неким новым цивилизационным синтезом, который

уже сегодня начинает пульсировать в произведениях литературы, созданной представителями исламского мира на Западе?*

Поколение магрибинской диаспоры, осевшее в Европе в 50-60-х гг., что было вызвано причинами политическими (Алжирской войной особенно) и экономическими (постколониальной разрухой), побуждавшими миграционные процессы, еще так или иначе, но надеялось вернуться на «историческую родину». А второе поколение, которое уже родилось в недрах европейской цивилизации, европейского мира, об этом «возвращении» и не помышляет; но именно оно, это поколение и дает плоды трудного, даже трагически окрашенного «синтеза», потому что люди, родившись на Западе, но продолжая осознавать и осуществлять свою принадлежность к исламскому миру, исходя из семей, исповедующих ислам, сохраняющих, даже в недрах европейской цивилизации, характерные особенности своих обычаев, ритуалов, традиций, отстаивают своё право на «разность», право на сохранение восточных «корней». Несмотря на то, что по закону Франции они - граждане этой страны (с 79 г. существует такой Закон о признании французскими гражданами детей эмигрантов, родившихся во Франции), им приходится жить в контексте иногда довольно резких - шовинистических, и даже фашиствующих настроений со стороны французов. В Европе вообще подобные настроения очень сильны и активно проявляются в неприятии тех восточных «элементов» своего социума, которые становятся уже реальной составляющей населения западного мира. Это - рабочие руки Запада, это люди, которые создают всю его современную инфраструктуру. Это - очевидно, но с этим не согласны те, кто упорно продолжает не считать мусульман - магрибинцев полноценными гражданами. Это отношение к ним тянется еще со времен колониализма. Так или иначе, но бытовой расизм, «обыкновенный фашизм» присутствует до сих пор в явлениях

* Корпус этой литературы на сегодня уже насчитывает несколько сотен произведений, многие из которых отмечены престижными премиями.

западного и политического, и культурного пространства. И это тяжело и болезненно воспринимается людьми, этнически и конфессионально принадлежащими исламскому миру, но рожденными в недрах европейской культуры. Вот отчего – трагизм мироощущения, ярко демонстрируемый литературой диаспоры. Вот отчего в ней черты «потерянного поколения», порой ощущающего свою «ничейность». Как когда-то, в эпоху колониализма, когда их предки были в растерянности оттого, что должны были считать себя потомками «галлов», как это было написано в учебниках истории и для жителей мусульманских стран, где было присутствие французского колониального порядка, и где каждый мусульманский ребенок должен был знать, что вся история исламских народов – это некое хаотическое скопление войн, бессмысленных захватов и завоеваний, и что только колониализм превратил все это в цивилизованное пространство и «успокоил» эти вечно бушевавшие народы, так и сегодня этнические магрибинцы находятся в состоянии растерянности, уже родившись на Западе. В истоки их самосознания – кризисное восприятие себя, своей принадлежности и Востоку, и Западу, острота самоидентификационных процессов, решающих болезненный вопрос – «кто мы»? И когда они называют себя детьми «поколения разрыва», поколения которое уже и не Восток, и еще не Запад, – как это фиксирует литература «бёров»*, – то в этом драматическом ощущении «ничейности», может быть, на мой взгляд, и заключается боль рождения Нового мира. Это поколение родилось на том рубеже, когда оно уже – и то, и другое сразу, а потому в нем скорее именно стык цивилизаций, это то порубежье, на котором с болью воз-

* Именно так называют второе поколение магрибинских иммигрантов: эвфемизмом на верлане слова «араб», которое с некоторых пор стало звучать во Франции как оскорбление. Здесь отметим такие писательские имена как: З.Буккорт, Н.Кеттан, А.Калуаз, А.Бегаг, Т.Имаш, Змаин, Джюра, Н. Бурауи, Ф. Бельгуль, С. Нини, Мунси, М. Шарер, М.Раис, Т. Кессас, Лебкири, К.Земури, чьи книги стали основной литературы, сформировавшейся в иммигрантской среде.

никает некий «шрам памяти» культуры «предков» и боль той раны, которая с трудом, но постепенно затягивается, боль от ощущения себя в пространстве в начале «чужой», а теперь новой, а значит и общемировой цивилизации.

И мне кажется, что то направление, которое мы сейчас взяли как цель изучения новых, синтетических или метисных явлений, возникающих как мост между цивилизациями, как диалог, как рождение нового, восточно-западного пространства в литературе и культуре, - весьма плодотворно. Тем более, что литературные проявления этого уже метисного мира очень сильны. В них – не только через французский язык проникновение западной культуры, но и опоры на свою большую, восточную традицию, идущую из глубин средневековья, знание своего древнего наследия, которым гордятся все цивилизации, и которое внесло в свое время большой вклад в развитие самой европейской культуры. (Я имею в виду присутствие мусульман в контексте Запада, в Испании – так называемую андалузскую цивилизацию, которая дала в свое время образцы великолепного синтеза европейского и североафриканского, христианского и мусульманского, восточного и западного элементов в целом.) Так может быть, почти через пять столетий мы слышим отклик исторического эха, которое сегодня связано с новым присутствием исламского мира на Западе?

Благодарю за внимание.

Основные задачи современной лингвистики

Прежде всего, я хотел бы поздравить Институт языка, литературы и искусства АН Татарстана с 60-летием, пожелать коллективу, директору и всем, кто связан с этим Институтом, успехов, здоровья, благополучия и новых творческих достижений.

Я хотел бы сказать об Институте языкознания, в котором я работаю. Наш Институт не фигурирует в числе востоковедных учреждений, а между прочим, почти половина сотрудников нашего института занята проблемами изучения восточных языков, т.е. востоковедения. У нас развиты тюркология, иранистика, монголистика, финоугроведение, кавказоведение. В последние годы развивается изучение языков народов Восточной и Юго-Восточной Азии - вьетнамского языка, китайского языка, камбоджийского языка и т.д. Составляются большие словари - вьетнамско-русский словарь (совместная работа), монголо-русский словарь (совместная работа). Так что мы себя считаем востоковедным центром. Более того, когда я пришел работать в этот Институт, один ныне покойный ученый обратился с жалобой к Федосееву, с утверждением, что Солнцев пытается сделать из Института языкознания филиал Института востоковедения. Я этого не пытался делать. Единственная моя цель была расширить как можно больше фактическую базу научных исследований в области языкознания.

XX в. принес многое в науку. У нас был ряд крупных направлений, и, начиная с первых десятилетий до 60-х годов, в

теории мирового языкознания, в т.ч. и в нашей стране, господствовал структурализм. Основы этого направления были заложены здесь, в Казани, лингвистической школой во главе с Бодуэном де Куртэнэ, куда входили такие выдающиеся ученые, как Богородицкий, Крушинский. К этой же школе примыкал великий наш ученый Радлов. Эта школа послужила источником многих идей XX в., которые использовались потом в научных разработках, научных направлениях. И не только в Казани, но и в других местах.

Я хочу кратко назвать хотя бы некоторые проблемы, которые стоят перед языкознанием.

В языкознании есть ряд направлений, одно из них - социалингвистика. Это направление, зародившееся в России в 20-30-е годы, в связи с так называемым языковым строительством, когда создавались письменности для бесписьменных народов. Было создано около 50 письменностей. Создавалась культура, литература, газеты и журналы и т.д. Потом, к сожалению, эта работа угасла, было много провалов и искажений. Но, по сути, этот период был очень важен, это и была основа базы для создания лингвистики. Сейчас значение социальной лингвистики опять возрастает. Здесь языкознание, прежде всего, соприкасается с общественными науками, с общественной жизнью, непосредственно с теми процессами, которые проходят в жизни любого народа. Почему это так важно сейчас? У нас, несмотря на то, что в 20-30 гг. много было сделано для подъема культуры народов нашей страны, тем не менее, на сегодня, в некоторых наших районах и регионах, положение угрожающее, иногда, может, даже и критическое. Поэтому возрождение национальных языков, подъем их, развитие их, обогащение терминологии, а без этого невозможно пользоваться языками, например, для высшего образования, для современной науки - это одна из важнейших задач языкознания. Поэтому я думаю, что социалингвистика сейчас приобретает очень большое значение. Большое значение имеют такие отрасли языкознания, как психолингвистика - это связь языка с

психической деятельностью человека, этнолингвистика - связь языка с жизнью этноса, так называемая когнитивная лингвистика - изучающая роль языка в познании мира. Все эти направления сейчас приобретают важное значение. Причем сохраняются многие проблемы, поставленные еще в XIX в. Например, проблема сохранения языка. Она не была решена в течение длительного периода образования лингвистики, она не решена и сейчас. Мы до сих пор не знаем толком, как произошел язык. Я, шутя, на лекциях говорю, что язык произошел путем обмана, надувательства. Дело в том, что язык может быть только тогда, когда появляется абстрактное мышление, абстрактное понятие. Существуют стадные животные. Когда стадо ложится на отдых, они выставляют часовых, которые при опасности подают сигнал. Стадо снимается и уходит. Животное может ошибиться, принять ложную тревогу за настоящую и подать сигнал тревоги. Но животное не может обмануть. А вот когда наш древний предок решил подшутить над своими товарищами, и без основания подал сигнал тревоги - это было начало языка, это был языковой факт.

Начало языка, конечно, надо искать очень далеко, порядка миллиона лет, хотя считается, что язык связан только с *homo sapiens*, а *homo sapiens*, по современным представлениям, существует на земле около миллиона лет. Но находят следы орудий, которым более миллиона лет. Животные, как известно, не создают орудия труда. Хотя обезьяна может сложить вместе бамбуковые трости, чтобы достать бананы, но впрок, для ситуации, которая существует только в голове, она это сделать не может. Но и проблема происхождения языка, усложняется тем, что нет переходных форм между животным и человеком. Мы их не находим. Разговоры о снежном человеке и т.д. - все это только разговоры. Реальных фактов нет. И это остается в науке загадкой - как появился человек.

Теперь другая проблема - это то, что к языкознанию в науке отношение несерьезное. Язык - это то, что цементирует общество, это то, что сохраняет общество. Поэтому роль язы-

кознания в жизни общества очень велика. Человек обучается языку с детства путем подражания взрослым. Но от стихийного владения языком до грамотного владения языком - дистанция огромного размера. Для этого нужны грамматики словари, поэтому создания грамматики словарей остается по-прежнему важнейшей задачей. А чтобы создать такие словари, нужно кропотливое изучение всех деталей строения и устройства человеческих языков, которое, несмотря на бесконечное разнообразие последних, едино. Как говорил один известный ученый и философ XIX в.: «Язык – это оружие в битве жизни». И я думаю, что это оружие должно как-то описывать информацию, выявлять, доносить до людей и т.д.

Должен сказать, что одной из важнейших задач является привнесение нового материала. Здесь ресурсы гигантские. На земле, по некоторым оценкам, существует до 4 тыс. разных языков. Но изучается, практически, несколько сотен. Ведь введение каждого нового языка дает очень много нового. Кстати, изучение восточных языков дало большой толчок для развития целых новых направлений в языкознании, чего раньше не было. Поэтому вовлечение нового материала - это тоже важнейшая задача современной лингвистики. Но и, кроме того, конечно, как говорил великий лингвист Фердинанд де Соссюр, которого я ставлю обычно наряду с Бодуэном де Куртэнэ, «язык надо изучать в самом себе и для себя». В общем, языкознание должно выйти за пределы изучения языка в чистом виде. Надо связать его с культурой, жизнью народа, с этнографией народа. Вот это и дает полноценное представление о языке.

Современные проблемы татарской фольклористики

Развитие различных направлений гуманитарных наук, прежде всего, зависит от духовного состояния общества, от того, какие духовные ценности, и как оцениваются в рассматриваемый период. Фольклористика является своеобразной областью гуманитарных наук. Ибо во все периоды истории фольклор был своего рода барометром духовной жизни общества. Значит, и определение главных проблем фольклористики, так или иначе, связывается с духовным состоянием общества. С этой точки зрения, данная проблема приобретает особое значение в наши дни. Наша эпоха лежит на грани веков, тысячелетий, когда состояние общества становится особенно напряженным, а глобальных катаклизмов становится все больше и больше. Все это ярко проявляется в духовном состоянии общества. Например, в настоящее время идет чрезвычайно сложный и противоречивый, опасный для будущего общества, процесс всестороннего разрушения личности.

В этих сложных обстоятельствах, определенная часть общества, особенно представители старшего поколения, старается сохранить те духовные ценности, которые были выработаны обществом на протяжении веков и тысячелетий. Это можно проследить на примере такого специфического явления духовной культуры, как народно-поэтическое творчество. Ибо в различные периоды истории те или иные жанры и виды народного творчества либо соответствуют идеологии господ-

ствующих групп, либо противоречат им. Так, в продолжение почти семидесятилетия, только строго соответствующие господствующей идеологии жанры и произведения народного творчества пользовались поддержкой, собирались, публиковались и изучались. Основная часть народных сказок, например, более или менее нейтральных с идеологической точки зрения, народных песен, пословиц и поговорок, загадок собрано, классифицировано, научно обработано и опубликовано именно в советское время. В отличие от указанных, другая часть фольклорных жанров никогда не была идеологически нейтральной.

Это, например, байты. Основная их часть тоже собрана, опубликована и, так или иначе, изучена именно в наше время. Тем не менее, некоторые байты, особенно связанные с историей болгар и Казанского ханства, оставались вне внимания ученых. Что же касается такого своеобразного жанра татарской письменной литературы и народного творчества, как «мунажаты» - о них вообще как будто бы никто ничего не знал. О том, чтобы как-то их классифицировать, собирать и научно изучать – не могло быть и речи.

Есть и такая область национального фольклора, которая кажется совершенно нейтральной в идеологическом отношении. Это народные обряды и обрядовый фольклор, в которых наиболее хорошо сохраняются национальные особенности повседневного быта и весьма конкретного национального мышления. Именно поэтому обряды не заслуживали внимания ученых. В то же время народные обряды, обычаи и сопровождающие их поэтические произведения во все периоды истории связывались, так или иначе, с религиозными представлениями, будь то язычество или какая-либо мировая религия, в данном случае – ислам. Вот эта, наиболее ценная сущностная особенность обрядов и обычаев и учитывалась при отношении к ним. Главным образом, в негативном отношении.

Тем не менее, наиболее ощутимый удар был нанесен татарскому народному эпосу, образцы которого практически до начала 1960-х годов вообще не собирались, не публиковались

и не изучались, кроме известных и очень важных работ Наки Исанбета. Даже ученые стали побаиваться самого выражения «татарский эпос» после известного Постановления ЦК ВКПб от 9 августа 1944 г.

Если мы пришли к такому выводу о путях развития татарской советской фольклористики, надо, чтобы были указаны и конкретные пути выхода из создавшегося положения, в целом, однако, вовсе не безнадежного. С общественно-философской точки зрения человеческое общество, в любых его масштабах – будь то племя, национальность, народ, страна – представляет собой ограниченное целое, которое всегда старается сохранить себя как таковое. В настоящее время наблюдается тенденция противодействия разрушению одной из основ общества - личности. С каждым годом становится все больше верующих, по крайней мере, людей, которые тянутся к религии, будь то ислам или христианство. Более массовыми становятся религиозные обряды, праздники и т.д.; все больше молодежи тянется в лоно истинной веры. Это происходит под воздействием тех же процессов, связанных со стремлением сохранить народ как органическое целое. Идет процесс некоторого возрождения, в целом, поверхностного и внешнего, таких глубоко традиционных обрядов татарского народа как новруз и нардуган, происхождение, формирование и развитие которых связано с культурой древнего Востока.

В настоящее время многие традиционные жанры фольклора ушли в прошлое. Лишь такие жанры, как пословицы и поговорки, загадки, песни и анекдоты продолжают активную жизнь. В то же время, разве можно сказать, что такие образцы народного эпоса как Идегей, или глубоко традиционные обряды и обычаи как мунажаты, которые вообще считались утерянными и забытыми, не играют никакой роли в жизни современного общества? Это значит, что наиболее ценное в народном творчестве, создается на века и тысячелетия, и так и продолжает играть активную роль в духовной жизни народа.

Поскольку в настоящее время бытование фольклорных произведений непосредственно связано с профессиональной письменной культурой, то и задача ученых фольклористов заключается в том, чтобы как можно глубже вникнуть в суть древнего и вечно живого народного творчества. Говорить о том, что, организуя полевые исследования, сейчас можно собирать какие-то образцы фольклора, не приходится. Хотя было бы очень хорошо организовывать ежегодные фольклорные экспедиции и собирать то, что еще сохранилось в народе.

А если речь идет об изучении истории и теории татарского народного творчества, то в этом направлении наша фольклористика делает, по существу, первые шаги. Огромное количество письменных источников древности и средневековья, особенно древнего и средневекового Востока, пока что не исследовано как источник по изучению татарского фольклора, обрядов и обычаев народа, его верований, особенно такой фундаментальной области как мифология. Не менее, а, быть может, гораздо более важные сведения по древневосточному фольклору хранит в себе древняя и средневековая татарская литература, в отдельных образцах которой чрезвычайно богато представлены сюжеты, мотивы, сведения об образах [эпических] богатырей, образно-выразительные средства, полностью основанные на материалах фольклора.

С этой точки зрения весьма показателен такой пример. Наверняка все знают знаменитую книгу Куна «Мифы и легенды Древней Греции», выдержавшую много переизданий. Ведь там практически нет ни одного древнегреческого мифа записанного из уст их носителей, из уст представителей Древней Греции. Там все восстановлено, реконструировано на основе произведений классической древнегреческой литературы - знаменитых поэм Гомера, драматических произведений Эсхила, Софокла, Еврипида и многих других. Это значит, что классическая литература может быть одним из главных источников изучения древнего и средневекового фольклора, особенно мифологии народного эпоса и всей образной системы народного

творчества. При этом следует помнить, что очень большое значение для изучения, скажем, тюрко-татарской мифологии в сравнительно историческом плане, имеют такие фундаментальные источники древневосточной письменности, как священные книги зороастризма - Авеста, христианства – Библия, ислама – Коран. Обращение к этим древневосточным источникам не только существенно обогащает филологическое исследование новыми и весьма интересными конкретными данными, но и заметно повышает его общечеловеческое значение. Тем же целям служит обращение к весьма многочисленным памятникам древневосточной письменности. Имеются в виду произведения, особенно материалы по мифологии и литературе; литературе древних Шумера и Аккада, Древнего Египта, Вавилонии, Ассирии, Хеттского царства. Кроме того, для объективной реконструкции древнего и средневекового тюрко-татарского фольклора, особенно мифологии, могут быть весьма плодотворно использованы соответствующие и очень важные надежные монгольские источники - «Сокровенное сказание» 1240 г., «Мен да бейлу» («Полное описание монголо-татар»), «Золотые застёжки» Лобсана Данзана, также, как впрочем и тибетские сутры. И разумеется, раннесредневековые тюрко-татарские источники.

Не отвергая достижений европейского востоковедения, необходимо обратить самое пристальное внимание на Восток, особенно на выдающиеся достижения цивилизаций Древнего Востока. Такой подход к тюрко-татарскому фольклору и мифологии, значительно обогатит и углубит наше представление о них и поможет определить место тюрко-татарского фольклора и мифологии на карте тюркских цивилизаций мира, причем как в пространстве, так и во времени.

Востоковедческие основы татарского литературоведения

Татарская литература в течение нескольких веков развивалась как неразрывная часть литературы мусульманского востока. Продолжая художественно-целевые традиции древнетюркской письменности, она тесно взаимодействовала с высоко развитой арабской и персидской литературой, окрепла и обогатилась новыми сюжетами, сложной художественно-образной системой и философско-эстетическими концепциями. Будучи сравнительно рано включена в ареал мусульманской культуры, она зачастую играла авангардную роль в общетюркском мусульманском процессе.

Например, болгаро-татарский поэт начала XIII в. Кул-Гали, первым обратился к библейско-кораническому сюжету об Иосифе Прекрасном. В своей поэме «Кысса-и Юсуф» (1033 г.) он поднял вечную проблему поиска идеала красоты и благородства. Романтический сюжет поэмы впоследствии использовали многие тюркские поэты Средней и Малой Азии, где появились десятки его подражателей. Так же обстояло дело и с усвоением художественного опыта Низами и Саади. В XIV в. появился вольный перевод поэмы Низами «Хосров и Ширин», сделанный золотоордынским поэтом; известно вольное переложение поэмы Саади «Гулистан», сделанное Сейфом Саран. Позже в тюркской литературе появились новые переводы и назире. В последующие века татарская литература развивалась в русле литератур мусульманского Востока. У казанско-

го поэта XVI в. Мухаммедьяра можно обнаружить тесную связь с поэтами Лютфи и Навои, с персидским «Тути-наме». У Мавля Кули XVII в. - с Ахмедом Ясави. Такое же плодотворное взаимодействие наблюдалось в XVIII, XIX и начале XX веков. Талантливое переложение арабской «Тысяча и одной ночи» осуществляет на рубеже XIX – XX веков Фатых Халеди.

И, естественно, татарское литературоведение не могло не быть востоковедческим по существу. Первые создатели масштабной истории литературы Гали Рахим и Газиз Губайдуллин, рассматривали ее именно как одну из восточных литератур со своей художественно-поэтической системой, с генетической и типологической связью с философским течением суфизма. При этом они опирались на труды русских и западноевропейских ученых. Исследование классической татарской литературы, начиная с древнетюркского периода («Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни) и заканчивая началом XX в., осуществляется с учетом общих достижений отечественного востоковедения. Опыт востоковедческой науки для татарских востоковедов является надежным фундаментом во всех четырех аспектах их исследований - текстологическом, источниковедческом, философско-эстетическом и поэтологическом.

На современном этапе особенно плодотворным представляется следование традициям, выработанным текстологической школой российского востоковедения. К настоящему времени подготовлены или изданы крупные памятники средневековой литературы - «Кысса-и Юсуф» Кул Гали (Фасеев, Исламов), «Хосров и Ширин» Кутба (Хатыб Усманов и Хатыб Минигулов), «Гулистан бит-тюрки» Сейфа Сараи (Хатиб Минигулов, Нури Судур и Турфан), «....» «Тысяча и одна ночь» Фатыха Халеди (Алиса Алеева), «Тысяча и одно утро» Фатыха Халеги (Мухаммедшин), «Шахнаме» Шарифа (Рамил Исламов), «Памятники литературы XIX в.» (Гаймеддинов Ахмедзянов), произведения Утяза Имани (Анбар Шарипов)....

Надо сказать, что грамотное и качественное издание многих памятников стало возможным благодаря составитель-

скому и редакторскому участию крупного знатока рукописных текстов Миркасыма Усманова. Татарское источниковедение, своим зарождением и развитием также обязано отечественному востоковедению, в особенности его казанской школе: Хусайн Фаизханов, Ибрагим Халфин, Шихабуддин Марджани и Риза Фахруддинов трудились в тесном сотрудничестве с Березиным, Вельяминовым-Зерновым, Крачковским. Эта отрасль востоковедения жива и плодотворна, со временем она становится все более актуальной как в плане методики выявления новых источников собственно татарской литературы, так и в плане раскрытия древнейших истоков сюжетов, мотивов, персонажей и поэтических средств в арабо-персидских литературных источниках и традициях. В этой области татарское литературоведение накопило солидный опыт, о чем можно судить по монографическим исследованиям Абдурахмана Тагирджанова, Хатыба Усманова, Миркасыма Усманова, Нурмухаммеда Хисамова, Резеды Ганиевой, Камиля Давлетшина, Хатыба Миннигулова и т.д.

И, наконец, неизменно плодотворным и актуальным в востоковедческих основах татарского литературоведения остается поэтологический аспект. Классический период средневековой и новейшей татарской поэзии завершается творчеством Тукая. Тукай - это последний татарский поэт, который творил в рамках арабо-персидской поэтической системы, основанной на арузе. В его поэтическом мышлении 1000-летнее развитие литературы мусульманского Востока, трансформировано в емкие, полные философской диалектики поэтические тропы. Он – первый поэт, который так полно воплотил в себе восточно-западный синтез в идейно-художественном развитии татарской литературы. Сплав восточных и европейских литературных традиций в поэзии Тукая, Дэрменда и Сахида Рамиева, этих титанов обновления поэтической системы, явился фактором ускоренного развития татарской литературы в начале XX в. В прозе и общественной мысли, в сущности и во всей литературе, выразителями такого обновления были Гаяз Исхаки и Га-

лимджан Ибрагимов. Примечательно, что фундаментальную монографию Мансура Хасанова о Галимджане Ибрагимове, рецензировали крупные востоковеды - Брагинский и Короглы. Первый из них отметил, что до выхода монографии ощущалась нехватка одного из решающих звеньев связи Востока и Запада. Теперь же эта лакуна полностью заполнена.

Проблема культурного, литературного синтеза Восток-Запад в современном татарском литературоведении присутствует постоянно, и она становится все более актуальной. Труды академика Конрада являются надежным подспорьем для всех нас в исследовании литературных явлений в историческом разрезе. Монографии Резеды Ганиевой «Кул Гали и восточный ренессанс», и Хатыба Миннигулова «Татарская литература и восточная классика» свидетельствуют о плодотворности концепции покойного академика. Только во взаимодействии с отечественным востоковедением, татарское литературоведение в состоянии поднимать и решать масштабные задачи литературного развития.

Волжская Булгария в системе связей Запад - Восток

Одним из важнейших направлений обширного круга научно-исследовательской проблематики, разрабатываемой учеными Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова, было болгароведение, в частности, болгарская археология. К моменту образования Института и в первые годы его деятельности она находилась еще в зачаточном состоянии. Фонд исторических источников ограничивался отрывочными сведениями из древнерусских летописей и трудов восточных авторов, а также археологическими коллекциями в фондохранилищах музеев, сформированными преимущественно из случайных сборов дореволюционных исследователей.

Первый археолог Института, основатель казанской школы археологии, Николай Федорович Калинин, с 1945 года начал активную и весьма результативную работу по созданию археологической карты Татарстана путем сплошного обследования всей территории республики. Частью этой программы явились картографирование и систематизация болгарских памятников, завершившиеся в 1970-х годах регистрацией на обширных территориях Среднего Поволжья более двух тысяч памятников болгарского времени. Параллельно с разведочными работами по составлению археологической карты Волжской Булгарии проводились стационарные исследования ряда крупных болгарских памятников. Археологи ИЯЛИ принимали участие в систематических раскопках болгарского городища,

начавшихся еще в 1938 году под руководством Алексея Петровича Смирнова. Последние три десятилетия ознаменованы бурным развитием археологии болгарских городов, расположенных как на территории Татарстана (Джукетау, Сувар, Древняя Казань и так называемая Иски Казань, Ошель, Багдашкина, Чауве, Кельменчук, Елабуга), так и за его пределами – Муромский (на Самарской Луке) – во Владимирской; Золотаревский, Юлувский – в Пензенской; Красносендюковский и др. – в Ульяновской; Рождественский и др. – в Пермской областях.

Этапными являются широкомасштабные исследования крупнейшего болгарского города - Билярского археологического комплекса, ставшего, благодаря усилиям коллектива археологов под руководством Альфреда Хасановича Халикова, эталонным памятником домонгольских болгар. В результате накоплен огромный фонд археологических источников, часть которых уже стала достоянием широкой научной общественности, будучи опубликованы в десятках книг и монографий, сборниках статей и журналах, изданных не только у нас, но и за рубежом.

Я с большим удовольствием, благодарностью и признательностью должен констатировать, что практически всеми своими успехами, достижениями, мы археологи, обязаны нашему родному Институту ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова.

Уважаемы коллеги! В свете новых открытий в области болгарской археологии, неопровержимо доказано существование болгарской цивилизации на Средней Волге, ничем не уступающей средневековым цивилизациям Запада и Востока. Яркими признаками этой цивилизации являются города с их караван-сараями, мечетями и школами медресе, общественными банями и богатыми домами. Основное население городов составляли ремесленники и торговцы. Но в них проживали и представители зарождающейся интеллигенции - поэты, ученые, богословы, имена и произведения которых, пусть и не все, дошли до нас. О степени или уровне цивилизованности народов, судят также по тому, какое место занимали они в сис-

теме международной связи, мировом сообществе. Когда речь заходит о международных, в первую очередь торговых связях Волжской Булгарии, ссылаются обычно на удобные природные, географические условия средне-волжского региона. Это действительно так, но иностранных купцов привлекал, прежде всего, высокий экономический потенциал болгарского государства, широкие возможности реализации на рынках своих товаров и приобретения продукции болгарских мастеров. Говоря о месте Булгарии в системе связи Запад-Восток, ученые сетуют на скудность письменных источников. Их действительно мало, однако при этом они достаточно показательны. Для X в. это знаменитые записки ибн Фадлана о контактах болгарского эмира с арабским халифатом, рассказ венгерского анонима о переселенцах из Биляра и основания ими города Пешта на левом берегу Дуная. Далее можно упомянуть сообщение персидского историка XII в. Бейхаки о посылке болгарским царем Ибрагимом денег и подарков в Хорасан на построение мечети в Себзеваре и Хосровджете – это начало XI в. К XII в. относится подробное описание Булгарии Абу Хамидом Аль-Гарнати, выходцем из Андалусии (Южная Испания). И, наконец, к первой половине XIII в. – рассказ венгерского миссионера Юлиана о его путешествии в Булгарию по следам своих сородичей. Имеется, кроме того, лаконичное сообщение о болгарских ученых и поэтах, получивших образование в высших учебных заведениях стран Востока, а также сведения древнерусских летописей, по которым можно представить динамику болгаро-русских взаимоотношений X начала XIII вв. Скудость письменных источников вовсе не говорит об эпизодичности связей болгар со странами Востока и Запада.

Обратимся к данным археологии.

Булгария и страны Востока. Материалы по этой теме очень выразительны – это отдельные монеты и многочисленные клады арабских дирхемов VIII - X вв., дорогостоящая художественная керамика, люстровая посуда, сфероконусы, стеклянные бусы, полудрагоценные камни для украшений: лазурит,

сердолик, хрусталь и т.д. из Средней Азии, Ирана, Сирии, Византии, Закавказья. В числе новых и довольно редких находок из Биляра и некоторых других городов – стеклянные витражи, лампы, разнообразная посуда, изготовленная в странах Закавказья, Византии, Ближнего Востока. Хочу подчеркнуть, что все эти находки насчитывают десятки, сотни, а иногда и тысячи экземпляров. Кроме того, в письменных источниках имеются сведения об армянских коврах, дорогих тканях из Табаристана, Азербайджана, Джурджана, Византии; писчей бумаги из Самарканда. О караванной торговле свидетельствуют многочисленные кости верблюдов из культурного слоя поселения. Специалисты доказательно говорят о влиянии традиции досельджукской архитектуры на архитектуру общественных зданий болгарских городов. В Биляре обнаружены жилища с тандырами, в которых жили в X в. строители - выходцы из Средней Азии и т.д.

Булгария и страны Запада. В археологических коллекциях вещей западноевропейского происхождения относительно мало. Среди них монеты динарии X - XI вв. из Германии, Дании, Чехии; франкские мечи с пышно орнаментированными рукоятями и с клеймом «Ульфберт» на клинке, изготовленные в оружейных мастерских Среднего Рейна между Майнцем и Бонном. В ряде поселений городского типа обнаружены украшения и оружие из Скандинавии. Частой находкой является прибалтийский янтарь и украшения из него. Только в одной постройке Биляра более 6 кг янтаря – это самое большое количество его у нас, в Восточной Европе. В Биляре же и в некоторых других пунктах имеется металлическая посуда или ее детали производства Франции, Италии, Венеции. Накладки так называемого венгерского типа происходят из раскопок древней Казани. Средневековая Казань, исследования которой начались еще в стенах Института языка, литературы и истории, является ярким воплощением связи между Западом и Востоком. Среди находок из древнейшего слоя и чешская монета, и арабский

дирхем, и прибалтийский янтарь, и венгерская накладка, и многочисленные вещи из древней Руси.

Булгария и Русь. Теснейшие контакты существовали между волжской Булгарией и Русью. Очень много как болгарских вещей в древнерусских городах, так и древнерусских вещей в болгарских городах. Булгары не только торговали, но и проживали, занимались разными ремеслами в древнерусских городах.

Все вышесказанное дает основание заключить, что волжская Булгария еще в X в. превращается в крупнейший центр международной торговли. Более того, по справедливому утверждению академика В.Л. Янина, Булгар еще в VIII – IX вв. был главным связующим звеном Руси и Востока, своего рода восточными воротами Руси. Не Русь, а Булгария имела прямые контакты со Средней Азией и Арабским миром. Отсюда, из Булгара, тянулся караванный путь в Киев и далее в западноевропейские земли.

По теме: «Булгария в системе связи Запад – Восток» накоплен в последние годы огромный материал, который способен объективно показать международное значение Булгарского государства в домонгольское время.

**Основные направления исследований
Отдела языков народов Азии
Института востоковедения РАН**

Выступая на конференции, посвященной 60-летию со дня создания Института языка, литературы и искусства им. Г.И. Ибрагимова Академии наук Татарстана, я хотела бы прежде всего поздравить сотрудников Института от имени их коллег из Отдела языков народов Азии Института востоковедения РАН и пожелать им дальнейших больших успехов в их творческой деятельности.

Отдел языков народов Азии ИВ РАН также недавно отметил свой юбилей, хотя и более скромный: с момента его создания в 1958 г. прошло чуть более 40 лет. За это время Отдел стал крупной научно-исследовательской структурой, работа которой получила широкое признание как в нашей стране, так и за рубежом.

Хотя по сравнению с наиболее благоприятным для Отдела периодом, когда он насчитывал более 80 человек, состав его к концу 1999г. сократился более чем вдвое, это в значительной степени компенсируется их высокой научной квалификацией. Среди 33 штатных научных сотрудников Отдела 16 имеют степень доктора филологических наук, 11 – степень кандидата наук. Целый ряд сотрудников являются членами престижных отечественных, зарубежных и международных научных организаций, лауреатами научных премий и конкурсов, участниками крупных научных проектов (Н.Ф. Алиева,

М.С. Андронов, А.Г. Белова, Л.М. Горелова, Т.Я. Елизаренкова, Л.Р. Концевич, Л.Н. Морев, Ю.А. Рубинчик, Н.В. Солнцева, О.В. Столбова, В.Э. Шагаль, З.М. Шаляпина, Г.Ш. Шарбатов, Л.И. Шкарбан, Р.Л. Цаболов и др.).

Во многом благодаря этому, Отдел и в настоящее, не-легкое для отечественной науки время продолжает получать значительные научные результаты. Достаточно упомянуть, что только за последние два года его сотрудниками опубликовано или подготовлено к печати более 25 работ монографического характера, созданы две действующие компьютерные системы для работы с текстами на восточных языках (которые, в частности, были представлены в 1999 г. на юбилейной выставке “275 лет Российской Академии наук”). Расширился в последнее время и состав исследуемых в Отделе языков: в их число, помимо языков, распространенных в странах Азии, вошли также некоторые языки Нигерии, Гвинеи и других стран Африки.

С точки зрения своего содержания, работа Отдела имеет два основных аспекта: научно-исследовательский и преподавательский. Остановимся вкратце на каждом из них.

I. Научно-исследовательская деятельность Отдела

Основное, что определяет специфику научно-исследовательской работы Отдела, – это ее многоплановость. Она вытекает из многопланового характера уже самого объекта исследования – естественного языка, – о чем было так хорошо сказано в докладе члена-корреспондента РАН В.М. Солнцева. Язык – это и инструмент человеческого общения, мышления и познания; и среда культурного, социального и технологического развития общества; и отражение реальной действительности, содержащее в себе, как и сама эта действительность, зародыши ее будущих состояний; и память народа, хранящая в себе реальные следы его истории, по которым эта история может прослеживаться и частично восстанавливаться.

Соответственно, языковедческие исследования в Отделе ведутся по нескольким различным, хотя и взаимосвязанным

направлениям. Можно выделить пять основных из таких направлений.

1. Общезыковедческие исследования на материале языков народов Азии и Африки.

Они составляют теоретический и методологический фундамент всех других направлений работы Отдела, обеспечивая разработку оптимального научного инструментария, систем понятий и терминов для задач создания конкретных грамматических и словарных описаний исследуемых языков в их историческом и синхронном аспектах. Материал восточных языков особенно продуктивен для исследований данного направления, поскольку представленные в этих языках явления далеко не всегда имеют точные параллели в языках европейского типа. Необходимость их научного осмысления и описания естественным образом выводит на теоретические и методологические проблемы языкознания, открывая возможности более широкого подхода к этим проблемам, нежели при ориентации только на европейские языки.

В этой работе в той или иной мере участвуют все сотрудники Отдела. К числу наиболее фундаментальных исследований данного направления относятся, например, такие широко известные в языкознании труды, как монография В.М. Солнцева "Язык как системно-структурное образование" (М.: Наука, ГРВЛ, 1971; 2-е изд. – М.: Наука, ГРВЛ, 1977) и монография И.Ф. Вардуля "Введение в описательную лингвистику. Синтаксис и супрасинтаксис" (М.: Наука, ГРВЛ, 1977).

Широкий круг общезыковедческих вопросов явился предметом рассмотрения в ряде выполненных в Отделе коллективных исследований. В них изучаются, в частности, такие сложные аспекты лингвистической теории, как факультативность в употреблении языковых средств, соотношение грамматического и актуального членения предложения, функционально-типологические проблемы полипредикативности, синтаксические, семантические и прагматические принципы определения и разграничения функциональных классов слов и др.

2. Исторические и сравнительно-исторические исследования языков народов Азии и Африки.

Работы этого (как и следующего) направления особенно тесно связаны с проблематикой общеполитической программы "Культурные, религиозные и этнические факторы в локальных и глобальных процессах современности" (рук. д.и.н. Р.Б. Рыбаков), в рамках которой (прежде всего в связи с подпрограммами "Языки народов мира" и "Теоретические и практические аспекты взаимоотношения языка и культуры") осуществляется основная часть работы Отдела. В течение длительного времени Отдел участвовал, в частности, в межполитическом проекте "Лингвистическая и этнокультурная история населения Восточного Средиземноморья, Месопотамии и Аравии в V - I тыс. до н.э." (основной участник – А.Г. Белова).

К данному направлению непосредственно примыкают исследования, связанные с переводом и изучением исторических литературных памятников. Крупным событием в этой области явился выход в свет выполненных Т.Я. Елизаренковой переводов и научных описаний таких знаменитых памятников древнеиндийской культуры, как Ригведа и Атхарваведа. В последние годы переводы и научные исследования проводились также для памятников, написанных на бенгальском (Е.М. Быкова), корейском (Л.Р. Концевич), монгольском (М.Н. Орловская) языках.

На ближайший период в рамках исторических и сравнительно-исторических лингвистических исследований планируются такие работы, как изучение проблем составления этимологического словаря классического арабского языка (А.Г. Белова), описание грамматики тохарских языков (С.А. Бурлак и И.Б. Иткин), сравнительно-историческое изучение австронезийских языков (Ю.Х. Сирк), составление глоссария календарных, космогонических, астрономических и хронологических терминов, встречающихся в дальневосточных календарях (Л.Р. Концевич), сравнительно-исторического словаря афра-

зийских языков (О.В. Столбова). Завершено составление этимологического словаря курдского языка (Р.Л. Цаболов).

3. Конкретно-лингвистические исследования языков Азии и Африки в их современном состоянии.

Разработки по данному направлению ведутся как для языков, уже имеющих достаточно богатую лингвистическую традицию (таких, как арабский, китайский, корейский, персидский, хинди, японский и др.), так и для тех языков, которые ранее не описывались и требуют для этого полевых исследований.

Среди исследований последнего типа особое место занимает постоянно действующая Российско-вьетнамская лингвистическая экспедиция, организованная по инициативе В.М. Солнцева еще в те годы, когда он был заместителем директора Института востоковедения РАН. После его перехода на должность директора Института языкознания РАН работа сотрудники Отдела продолжают экспедиционную работу совместно с этим Институтом. В настоящее время ведется подготовка очередных выпусков материалов экспедиции, посвященных описанию языков лати, нунг, пахен, рук, чам (Н.В. Солнцева, Н.Ф. Алиева, Т.Г. Погибенко).

Полевые исследования выполняются и для ряда других языков, прежде всего для кирфи (О.В. Столбова), ландума, сусу (Н.Р. Сумбатова) и других языков Северной и Западной Африки.

Важной областью конкретно-лингвистических исследований современных восточных языков является их контрастивное изучение в связи с их соотношением с русским языком. Особенно большое значение имеет здесь работа по созданию соответствующих двуязычных словарей. В настоящее время сотрудниками Отдела составляются и готовятся к печати пять таких словарей: арабско-русский словарь современного египетского разговорного языка (Г.Ш. Шарбатов), амхарско-русский словарь (Е.Г. Титов), персидско-русский фразеологический словарь (Ю.А. Рубинчик), русско-бирманский словарь

(Г.Ф. Минина), русско-курдский словарь (Р.Л. Цаболов), русско-лаосский словарь (подготавливаемый в сотрудничестве с ИЯз РАН, рук. Л.Н. Морев).

Разрабатываются или подготавливаются к печати также грамматики ряда языков исследуемых регионов: арабского (Г.Ш. Шарбатов), маньчжурского (Л.М. Горелова), персидского (Ю.А. Рубинчик), языка кирфи (О.В. Столбова), современного и классического тамильского языка (М.С. Андронов), современного хинди (В.П. Липеровский), японского (В.М. Алпатов, И.Ф. Вардуль, С.А. Старостин). Грамматические исследования ведутся также для бугийского (Ю.Х. Сирк), китайского (Н.В. Солнцева; Е.И. Шутова), мон-кхмерского (Т.Г. Погибенко), тагальского (Л.И. Шкарбан) и других языков.

4. Исследование функционирования языков изучаемых регионов в их социальном, культурном и политическом контексте.

Данное направление работы Отдела предполагает исследование языка как фактора, в значительной степени определяющего специфику и самобытность использующих его народов и являющегося важнейшим средством распространения культуры и идеологии. В его задачи входят прежде всего социолингвистические исследования, в том числе изучение языковых ситуаций и языковой политики в странах Азии и Африки, процессов становления и развития государственных языков и языков межэтнического общения, их взаимодействия между собой, выделения и развития территориальных, социальных и других диалектов и т.п.

Ранее исследования данного направления имели значительный спрос и поддержку со стороны властных структур. В настоящее время они в большей мере ведутся в инициативном ключе. Это не умаляет, однако, их принципиальной роли для понимания языка в его коммуникативных и культурных функциях. Активную работу по изучению и описанию этих функций в исследуемых ими языках выполняют в настоящее время В.Э. Шагаль, Л.Н. Морев, Ю.А. Рубинчик, Р.Л. Цаболов,

Л.Р. Концевич, Ю.Х. Сирк, А.Л. Семенас и другие сотрудники Отдела. К данному направлению принадлежит также значительная часть научных трудов **В.А.Чернышева**

5. Исследования в области компьютерной лингвистики применительно к языкам изучаемых регионов.

Задачей данного направления исследований является разработка систем автоматизированной и автоматической обработки текстов на языках изучаемых регионов, а также создание компьютерных массивов данных для этих языков.

К работам, осуществляемым в Отделе в этой связи, относятся прежде всего разработки по созданию экспериментального комплекса ЯРАП для лингвистических исследований в области японско-русского автоматического перевода (рук. З.М. Шаляпина), а также редактирующей и справочной системой по японской графике и лексике ИРИС, ориентированной на русскоязычных пользователей (рук. В.И. Любченко). В рамках этих разработок, с одной стороны, ведутся исследования по общей теории и методологии формально-лингвистических описаний, ориентированных на восточные языки, с другой стороны – создаются конкретные словарные и грамматические описания для японского и русского языков в их взаимодействии при переводе, а также опирающиеся на эти описания действующие компьютерные модели. Полученные к настоящему моменту результаты подробно рассматриваются в работе З.М. Шаляпиной "Средства компьютерной обработки японских текстов, разрабатываемые в Институте востоковедения РАН" (Бюллетень общества востоковедов РАН, вып. 4).

Сотрудники Отдела участвуют также в работе по унификации компьютерных кодировок для графики восточных языков (В.И. Любченко, Л.Р. Концевич).

Еще одно направление компьютерных исследований, ориентированных на языки Азии и Африки и выполняемых сотрудниками и аспирантами Отдела, связано с их участием в международном проекте "Всеобщая сравнительная грамматика", осуществляемом под руководством проф. К. Лемана,

гор. Билефельд, Германия. Проект имеет целью создание компьютерной системы LDS (Linguistic Description System) для описания и документации малоизученных языков.

Следует подчеркнуть, что многие научные исследования сотрудников Отдела носят комплексный характер, охватывая проблематику одновременно двух или нескольких из выделенных пяти направлений.

II. Деятельность Отдела

по подготовке востоковедческих кадров.

Названные выше пять фундаментальных направлений исследований по восточному языкознанию получают практическое приложение в виде преподавания самих исследуемых языков и методологии их изучения при подготовке кадров востоковедов широкого профиля в рамках аспирантуры, в различных университетах Москвы, а также в высших учебных заведениях других городов России. Работа в этом направлении особенно активизировалась в последние годы.

Сотрудники Отдела преподают исследуемые ими языки в МИДе, в Восточном Университете при ИВ РАН, в ИСАА при МГУ, в Московском лингвистическом университете, в РГГУ, в университетах Тюмени, Челябинска и др. Ведется преподавание, в частности, различных аспектов арабского (Г.Ш. Шарбатов), индонезийского (Н.Ф. Алиева), китайского (Н.В. Солнцева, А.Л. Семенас, Т.В. Михайлова), персидского (Ю.А. Рубинчик), курдского (Р.Л. Цаболов), кхмерского (Т.Г. Погибенко), лаосского, тайского (Л.Н. Морев), бугийского, малайского, яванского (Ю.Х. Сирк) и других языков.

Помимо практических курсов этих языков, преподающие их сотрудники Отдела ведут, как правило, курсы по теоретической грамматике, лексикологии и фонетике этих языков, по проблемам палеографии, межкультурного общения, диалектологии (включая функциональные и социальные диалекты) и др.

С использованием материала восточных языков преподается также ряд общетеоретических курсов: введение в языко-

знание, современные синтаксические теории, глагольные категории в языках мира (Н.Р. Сумбатова), общий синтаксис, общая семантика (М.Б. Рукодельникова), теория грамматикализации, теория референции (Т.Г. Погибенко), формальная семантика (Е.Л. Рудницкая), сравнительно-историческое языкознание (С.А. Бурлак), компьютерное моделирование естественного языка, проблемы и методы автоматического перевода (З.М. Шаляпина).

Сотрудниками Отдела языков осуществляется руководство научной работой стажеров, дипломников, магистрантов, аспирантов и докторантов, они участвуют в подготовке и проведении лингвистических олимпиад и конференций молодых ученых. В частности, в настоящее время идет подготовка Международной конференции молодых ученых по лингвистической типологии (“Второй зимней типологической школы”), проводимой сотрудниками Отдела совместно с факультетом теоретической и прикладной лингвистики РГГУ в рамках ФЦП “Интеграция” (программное мероприятие 1.6. Воссоздание научных олимпиад, конкурсов, научных молодежных школ и конференций).

Ведется также работа по подготовке программ и учебников лингвистических курсов для школ и университетов. Так, по заказу НИИ Национальных проблем образования разработана типовая программа по тунгусо-маньчжурским языкам для 4-10 классов национальной школы (Л.М. Горелова). С.А. Крылов разрабатывает модифицируемую программу курса “Введение в языкознание”. С.А. Бурлак совместно с чл.-корр. РАН С.А. Старостиным работают над созданием университетского учебника по сравнительно-историческому языкознанию.

Внимание к подготовке научных кадров приносит свои плоды. Несмотря на все трудности современного периода, Отделу языков удастся пока не только сохранять основной состав своих сотрудников – высококвалифицированных лингвистов-востоковедов (в чем огромная заслуга принадлежит дирекции Института, делающей все возможное для их поддержки), но и

привлекать молодых ученых, которые могли бы стать учениками и преемниками своих старших коллег. За последние два года двое младших научных сотрудников зачислены в штат Отдела, еще один участвует в работе Отдела на контрактной основе, восемь будущих специалистов по восточному языкознанию учатся в аспирантуре Института. Ряд сотрудников Отдела осуществляют руководство аспирантами также в рамках других институтов и университетов. В той мере, в какой ведется эта работа, можно надеяться, что опыт и знания, накопленные в области восточного языкознания за годы существования Отдела, будут переданы следующему поколению лингвистов-востоковедов и получат в их исследованиях дальнейшее развитие.

К сорокалетию научной деятельности Отдела в 1998 г. была проведена научная конференция, на которой были подведены предварительные итоги этой деятельности и обсуждены возможности и перспективы ее продолжения в современных условиях. В настоящее время к печати готовится “Избранная библиография научных трудов сотрудников Отдела языков”, охватывающая период с 1958 по 1998 гг. Заканчивая на этом свое по необходимости краткое выступление, я еще раз поздравляю Институт языка, литературы и искусства Академии наук Татарстана с его славным юбилеем и передаю в библиотеку Института предварительный вариант этой библиографии в надежде, что собранные в ней сведения могут быть полезны нашим татарским коллегам в их научных изысканиях.

Основные тенденции развития татарской религиозной мысли конца XVIII - XIX вв.

Поволжье, Казань являются местом встречи восточной и западной культурных традиций. Ярким примером тому может служить татарская религиозно-философская мысль конца XVIII - XIX вв. С одной стороны, она сформировалась под влиянием общетюркской, арабо-мусульманской философской мысли, а с другой – под влиянием русской, а через нее – западноевропейской мысли. Своеобразие татарской религиозно-философской мысли конца XVIII - XIX вв. заключается в том, что она развивалась в двух направлениях. Во-первых – в направлении религиозного реформаторства и просветительства. Вот основные особенности развития татарской религиозно-философской мысли в этом направлении:

1. Татарское религиозно-реформаторское движение рубежа XVIII - XIX вв. предшествовало просветительскому, которое начинается со второй половины XIX в.
2. Начиная со второй половины XIX в., татарское религиозное реформаторство и просветительство сосуществуют одновременно как два направления татарской философской мысли.
3. Первые татарские религиозные реформаторы Утяз Имани и Курсави, а позднее Марджани, в то же время были и религиозными философами.

4. Татарская религиозно-философская мысль, как часть, изучающая метафизический аспект религиозного реформаторства, развивалась в основном в двух направлениях: спекулятивная теология критики калама (богословия) и суфийская теоретическая мысль.

Татарское религиозное реформаторство конца XVIII - XIX в. прошло в своем развитии два этапа: этап становления – это творчество Утяза Имани и Курсави начала XIX в. и реформаторство второй половины XIX в. – это творчество Марджани.

Другое направление татарского религиозного реформаторства рубежа XVIII - XIX вв. – критика традиционализма, концепция иджтихада - вынесение самостоятельного суждения. Характерной чертой, доминантой этого направления была борьба с традиционализмом, представители которого препятствовали проникновению любого нового веяния в жизнь мусульман. Развиваясь в условиях этого направления, татарское общество склонялось не к отказу от религии, а к ее большей открытости в соответствии со сложившейся реальностью. Идейными столпами этого периода развития реформаторства были Утяз Имани и Курсави. Если говорить о Курсави, то это был один из первых религиозных реформаторов на всем арабо-мусульманском востоке. Он впервые обратился с концепцией не просто открытия дверей иджтихада, а с концепцией открытия дверей абсолютного иджтихада, которая затрагивала изменение основ веры, и он впервые обратился к этой концепции, апеллируя к хадисам. Хадис гласит, что в начале века появляется тот, кто обновляет веру. И таким образом, согласно Курсави, так называемого закрытия дверей иджтихада в действительности не было. Так и продолжалось, он ссылается на великих людей арабо-мусульманского востока до XIX в.

Если говорить о татарском реформаторстве второй половины XIX в., то оно испытало сильное влияние идей нового времени. Его отличительной чертой является не просто критика некоторых устаревших положений религии, а приспособле-

ние обновленной религии к современному знанию, наукам. Наиболее примечательной фигурой данного этапа развития реформаторства, является деятельность Шихабуддина Марджани.

Татарское религиозное реформаторство конца XVIII - XIX вв., включавшее в себя религиозную философию, являясь частью татарской философской мысли, сыграло огромную роль поднятия сознания татар-мусульман на новый уровень, представляя возможность каждому рационально толковать отдельные положения религий.

За неимением времени, я не буду останавливаться на метафизическом аспекте религиозного реформаторства, а именно, религиозной философии, которая у татар развивалась в двух направлениях. Это критика калама - спекулятивной теологии, которая также развивалась в творчестве Утяза Имани и Курсави и суфийская теоретическая мысль, которая развивалась в творчестве Утяза Имани. Если говорить о второй составляющей татарской религиозно-философской мысли XVIII - XIX вв., то представляется говорить о предыстории татарского просветительства в период второй половины XVIII – первой половины XIX вв. – периоде научно-педагогической деятельности семьи Хальфиных, Вагапова, Кукляшева. А татарское просветительство я начинается со второй половины XIX в. и именно в это время ислам продолжает господствовать в идеологической жизни татарского общества, но он уже не может приостановить процесс секуляризации культуры, проникновение светского знания. Именно в это время, в творчестве Марджани, был поставлен вопрос о мирном сосуществовании философии и религии. В то же время, следует иметь в виду, что татарские просветители, такие как Фейзханов, Марджани, Насыри, будучи мусульманами, не могли обойти стороной проблему религии в своих философских построениях. Особенность взглядов Фейзханова и Насыри состоит в том, что в их мировоззрении светское начало преобладает над религиозным, является доминирующим, определяющим суть мировоззрения

просветителей. В то время, как у Марджани, религиозные и светские пласты мировоззрения в равной степени дополняют друг друга.

Во второй половине XIX в. начинают происходить изменения и в самой татарской философии. В творчестве татарских просветителей прослеживается не только влияние общетюркской татарской арабо-мусульманской философской мысли, но и просматривается своеобразное заимствование некоторых натур философских идей нового времени, которое шло на данном этапе развития просветительства, через русскую культуру. В последствии, уже в творчестве Насыри, ощущается некоторое влияние турецкой общественной мысли. Татарское просветительство второй половины XIX в. стало качественно иным. Это уже было не просто общекультурное движение, а такое просветительское движение, которое типологически вполне сопоставимо с классическими моделями просветительской идеологии, которая свойственна странам, проходящим стадии, аналогичные пройденной западноевропейскими странами в XVIII в., в канун великой французской революции. В этом отношении, классическим образцом может служить французское просвещение XVIII в. Просветительская философия самым тесным образом связана с политикой, моралью, юриспруденцией, практикой, общественной жизнью. Именно эти части философии определяют суть философской части просвещения. Классическая просветительская философия есть не только отрицание теологической схоластики, свойственной средневековью, но и отрицание метафизики нового времени.

Татарское просветительство второй половины XIX в. является составной частью татарской философской мысли. Среди первых борцов за утверждение новых идеалов были татарские просветители Фейзханов, Насыри, Марджани. Их творчество, не разделяясь по сути, имеет свои особенности. Просветительское направление Насыри и Фейзханова - более светское, так как они испытали более сильное влияние русской и западноевропейской культуры, чем направление Марджани.

Тем не менее, направление Марджани, занимало ведущее положение в татарской просветительской мысли, так как пользовалось большим успехом у населения. Фейзханов, Марджани и Насыри - предвестники джадидского движения в России, именно они заложили его основу, реформу преподавания в медресе, необходимость пропаганды знаний нового времени, через периодическую печать, усвоение татарским народом передовых достижений мировой культуры и науки. Татарская философская мысль конце XVIII - XIX вв., продолжая традиции средневековой общетюркской, татарской и арабомусульманской философии, синтезировав русские и западноевропейские идеи нового времени, явила свою самобытность, что свидетельствует о высоком уровне развития татарской культуры эпохи нового времени.

В заключение хотелось бы сказать, что и у нас в XVIII - XIX в. были религиозные реформаторы, так же, как и на арабском Востоке. Поскольку в основном востоковеды пишут о деятельности арабских реформаторов, Джамаладдин Ахани, Мухамед Абдо. А в это же время у нас, в центре России, в Татарстане, творили Курсави, Марджани, писавшие на чистом арабском языке произведения, которые пользовались большой популярностью не только в Татарстане, но и на всем мусульманском Востоке.

Научное издание

Бюллетень Общества востоковедов
Выпуск 6

Материалы II Всероссийского съезда востоковедов
(Казань, 18-22 октября 1999 г.)

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

ИД № 04697 от 28 апреля 2001 г.

Сдано в набор 11.07.2002. Подписано к печати 25.07.2002.

Формат 60х90 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Усл. п. л. 11,0. Уч.-изд. л. 12,0.

Тираж 500 экз. Заказ № 62

Институт востоковедения РАН
103031 Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12

Научно-издательский отдел
Заведующий отделом Ю.В. Чудодеев

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
121019 Москва, ул. Знаменка, 11